

Российская Академия Наук
Институт истории материальной культуры

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – ВЕРХНИЙ
ПЛЕЙСТОЦЕН:**

*динамика природных событий и периодизация
археологических культур*

Санкт-Петербург
2002

В сборнике публикуются краткое содержание докладов, прочитанных на Международной конференции «Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур» 12-14 ноября 2002 г. в г. Санкт-Петербурге. Обсуждаются сложные проблемы развития культуры ископаемого человека на фоне динамики климата последней ледниковой эпохи на территории Европы.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Фонда Фундаментальных исследований
(проект 02-06-8511)

Редактор: Н.Д. Праслов
Оригинал-макет: С.Н. Лисицын

Отпечатано в ООО «АкадемПринт»
С-Пб ул. Миллионная, 19 Тел. 315-11-41

Подписано к печати 10.11.2002. Формат 60x84/16
Тираж 200 экз. Заказ 57/1

Российская Академия Наук
Институт истории материальной культуры

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – ВЕРХНИЙ ПЛЕЙСТОЦЕН:

*динамика природных событий и периодизация
археологических культур*

**(Материалы Международной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения Александра
Николаевича Рогачева)**

Под редакцией Н.Д.Праслова

**Санкт-Петербург
2002**

Russian Academy of Sciences
Institute of Material Culture History

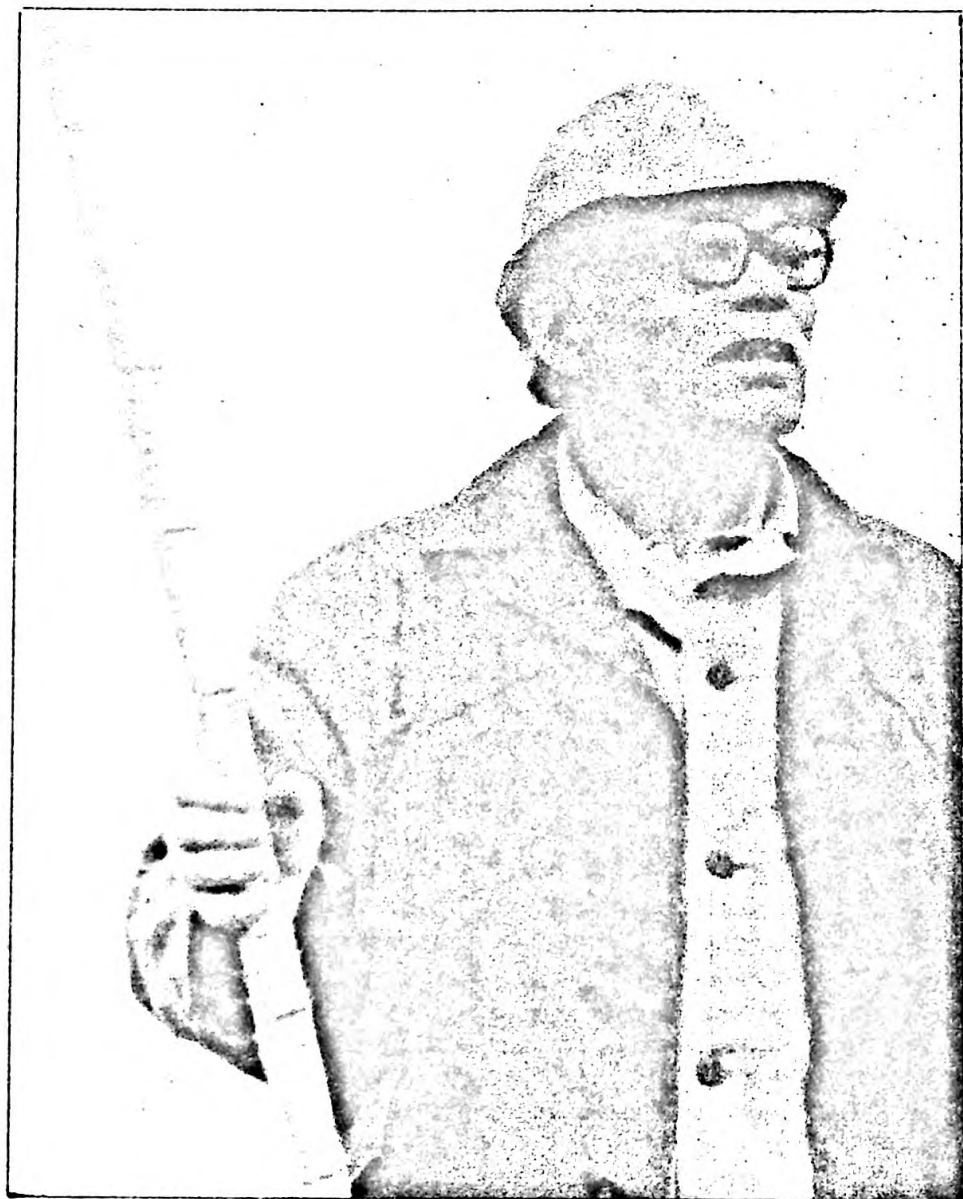
THE UPPER PALEOLITHIC – UPPER PLEISTOCENE:

*dynamics of natural events and periodization
of archaeological cultures*

**(Abstracts of the international conference, dedicated to
the 90-th birth anniversary of A.N.Rogachev)**

Edited by N.D.Praslov

**Saint-Petersburg
2002**

Александр Николаевич Рогачев (1912-1984)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Периодизация верхнего палеолита – важнейшая (и концептуальная) сторона изучения палеолита, поскольку она позволяет реализовать представления о закономерностях развития человеческой культуры. Периодизация верхнего палеолита была предметом пристального внимания А.Н.Рогачева и предметом его споров с коллегами. Периодизация верхнего палеолита Русской равнины – важнейшая составная часть научного наследия А.Н.Рогачева.

Суть споров касательно периодизации заключается в том, что одни считают возможным на основании типологии в верхнем палеолите Европы выделить три ступени. Эти ступени – общие для всей Европы. Противники же этой точки зрения считали, что выделяемые ступени имеют чисто формальный характер, да и значимы они не во всей Европе, а только на далеком западе, а уж в России и вовсе значения не имеют. Хотя и теперь предлагается выделять три ступени в периодизации, это не те же самые ступени, что три эпохи А.Брейля. Так получилось, что периодизации всей Европы строили под Францию, а именно там имеет место отклонение от общеевропейской периодизации. И это притом, что большинство голосов было в пользу создания самостоятельной периодизации для верхнего палеолита Восточной Европы.

Теперь мы ближе к пониманию, что же такое периодизация. Есть периодизация более общего порядка – ступени развития палеолита (олдувай, ашель и т.д), есть ступени более частного порядка – таковы подразделения верхнего палеолита. Ступени периодизации отражают общие закономерности развития, данные нам в типологии. И другого источника для познания развития в нашем распоряжении нет. Отсюда соображения того порядка, что «периодизация ... должна производиться не на основании типов отдельных вещей, а на основании частичных перемен общественного строя», что периодизационные «схемы отражают лишь внешнее, кажущееся движение, движение вещей», устарели, поскольку основаны на идеологизированных предпосылках.

Типология отражает внутреннее движение в археологическом универсуме. Восходя от типов и иных единиц классификации к более сложным единицам, которые могут быть уровнем выше археологических культур, мы получаем возможность установить

закономерности развития на пространстве всей Европы или пол-Европы.

Единственный способ убедиться в том, что выделенные на основании типологии особенности – не частные, а в самом деле имеют характер стадияльных закономерностей – установить значимость выделенных особенностей за пределами того небольшого региона, где эти особенности были первоначально установлены. Чуть ли не вся археология палеолита в XX веке – это проверка значимости солютре как ступени в развитии верхнего палеолита за пределами Большого Перигора. На это ушло больше чем полвека. Оказалось, что солютре не выдержало проверку на стадияльность. Оно стадияльно за пределами Франции самое большее – в пределах Италии, но только в том смысле, что единичные находки двусторонне обработанных острий в Италии примерно одновременны солютрейским памятникам Перигора. Инокультурные памятники с двусторонними формами на территории Испании также примерно одновременны с солютре Франции. На территории западного Средиземноморья солютрейская ступень обнаруживает свои стадияльные свойства. Существование ориньякских форм от Испании и до Дона всегда было показателем стадияльности в развитии верхнего палеолита. Его отвергали множество раз, но ориньяк как ранняя пора верхнего палеолита выдержал критику.

Другое свидетельство стадияльности того или иного качества или суммы признаков – это независимость их происхождения в разных концах Европы. Скорее всего, треугольные наконечники, обработанные двусторонне, возникли независимо на Донце, на среднем Дону и на Северном Урале. Я позволяю себе такое предположение, поскольку не доказано их происхождение из одного центра. Точно также можно предполагать независимое возникновение листовидных наконечников с округлым основанием, которые часто встречаются вместе с треугольными наконечниками. Эти наконечники вкуче с другими формами и служат исходным мотивом для выделения ступени – ранней поры – внутри эпохи верхнего палеолита.

Было бы упрощением думать, будто ступени периодизации выводятся непосредственно из форм, свойственных эпохе. Они являются побудительным стимулом для выделения группы памятников, которые в совокупности могут оказаться одним из территориальных подразделений ранней, например, поры верхнего палеолита. Так памятники стрелецкого типа оказались начальной фазой построения ранней поры верхнего палеолита, будучи осмыслены в масштабе более широком, чем пределы сел Костенки и Боршево.

Непосредственным подходом к выделению общеевропейских ступеней развития верхнего палеолита является установление структуры европейского палеолита на достаточно обширной территории – в пределах всей Европы или большей ее части.

Структура – совокупность устойчивых составных частей анализируемой единицы. Составными частями средней поры верхнего палеолита, или граветийского эпизода, являются группы родственных культур, археологические культуры и отдельные памятники. Примером являются хорошо знакомые 1) группа Виллендорф-Павлов-Костенки 2) костенковская культура (или известная павловская культура – по Григорьеву) и 3) Виллендорф. Нет виллендорфской культуры в Австрии (и в Германии тоже нет), потому что там нет памятников, однокультурных с Виллендорфом. Миловице – граветийский памятник, но не однокультурный с павловской культурой и потому одинокий. Археологические культуры с их вариантами есть во Франции, что давно и хорошо известно.

Отличается ли структурой мадленская, или поздняя пора верхнего палеолита – от граветийского эпизода?

В мадленское время можно представить Европу как область влияния мадленской культуры, когда распространяемыми мадленскими элементами будут изделия из кости – гарпун и наконечник со скошенным основанием. К этому можно прибавить некоторые украшения из кости. Другая область, и тоже область влияния – это обширная область культур европейских равнин, где распространены федермессеры, черешковые наконечники, скребки тарновской группы. Теперь навсрно пора признать, что не только мадлен Франции влиял на области к востоку от Рейна, но и группы федермессер или группы с черешковыми наконечниками влияли на некоторые области Франции. Есть группы устойчиво сходных памятников, которые называются культурами – это аренбургские памятники и гамбургские памятники, но их наверно преждевременно отождествлять с археологическими культурами граветийского времени. Что касается памятников Восточной Европы, то там не просматривается археологических культур. В одном случае действительно два памятника похожи друг на друга, но мы уже знаем на примере Костенок, что из двух памятников нельзя делать культуру. Типологически определенные формы мадленского времени существуют на ряде памятников, но эти памятники не образуют археологических культур, даже если они расположены по соседству. Я бы сказал, что в мадленское время картина более сложная, чем во времена граветийского эпизода. Есть множество центров, откуда просматривается влияние (далеко не всегда

влияние) на соседние, а иногда на удаленные памятники. Прежнее представление о мадленской поро нуждается в серьезных изменениях. Однако по мадленским материалам стадильность прослеживается еще лучше, чем в более раннее время. И вместе с тем, как и для средней поры, хронологически мадлен состоит из групп не синхронных – в том, что касается начала этой поры верхнего палеолита. Структура мадленской эпохи подлежит соответственно уточнению. Однако очевидно, что палеолитический мир с началом мадлена изменился.

Г. Бозинский

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ГЕРМАНИИ В СТРУКТУРЕ ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

Хронологические рамки.

В последние годы картина колебаний климата второй половины последнего похолодания стала много отчетливей, в основном благодаря геологическому изучению гренландского и антарктического ледников. Также важно, что стала возможной калибровка радиоуглеродных дат не только для охватываемого дендрохронологией периода «последеледниковья», а для всего времени верхнего палеолита.

Исходя из этого, верхний палеолит начинается от 43000 лет до н.э. (калиброванные даты) и заканчивается 12700 лет до н.э., охватывая, таким образом, временной промежуток около 30000 лет. Это время расчленяется многочисленными интерстадиалами (GIS 2-12), а также особенно холодной фазой второго максимума похолодания (KM) около 22000 лет до н.э.

Ранняя пора верхнего палеолита.

Начало верхнего палеолита в Германии представлено индустриями с регулярными листовидными острями. За ними, во второй половине раннего верхнего палеолита, следует ориньяк.

Листовидные остря на переходе от среднего к верхнему палеолиту.

За исключением материалов, происходящих из Ремаген-Шваленберг, были картографированы местонахождения с регулярными листовидными острями. Так как эти предметы постоянно происходят

из позднесреднепалеолитических Keilmessergruppen, то следовало бы учесть и дальнейшие находки менее регулярных листовидных острий, имеющих явно выраженную связь со средним палеолитом. Это относится не только к единичным листовидным остриям из Бокштайншмиде, Гросен Гротте, или Брайтенфуртер Хеле. Особенно это касается многочисленных более толстых листовидных острий из Персхайн, Вален в Гессене и Кестен/Шенсройт на Майне, а также немногочисленных, к сожалению, толстых листовидных острий из самого нижнего слоя Ильзенхеле близ Ранис, которые могут рассматриваться как непосредственные «предки» картографированных здесь орудий.

Листовидные острия переходного периода от среднего к верхнему палеолиту являются плоскими и регулярными. Многочисленны предметы с «черешковидной» обработкой основания или с одной такой вогнутостью в проксимальной части. Типичными являются и листовидные острия ежмановицкого типа, ретушированные только на концах и/или по длинному краю. Большая серия таких острий представлена во втором слое Ильзенхеле близ Ранис. Контекст регулярных листовидных острий составляют иногда скребла и Keilmesserformen (Вайнбергхелен близ Мауерн, Штайнернер Розенкранц), однако часто встречаются и скребки и резцы (Ремаген-Швальбенберг, Цайтларн, Альберсдорф).

Костяные изделия до сих пор известны только из Ильзенхеле близ Ранис. Во втором слое (Ранис 2) было найдено костяное острие длиной 13 см с тщательно отшлифованным кончиком и округлая пластина из бивня мамонта с просверленным отверстием. Вполне возможно, что к самой ранней поре верхнего палеолита относится и 37-сантиметровое острие из бивня мамонта из Даттельн. Также как и для вышеописанной пластины из Ранис, ближайшие аналогии для острия находятся в материалах Сунгиря.

Остатки охотничьей добычи представлены в большинстве лошадьё и оленем, но есть и шерстистый носорог (Вайнбергхелен, Ранис). По определению образцов древесного угля в Мауерн среди прочих видов были обнаружены сосны (*Pinus cembra*, *Pinus sylvestris*) и ясень (*Fraxinus excelsior*), а в Ремаген-Швальбенберг — ива (*Salix* sp.). Взятый В. фон Штокаром знаменитый отпечаток «букового листа» из Ранис оказался листом ольхи.

Жилые структуры до сих пор неизвестны. В Ремаген-Швальбенберг заполнение культурного слоя было частично окрашено красным.

Точное геохронологическое расположение находок до сих пор остается неясным. Важнейшие радиоуглеродные датировки относятся к 6 слою пещеры Нетопежова близ Ежмановиц в Краковской карстовой области. Отсюда происходит каменный инвентарь, соответствующий инвентарю Ранис 2. Дата 38500 ± 1240 лет т.н., полученная по древесному углю из кедровой сосны (*Pinus cembra*) и древесной группы лиственница/сосна, соответствует калиброванному возрасту 39500 лет до н.э. и попадает на время Гренландского интерстадиала 12 (Хенгело).

В целом, ранняя пора верхнего палеолита на настоящее время изучена пока неудовлетворительно. Это проявляется и в путанице с названиями (Альтмюльгруппе, Селет, Ежмановицы, Богуницы, Ранизьен). Неоспоримо, что ранний верхний палеолит нашей территории развился из позднесреднепалеолитических *Keilmessergruppen* и представлен индустриями с листовидными остриями, как и на востоке Средней Европы и в Восточной Европе. Никаких связей с шательперроном юго-запада Европы нет.

Ориньяк.

На смену ранней поре верхнего палеолита, памятники которой имеют региональные различия, в наступившее за ней ориньякское время, во всей обитаемой на тот момент Европе и Леванте наступает культурное единство. Согласно результатам изучения разреза в Ломмерзум и имеющимся в нашем распоряжении радиоуглеродным датировкам, германские местонахождения укладываются в отрезок геохронологической шкалы между гренландскими интерстадиалами 12 (Хенгело) и 8 (Ле Котте/Денекамп) и имеют возраст около 40000 – 35000 до н.э. В Ломмерзум на Нижнем Рейне были обнаружены остатки окрашенного красной краской жилого горизонта и очаг, топливом для которого служили в основном кости. Важнейшими объектами охоты были лошадь и северный олень. Костные остатки северного оленя принадлежали убитым весной животным, что позволяет предположить, что здесь произошла охота на стадо во время его пути в Айфель. В Гайсенклерле в Ахталь было также обнаружено большое количество костного угля, свидетельствующего об использовании костей в качестве топлива. В центральной части пещеры находилось скопление костного пепла до 10 см толщиной.

Сырье для каменных орудий происходило главным образом из ближайших окрестностей. Расстояние до источников сырья не превышало 20 км.

В Вильдшойер, Фогельхерд и Гайсенклерле были обнаружены жезлы и острия из бивня мамонта и рога, а также ложила и

шилья. Одно шило из Ранис с толстой рукоятью не имеет аналогов. Одним из важных видов находок являются большие костяные острия с расщепленным или массивным основанием. Такие острия найдены как на богатых местонахождениях (Фогельхерд, Гайсенклерле, Вильдшойер), так и в качестве единичных находок в пещерах, обычно заселенных пещерными медведями. Самым впечатляющим примером такого типа местонахождений является Херманнхеле в Гарце. Здесь среди огромного количества костей пещерного медведя было найдено одно единственное костяное острие, как свидетельство присутствия здесь человека.

Из украшений, помимо просверленных зубов животных, следует упомянуть бусины из камня и бивня мамонта. Специфическую ориньякскую форму представляют собой маленькие овальные бусины из бивня мамонта с двусторонним сверлением, известные из материалов Гайсенклерле и Зиргенштайнхеле.

Не будем специально останавливаться на всемирно известных статуэтках из бивня мамонта из Фогельхерд, Гайсенклерле и Холенштайн-Штадель. Эти статуэтки (мамонт, лев, медведь, зубр, лошадь) великолепно моделированы и в своих пропорциях подчеркивают типичные признаки изображенных животных. На телах животных часто выгравированы символы (ямочки, крестики, линии), имеющие, вероятно, определенный семантический смысл. Маленькая фигурка человека из Гайсенклерле и восстановленный Иоахимом Ханом из многочисленных фрагментов человеколев из Холенштайн-Штадель уникальны.

Эти ориньякские статуэтки из бивня, не всегда в прошлом оцениваемые по достоинству, получили совершенно новое значение в свете открытия грандиозного грота Шове. Не только сами изображенные животные, среди которых немало львов, но и стилистические признаки статуэток из бивня мамонта схожи с изображениями грота Шове. Особенно ясно это видно при сравнении львиной головы из Фогельхерд с рисунком льва из грота Шове.

Иоахим Хан нашел в Гайсенклерле обломок известняка с остатками красной и черной краски. Эта находка указывает на то, что некогда стена пещеры была разрисована, как, например, в Абри Бланшар в Дордони.

Средняя пора верхнего палеолита

Средняя пора верхнего палеолита охватывает временной отрезок длиной 13000 лет, от гренландского интерстадиала 8 (Денекамп) 35000 лет до н.э. до второго максимума похолодания 22000

лет до н.э. В Германии нам известны до сих пор лишь находки первой половины этого периода. Во второй половине средней поры верхнего палеолита (во время пика похолодания) природные условия в Средней Европе были суровыми и негостеприимными, что, возможно, привело к перерыву в заселении территории.

Из некоторых стоянок происходит значительное количество черешковых наконечников типа фон-робер, характеризующих в Юго-Западной Европе перигордьен Va. Что касается нашей территории, то в большинстве случаев речь идет о поверхностных сборах, сиречь о находках из переотложенного заполнения пещеры (Фельдхофергротт (?) в Неандерталь). Острие типа фон-робер из пещеры Фельз близ Шельклингена происходит из горизонта (АН) II C, для которого имеется радиоуглеродная дата 28920 ± 440 лет т.н. Это является указанием на то, что острия типа фон-робер и у нас относятся к более древнему отрезку средней поры верхнего палеолита.

В других местах, прежде всего в Мезьер-Каналь близ Монса острия типа фон-робер относятся к интерстадиалу с более умеренными климатическими условиями. Это могло бы нам помочь прояснить картину распространения памятников с остриями фон-робер на северо-восток, до южной Англии и Тюрингии.

Памятники с многочисленными мелкими обушковыми ножами, микрограветтийскими остриями и нуклеусами для пластинок («полиэдрическими резцами»), соответствующие развитому перигордьену (=VI/VII) юго-западной Европы, относятся к более холодной фазе, следующей за вышеупомянутым интерстадиалом. В Майнц-Линзенберг и Шпрендлинген, как и в Меттерних, горизонты находок залегают в лессе, непосредственно на интерстадиальной почве. В Шпрендлинген и Меттерних выше в лессе залегает двойная полоса эльзвильтерских туфов, относящихся ко времени пика похолодания.

Несколько местонахождений расположены на ориентированном к югу уступе русла ручья выше его впадения в реку и с севера защищены навесом. Такое «кресловидное» расположение памятника особенно впечатляет в Кобленц-Меттерних. Здесь местонахождение располагается на уступе средней террасы Мозеля, прислоненном к горе Киммель. В непосредственной близости от него находился ручей Гайс, ныне забранный в трубу. Сходная топография наблюдается в Ренс и Майнц-Линзенберг. Подобный выбор места характерен для долговременных поселений больших групп людей, например, Дольни Вестоницы и Павлов у подножия горы Поллауер, Мезин на Десне и район Костенок на Дону.

В противоположность этому, местонахождение Шпрендлинген расположено на самой высокой точке местности с широким обзором во всех направлениях. Еще более открытое положение занимает маленькое местонахождение в углублении кратера вулкана (позднее заполненном) Плайдтер Хуммерих.

Отдельного упоминания заслуживает местонахождение в Бахшоттерн, расположенное на горячем (60 градусов) источнике Адлер в Висбадене. Здесь господствовал особенный биотоп с более богатой растительностью, – оазис в лессовых степях.

Одним из наиболее впечатляющих поселений является открытый в 1816 г. около Зеельберга в Бад Каннштатт (16) при добыче глины т.н. «бивневый лагерь». Уже в 1700 году в Бад Каннштатте около Уффкирхе были найдены многочисленные кости животных и среди них около 60 бивней мамонта, возможно, относившиеся к верхнепалеолитическому поселению. «Бивневый лагерь» у Зеельберга представлял собой компактную кучу костей, включающую в себя 12 бивней мамонта. Костный уголь около зубов мамонта и челюстей лошади, как и наличие нескольких каменных артефактов, подтверждают это. Структура поселения очень напоминает углубленную конструкцию в Елиссевичах и округлое очертание в Павлове. К сожалению, у нас больше нет сходных местонахождений, в то время как их много в верхнем палеолите Восточной Европы.

В Майнц-Линзенберг был обнаружен сложенный из обожженной глины угол «тока», до сих пор не имеющий никаких аналогов, функции его остаются неясными. В Шпрендлинген могут быть реконструированные округлые очертания легкого наземного жилища с очагом, частично разрушенные ямой для добычи песка, и 2 рабочих площадки. Важны связи между тремя пещерными стоянками долины Аха, выявленные Анной Шеер путем ремонтажа каменных артефактов. Эти ремонтажи подтверждают связи между Гайсенклерле и Брилленхеле, а также Хеле Фельз с Брилленхеле. Для долины Рейна Сусанна Фелингс пыталась подтвердить взаимосвязь очень похожих местонахождений – Майнц-Линзенберг и Шпрендлинген. Хотя таких взаимосвязей между этими стоянками выявлено не было, все же очень вероятно, что некоторые артефакты из Майнц-Линзенберг и Шпрендлинген сделаны из одного и того же куска сырья.

Основными объектами охоты были лошадь, олень, мамонт и шерстистый носорог. Значение мамонта подтверждают 12 бивней и многочисленные кости в «бивневом лагере» в Бад Каннштатте. В одной из пещер Вайнберг в Мауерн в окрашенном красным цветом слое

вместе с орудиями и подвесками из бивня залежали многие каменные артефакты и остатки кострища — «...части позвоночников мамонта, состоявшие из кусков по 9, 17, 7, 8 и 14 позвонков. Рядом был расчищен целый череп молодого животного с частично обломанными бивнями. Эти обломанные бивни были найдены несколько ближе к выходу. Кроме того, здесь были найдены многочисленные ребра, две лопатки и кости передних конечностей» 26. В Ренсе среди фаунистических остатков преобладал шерстистый носорог.

Важно отметить находки терочников в Шпрендлинген и, особенно, на Адлерквелле, так как такие находки являются редкостью для верхнего палеолита. По всей видимости, с помощью этих терочников готовилась растительная пища (семена травянистых растений?).

К украшениям, помимо просверленных зубов животных и подвесок из бивня мамонта, относятся раковины брюхоногих и двустворчатых моллюсков из третичных отложений и из Средиземного моря. В Шпрендлинген мы нашли многочисленные раковины разных размеров, как брюхоногих, так и двустворчатых моллюсков, в Майнц-Линзенберг, напротив, были найдены только большие раковины с прорезью для нанизывания ожерелья, происходившие из третичных отложений. Средиземноморские моллюски являются свидетельством обмена на больших расстояниях. Особенно излюбленными были моллюски *Ninia* и *Cyclope*, а также мелкие красные раковины *Notaraloma sanguineum*. Легко себе представить, что эти раковины моллюсков из столь отдаленных мест, ценились не только в качестве украшений, но и как средство обмена.

В сравнении с соседними областями, искусство средней поры верхнего палеолита Германии до сих пор оценивалось, как очень скудное. Из Вильдшойер происходит птичья косточка с зигзагообразным орнаментом и предмет из бивня мамонта с ромбовидным декором, из Магдаленахеле — кольца из бивня мамонта с нарезками в виде штрихов и ямок. В Хеле Фельз близ Шельклинген недавно была найдена головка лошади из бивня мамонта. Широко распространенные в это время женские статуэтки известны в Германии в Майнц-Линзенберг и Мауерн, кроме того, в Бриллихеле были найдены 2 фрагмента из бивня мамонта, предположительно представляющие собой ягодицы статуэтки.

Поздняя пора верхнего палеолита

Поздняя пора верхнего палеолита охватывает около 9000 лет, от пика похолодания 22000 лет до н.э. до начала позднеледникового

интерстадиала (Беллинг, т.е. Майендорф/Аллеред) 12700 лет до н.э. Непосредственно за пиком похолодания следует гренландский интерстадиал (GIS 2) (Ложери ?). Следующие 9000 лет, благодаря колебаниям климата, в ледниковых кернах представлены хуже, чем предыдущее время. Во всяком случае, климатическая кривая этой фазы имеет отчетливую впадину с более умеренными условиями, самая низкая точка которого датируется 17000 лет до н.э. Эта фаза (не имеющая названия в ледниковых кернах), которая в старых работах называлась «Беллингом», была важна для заселения Средней Европы в поздний период верхнего палеолита. За ней следовал холодный отрезок и затем — резкое потепление в начале позднеледникового интерстадиала, которым заканчивается верхний палеолит.

Начало позднего периода верхнего палеолита

На настоящее время считается, что находки из Висбаден-Игштадт с радиоуглеродными датами 17000-19000 лет т.н. относятся ко времени непосредственно после пика похолодания (вероятно, в GIS 2 — Ложери -). Тем самым предполагаемая лакуна в заселении нашей территории заметно сокращается. Среди каменного инвентаря Висбаден-Игштадт есть скребки с высоким профилем и пластины с ретушированным краем; обушковые ножи полностью отсутствуют. Находки первоначально определялись как ориньякские. Томас Тербергер подчеркивает единство с бадегульеном Юго-Западной Европы и находками из раскопок в Нижней Австрии, для которых есть радиоуглеродные даты 18000 — 14000 лет т.н. В существенно более богатом материале из Грубграбена каменные орудия обнаруживают неизменное сходство с ориньякскими. Здесь также отсутствуют обушковые ножи; только в пяти самых верхних слоях было найдено несколько обушковых ножей. В остальном в Грубграбене имеются скребла и острия, которые вполне могли бы быть отнесены и к среднему палеолиту, а также наконечники из рога и бивня, костяные иглы и производящие большое впечатление остатки жилой структуры. Складывается впечатление, что до сих пор находки такого рода, относящиеся к началу позднего периода верхнего палеолита, просто не принимали во внимание. Обозначение их как «эпиграветтийских» затушевывает их характерные особенности. Вероятно, следовало бы говорить о «грубграбене» к которому относится Висбаден-Игштадт.

Гамбургская культура и Мадлен

Помимо Висбаден-Игштадт поздняя пора верхнего палеолита Германии представлена мадленом и гамбургской культурой. По карте

распространения памятников можно судить о степени исследованности территории. Так, благодаря работам Альфреда Руста, появилась концентрация местонахождений в районе Гамбурга, а также концентрация находок в Тюрингии и по Дунаю, обусловленная наличием пещер.

В отличие от предыдущего периода, в это время заселялись не только нагорья, но и Северогерманская низменность. При этом имеются отчетливые географические границы: в горных районах распространены мадленские памятники, а на примыкающей с севера равнине – гамбургская культура.

Мадлен и гамбургская культура появляются на нашей территории практически одновременно. Самые ранние радиоуглеродные даты гамбургской культуры – для польского местонахождения Ольбрахице (12685 ± 235 лет т.н.) и для Поггенвиш в Аренбургском ущелье (12570 ± 115 лет т.н., 12440 ± 115 лет т.н.) приходятся на то же время, что и большие мадленские поселения Геннерсдорф и Андернах-Мартинсберг. Кроме того, в Поггенвише был найден знаменитый вырезанный из рога жезл, орнамент которого имеет хорошие аналогии в среднем мадлене юго-западной Европы. Самые древние находки примыкающего с юга среднегорья относятся также к среднему мадлену. Сюда можно отнести Книгротте, Мунцинген и, с моей точки зрения, погребение Оберкассель. Для Оберкасделя имеется серия радиоуглеродных дат между 11570 ± 100 и 12270 ± 100 лет т.н., которые позволяют отнести погребение к позднему мадлену, уже на переходе к позднеледниковому интерстадиалу

Однако плоская резьба по рогу оленя из Оберкасделя является настолько типичной для среднего мадлена (*contour decoupe*), что мне трудно принять такую позднюю датировку. Кроме того, из этого двойного погребения происходят кости собаки, для нашей территории это самое древнее свидетельство одомашнивания волка.

Как гамбургская культура, так и мадлен существуют вплоть до начала позднеледникового интерстадиала (Беллинг, соответственно Майендорф/Аллеред). Отсюда проистекает проблема, заключающаяся в том, что типичные гамбургские наконечники появляются в мадлене очень поздно. В мадлене они почти всегда сосуществуют с маленькими наконечниками с изогнутой спинкой («федермессер»), которые рассматриваются как наконечники стрел. Это позволяет предположить, что гамбургские наконечники с боковой выемкой тоже были наконечниками стрел. Это означает, что лук и стрелы сначала применялись в гамбургской культуре и лишь позднее попали к мадленцам. Крупные, долговременные поселения больших групп людей

поздней поры верхнего палеолита известны нам лучше всего в Геннерсдорф и Андернах-Мартинсберге в бассейне Нойвида. Оба поселения ориентированные на юг, отделенные друг от друга разлившимся в то время здесь как озеро Рейном, лежали на уступе террасы, возле древнего ручья, и были защищены с севера склоном верхней террасы. Вполне возможно, что эти стоянки, датируемые около 13000 лет до н.э. относятся к одному времени и образовывали единую полосу заселения непосредственно перед Андернахскими воротами, северным выходом Нойвидского бассейна. Остатки поселений были покрыты слоем пемзы при извержении вулкана Лаахер-Зее около 11000 лет до н.э. и поэтому сохранились необычайно полно. Концентрации каменных плиток около очагов и в ямках позволяют реконструировать круглые жилища диаметром 6 — 8 м. Внутри располагались многочисленные маленькие ямки, содержащие немало находок, которые, по крайней мере, частично, служили для приготовления пищи путем нагревания жидкости раскаленными камнями.

Сырье каменных артефактов позволяет заключить, что жившие здесь группы людей пришли из различных областей. Вполне возможно, что одинаково построенные жилища были обитаемы в разные времена года (зима, лето). Принципиальной разницы между большими постоянными зимними домами и легкими переносными каркасными жилищами, как в современной субарктике, в позднем периоде верхнего палеолита на нашей территории не наблюдалось. Из отдельных концентраций происходит богатый археологический материал, включающий в себя не только каменные орудия и остатки охотничьей добычи (лошадь, северный олень, а в зимних жилищах и песец, и заяц-беляк), но и украшения, многочисленные гравировки (животные, женщины, символы) и несколько женских статуэток.

Исключительная ситуация в Геннерсдорфе и Андернах-Мартинсберге сложилась благодаря перекрывшему их толстому слою пемзы и современным методам исследования. С большой вероятностью можно сказать, что ситуация на некоторых других стоянках, особенно в Небра на Унструте и Оелькнице близ Йены является схожей. Здесь также имелись вымостки из каменных плиток и многочисленные ямки. И есть данные, что здесь также имелись гравировки на каменных плитках.

На территории гамбургской культуры до сих пор не обнаружены так называемые «базовые лагеря». Бодил Братлунд приводит аргументы в пользу того, что подобные поселения могут быть найдены в долине Эльбы.

Немногочисленные стоянки гамбургской культуры, где были найдены костные остатки, были местами охоты на северного оленя, особенно исследованные Альфредом Рустом и до сегодняшнего дня важнейшие местонахождения Майендорф, Штельмоор и Поггенвиш. Здесь преобладает северный олень, костей других животных почти нет (лошадь, заяц, россомаха, гусь и лебедь).

В мадленской области важнейшей стоянкой охотников на северного оленя является Шуссенквелле, исследованная Оскаром Фраасом. Топографическое положение этой стоянки совпадает с путями миграций оленьих стад. В Майендорфе, Штельмооре и Поггенвише животные были вынуждены пересекать узкие перешейки между водными пространствами. Точно такое же место охоты на северного оленя было в Пинсеване на Сене, южнее Парижа. Место охоты на северного оленя у Шуссенквелле располагается в проходе между моренными уступами, в то время это были ворота ледника, которые должны были проходить стада оленей.

Несмотря на то, что на наших мадленских стоянках лошадь являлась основным объектом охоты, до сих пор нам в Германии не известно ни одного специального места для охоты на лошадь, хотя бы отдаленно напоминающего такой яркий памятник, как Солютре у подножия скал в Маконе.

В позднюю пору верхнего палеолита лошадь и олень были в разное время важнейшими объектами охоты. Мамонт и шерстистый носорог были уже тогда в Центральной Европе очень редки.

Для этого времени характерны и многочисленны были наконечники и орудия из рога и бивня мамонта. Наконечники изготавливались, главным образом, из роговых пластин, полученных при помощи специальной техники расчленения рога. Эти наконечники, распространенные как в гамбургской, так и в мадленской культурах, являлись навершиями деревянных копий, которые бросали при помощи копьеметалок. Настоящим открытием этой эпохи было изготовление гарпунов с тщательно обработанными рядами крючков. Эти гарпуны встречаются как в мадлене, так и в гамбургской культуре (в Майендорф). Напротив, рименшнайдеры, т.е. рога северного оленя, на самой изогнутой части которого вставлялась кремневая пластина, в качестве лезвия ножа, являются формой, присущей исключительно гамбургской культуре. В то же время только в мадлене до сих пор встречались *Vaguettes demi-rondes*, т.е. продолговатые роговые острия полукруглые в сечении, попарно они использовались в качестве более толстого наконечника.

В качестве украшений мадленцы использовали просверленные зубы животных и подвески, раковины брюхоногих моллюсков. В Андернах-Мартинсберге в одной из ямок был найден клад из 40 средиземноморских раковин моллюсков вида *Notaraloma sanguineum*. Кроме того, важно отметить резцы северного оленя с отрезанным корнем и гагатовые бусины различной формы. Из челюсти северного оленя прямо через десны был вырезан целый ряд резцов. Из излюбленного в это время гагата изготавливались не только дисковидные, биконические или каплевидные бусины, но и маленькие женские фигурки, найденные в Петерсфельз.

На территории Германии в позднюю пору верхнего палеолита имеются также многие предметы искусства. Совершенно непонятно, почему в Германии до сих пор не было открыто пещерное искусство. Одним из важнейших предметов искусства является жезл с отверстием, рукоять которого выполнена в форме головы быка. Изображенная en face голова быка имеет большое сходство со знаменитым жезлом с отверстием из Гурдан.

На сланцевых плитках в Геннерсдорфе в исключительно живой и детальной манере выгравированы животные. Чаще всего изображались лошади, но немало и мамонта и шерстистого носорога. Изображения служат немаловажным источником для изучения этих вымерших животных с точки зрения зоологии.

Типичны схематичные женские изображения без голов и, большей частью, без стоп, сгруппированные на плитках рядами или обращенными одна к другой в танце. В Небра, Оелькниц, Петерсфельз, Андернах-Мартинсберг и Геннерсдорф имеются аналогичные женские изображения и в форме статуэток из бивня, рога, гагата или камня. Эти женские изображения геннерсдорфского типа возникают достаточно внезапно и продолжают жить затем в виде гравировок на каменных плитках и в пещерном искусстве вплоть до азилия аллередского времени.

В конце поздней поры верхнего палеолита среди каменных орудий появляются маленькие наконечники с прямой или изогнутой плавно или под углом спинкой. Это были наконечники стрел и являются надежным свидетельством существования лука и стрел.

Переходное время от поздней поры верхнего палеолита к азилию (федермессерgruppen) позднеледникового интерстадиала на территории Германии еще недостаточно изучен. Вполне возможно, что ланцетовидные острия из юго-западной части геннерсдорфского раскопа относятся к такой переходной фазе. Постепенный переход, выраженный во Франции в виде более крупных сегментобразных наконечников с притупленным краем (бипуанты), здесь отсутствует, так

что смена окружающей среды и образа жизни кажется нам резким скачком.

F. Djindjian

PEUPLEMENTS & ADAPTATIONS AU PALÉOLITHIQUE SUPÉRIEUR EN EUROPE OCCIDENTALE

1. Variations climatiques en Europe (40 000-10 000 BP)

Les variations climatiques jouent un grand rôle dans les adaptations des peuplements au cours du paléolithique supérieur en Europe.

Les données de références sont tirées des enregistrements suivants :

Carotte Grip- Summit de la calotte glaciaire (Groenland)

Carotte Ket 8004 en mer Tyrrhénienne

Tourbière de la Grande Pile (Vosges)

Tourbière de Tenaghi-Philippon (Grèce)

Tourbière de Banyoles (Catalogne)

Séquences loessiques d'Europe Centrale et Orientale.

La mise en correspondance des courbes 018/016, des fonctions de transfert des cortèges polliniques et des sols fossiles des séquences loessiques permettent de reconstituer les principaux épisodes climatiques de cette période :

N°	Date kBP	Nom	Température	Précipitations
0	10	Pré-Boréal	TempéréHumide	
	11	Dryas III	Froid	Sec
1a	12	Alleröd	TempéréHumide	
	12,5	Dryas II	Froid	Sec
1b	13	Bölling	Froid	Humide
		Dryas I	Froid	Sec
2a	18	Lascaux	Très froid	Humide
			Très froid	Sec
2b	20	Laugerie	Très froid	Humide
			Très froid	Sec
3	25	Tursac	Froid	Humide
			Froid	Sec
4a	28,5	Maisières	TempéréHumide	

			Froid	Sec
4b	31	Arcy	TempéréHumide	
			Froid	Sec
5a	36	Les Cottès	TempéréHumide	
5b	38	Hengelo	TempéréHumide	

2. Régions géographiques d'Europe occidentale au Paléolithique supérieur

En Europe occidentale, quatre grande régions géographiques sont considérées:

- A. Europe nord-occidentale
France sept., Auvergne, Belgique, Rhénanie, Angleterre
- B. Europe centre-occidentale
Charentes, Aquitaine, Espagne Cantabrique
- C. Côtes de Méditerranée occidentale
Italie Tyrrhénienne, Ligurie, Provence, Ardèche, Languedoc, Catalogne, Levant, Murcie,
- D. Sud de la péninsule ibérique
Meseta, Portugal, Andalousie

3. Périodisation générale

Le paléolithique supérieur peut être découpé en sept grandes périodes de peuplement, qui constituent autant d'adaptations aux variations climatiques du dernier pléniglaciaire.

1	45 000 - 34 000 BP	Interpléniglaciaire würmien
Industries de transition,
Ouverture géographique,
Adaptations polymorphes.
2	34 000 - 28 000 BP	Oscillations pré-pléniglaciaires
Aurignacien
Uniformisation
3	28 000 - 22 000 BP	Pléniglaciaire supérieur ancien
Gravettien
Cloisonnement géographique progressif
Adaptation puis différenciations régionales
4	22 000 - 16 500 BP	Maximum glaciaire
Très froid avec variations d'humidité
Complexe solutréo-badegoulien en Europe occidentale
Solutréen et Episolutréen en Méditerranée à l'ouest du Rhône

- Epigravettien en Méditerranée à l'est du Rhône,
Cloisonnement maximum
Reflux vers les zones de refuge du pourtour méditerranéen
Déplacements restreints nord/sud liés aux oscillations humides
- 5 16 500- 13 500 BP Pléniglaciaire supérieur récent**
Froid sec
Magdalénien inférieur & moyen
Epigravettien récent à l'est du Rhône
Reconquête progressive de l'Europe
Contacts et frontières (Magdalénien-Epigravettien, Magdalénien-Mezinien)
- 6 13 500 - 11 000 BP Oscillations tardiglaciaires**
Mois froid, plus humide
Magdalénien supérieur & Epigravettien final
Achèvement de la conquête européenne en latitude et en altitude
puis à partir de 12 500 : Azilien puis Epipaléolithique
Uniformisation
- 7 11 000 - 8 000 BP Interglaciaire (Holocène)**
Développement de la forêt
Mésolithique

4. Cloisonnements et décloisonnements de territoires entre 40 000 et 10 000 BP

- Les circulations est-ouest
par la grande plaine du nord
abandonnée de 34 000 à 32 000 BP & 27 000 à 13 500 BP
par la liaison Loire-Saône-Doubs-Rhin-Danube
abandonnée de 27 000 BP à 14 500 BP
par la côte méditerranéenne
toujours active
- Les circulations nord-sud
par la façade atlantique
toujours active
par la vallée du Rhône
impraticable de 26 000 BP (?) à 13 500 BP.
- Les franchissements de massifs montagneux
Massif central Peuplement par le nord (Allier)

Alpes Remontée des vallées à partir de 13 000 BP
 Pyrénées franchissement vers l'Ebre seulement au Solutréen
 supérieur & au Magdalénien supérieur
 Apennins Italie tyrrhénienne
 versus Italie adriatique

5. Conquêtes et abandons de territoire en latitude et en altitude en Europe occidentale

Angleterre

périodes de peuplement

38 000 - 34 000 BP

Lincombien

32 000 - 30 000 BP

Aurignacien II

29 000 - 28 000 BP

Gravettien ancien

13 000 -

Cresswellien

Nord de la France, Belgique, Rhénanie

périodes d'abandon

34 000 - 32 000 BP, 22 000 - 13 500 BP

périodes de peuplement

40 000 - 34 000 BP

Industries de transition

32 000 - 30 000 BP

Aurignacien II

29 000 - 22 000 BP

Gravettien

13 500 -

Magdalénien supérieur

Centre-est de la France

périodes d'abandon

34 000 - 32 000 BP, 22 000 - 20 000 BP, 19 000 - 18 000 BP

16 500 - 14 000 BP

périodes d'incursion, de flux ou de reflux

23 000 - 22 000 BP

Gravettien

20 000 - 19 000 BP

Solutréen supérieur

18 000 - 16 500 BP

Badegoulien récent

15 000 - 13 500 BP

Magdalénien moyen

périodes de peuplement

40 000 - 34 000 BP

Industries de transition

32 000 - 30 000 BP

Aurignacien II

29 000 - 22 000 BP

Gravettien

15 000 BP -

Magdalénien moyen & sup.

Charentes, Aquitaine, Espagne cantabrique

périodes d'abandon

? 22 000 - 20 000 BP, 19 000 - 18 000 BP

	périodes d'incursion, de flux ou de reflux	
	23 000 – 22 000	Gravettien final
	22 000 - 20 000 BP	Solutréen inférieur ?
	19 000 – 18 000 BP	Badegoulien ancien ?
	périodes de peuplement	
	40 000 - 34 000 BP	Castelperronien
	34 000 - 28 000 BP	Aurignacien
	28 000 - 22 000 BP	Gravettien
	22 000 – 19 000 BP	Solutréen
	19 000 – 16 500 BP	Badegoulien
	16 500 – 12 500 BP	Magdalénien
Côte méditerranéenne occidentale (ouest du Rhône)		
	périodes d'incursion, de flux ou de reflux	
	34 000 – 28 000 BP	Aurignacien
	24 000 - 22 000 BP	Gravettien
	19 000 – 18 000 BP	Badegoulien ancien ?
	périodes de peuplement	
	38 000 - 34 000 BP	Aurignacien 0
	34 000 - 28 000 BP	Aurignacien
	2? 000 - 22 000 BP	Gravettien
	22 000 – 19 000 BP	Solutréen
	19 000 – ? BP	Episolutréen
	? - ?	Badegoulien
	13 500 - BP	Magdalénien supérieur

6. Adaptations

- La question de l'origine de l'Aurignacien
- Aurignacien vers Gravettien
- Gravettien vers Protosolutréen aurignacoïde & Solutréen
- Gravettien vers Epigravettien méditerranéen
- Solutréen vers Badegoulien atlantique
- Solutréen vers Episolutréen méditerranéen
- Badegoulien vers Magdalénien
- Epigravettien ancien vers Epigravettien récent
- Magdalénien vers Magdalénien supérieur puis vers Azilien
- Azilien & co vers Epipaléolithique
- Epipaléolithique vers Mésolithique

7. Peuplements d'Europe occidentale

Phase 1 Interpléniglaciaire

Europe totalement peuplée

zones A : Lincombien, Ranisien, Castelperronien

zones B : Aurignacien 0

zones C : Moustérien, Uluzzien

Phase 2 Pré-pléniglaciaire

2A 34 000- 32 000 BP ÉPISODE FROID-SEC

Dépeuplement du nord de l'Europe

Disparition des industries de transition ?

Expansion de l'Aurignacien I

2B 32 000- 30 000 BP OSCILLATION D'ARCY

Peuplement aurignacien de l'Europe

Aurignacien II

2C 30 000 - 29 000 BP FROID SEC

Reflux aurignacien

aurignacien III en Aquitaine

Transition Aurignacien au Gravettien en Europe centrale

2D 29 000 -28 000 BP OSCILLATION DE MAISIÈRES

Arrivée du Gravettien en Europe occidentale

Aurignacien IV tardif en Aquitaine

Phase 3 Pléniglaciaire supérieur ancien

3A 28 000- 25 000 BP froid sec

Gravettien ancien

3B 25 000- 24 000 BP oscillation humide Tursac

Gravettien moyen (Noaillicien & Raissien)

3C 24 000- 22 000 BP

Gravettien récent & final

Phase 4 maximum glaciaire

4A 22 000 21 000 BP

Protosolutrén aurignacoïde

Epiaurignacien d'Europe centrale

Industries aurignacoïdes de la mer noire

Epigravettien méditerranéen

4B 21 000 - 20 000 BP très froid sec

Solutrén ancien

4C 20 000 - 19 000 BP oscillation humide Laugerie

Solutrén récent

4D 19 000- 18 000 BP très froid sec

Badegoulien ancien

Episolutrén languedocien

		Episolutréen du levant	
4E	18 000-	16 500 BP	oscillation humide Lascaux
		Badegoulien récent	
		Badedoulien méditerranéen (MAM)	
		Epigravettien ancien	
Phase 5 Pléni-glaciaire supérieur récent 16 500 -13 500 BP			
		Magdalénien inférieur et moyen	
		Epigravettien récent	
		Mézinien	
Phase 6 Tardiglaciaire : 13 500-11 000 BP			
6A	13 500-	12 000 BP	oscillation de Bölling
		Magdalénien Supérieur	
		Hambourgien/ Cresswellien	
	6B	12 500-12 000 BP	Dryas II
		Magdalénien Final : Reflux Hambourgien	
6C	12 000 -	11 000 BP	oscillation d'Alleröd
		Azilien	
6D	11 000 BP		Dryas III
		Epipaléolithique	

Н.Д.Праслов

А.Н.РОГАЧЕВ И КОСТЕНКОВСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

19 – 25 октября 1959 г. в Москве Комиссией по изучению четвертичного периода Академии Наук совместно с Институтом археологии было проведено рабочее совещание по вопросам стратиграфии и принципам периодизации палеолита Восточной Европы. Материалы этого совещания были изданы в Трудах Комиссии по изучению четвертичного периода (том XVIII) в 1961 г. Этот момент можно считать поворотным в отношении принципов изучения стратиграфии четвертичных отложений и понимания развития культуры ископаемого человека. Дело в том, что данному совещанию предшествовала длительная и очень острая дискуссия, вызванная работами А.Н.Рогачева в Костенках, где было открыто много новых верхнепалеолитических стоянок, которые никак не вписывались в технико-типологические характеристики ориньяка, солютре и мадлена.

Насильственное подтягивание оценки памятников к французским понятиям приводило к парадоксам – более «молодые» с точки зрения периодизации слои стратиграфически залегают глубже, с большим хронологическим отрывом. Так, памятники с двустороннеобработанными треугольными наконечниками стрелецкого типа, залегающие в самых низах костенковских разрезов, сопоставлялись с солютрейскими на основании типа ретуши, хотя в солютре Франции подобных наконечников никогда не было встречено.

Конец сороковых – пятидесятые годы были критическими для А.Н.Рогачева. Его обвиняли в том, что он разрушает стройную систему взглядов, не имея для этого «никаких оснований». Иногда звучали высказывания о том, что допущены элементарные ошибки при раскопках и что это всего лишь досадные и легко исправимые недоразумения. Но такие предположения отпали сразу, когда в 1953 году результаты работ были продемонстрированы большой и авторитетной комиссией, которая пришла к выводу о том, что никаких ошибок в стратиграфии и классификации находок не было допущено.

В эти трудные для себя годы А.Н.Рогачев пришел к выводу о необходимости искать иные, чем прежде пути к пониманию истории палеолитического населения в приледниковой Европе и сформулировал идею о конкретно-историческом подходе к осмыслению развития культуры в разных регионах и о примате стратиграфии во всех конкретных случаях. Было показано полное несоответствие выделенных ранее для Восточной Европы периодов П.П.Ефименко или стадий П.И.Борисковского, обоснованных чисто сравнительно-типологическими методами. Например, верхний слой Костенок 8 (Тельманской стоянки) сопоставлялся с Ежмановицами в Польше и с него, якобы, начинался верхний палеолит в Восточной Европе. В то же время он залегают в лессовидных суглинках и перекрывает второй культурный слой с более развитой техникой расщепления и более разнообразным типологическим набором инвентаря. В последние годы нам удалось получить радиоуглеродные даты для этих двух культурных слоев: верхний слой имеет даты около 22000-23000 лет, а второй слой – около 27000 – 28000 лет. Эти даты соответствуют стратиграфии и их нельзя интерпретировать иначе.

После открытия второго культурного слоя в Костенках 14 (Маркина Гора) с его «архаичным» каменным инвентарем, многие готовы были считать его древнейшим для верхнего палеолита. Однако и здесь типологическая оценка вступает в противоречие с данными стратиграфии. Серия радиоуглеродных дат для верхней гумусированной толщи, в одной из прослоек которой залегают второй культурный слой,

показывает возраст в пределах 32000 – 27000 лет. Ниже залегает вулканический пепел, и по крайней мере, не менее двух ископаемых почв, в которых выявлены культурные остатки с возрастом более 37000 лет.

Детальная характеристика археологических материалов в Костенках в соответствии с геохронологической канвой, которая сейчас разработана более полно с применением различных методов естественных наук, приводит к очень интересным результатам. Сейчас, по-видимому, нужно отказаться от тезиса о том, что в Костенках имеются все этапы развития верхнего палеолита. Наиболее ранние слои стрелецкой культуры и Костенок 17, датируемые временем более 37000 лет, имеют все признаки достаточно развитой техники и типологии каменного инвентаря и не могут рассматриваться в качестве начальных этапов. Возможно, новые раскопки в Костенках 12 дадут основания для получения материалов более древних, чем стрелецкие, но пока говорить об этом рано.

На протяжении более 20000 лет в Костенковско-Боршевском районе неоднократно происходила смена населения с совершенно разными культурными традициями. Технологический и типологический анализ инвентаря, структуры поселений, предметов искусства и погребений не позволяет говорить о каком-либо родстве более или менее синхронных или разновременных памятников. Совершенно различны по своим основным характеристикам нижние слои Костенок 1 и 17, вторые слои Костенок 8 и 14. Многие памятники, каждый по-своему, резко выделяются на общем фоне известных нам верхнепалеолитических индустрий типологическим своеобразием. В верхах лессовидного суглинка встречено несколько стоянок, не имеющих ярко выраженных своеобразных черт, не имеющих четкой «морфемы». Их стали относить к появившемуся и ставшему модным понятию «эпиграветтсен», которое, впрочем, не имеет никакого смысла для большей части Европы, кроме Средиземноморья, где этот термин был впервые применен для совершенно определенной и особенной индустрии.

В Костенках нет той последовательности развития верхнего палеолита, как, например, в Аквитании, в Италии, на Днестре и в Средней Европе. Мы не можем говорить и об автохтонном происхождении многих культур, об их дальнейшем развитии. Истоки многих костенковских культур уходят в другие края. Можно лишь очень обобщенно выводить стрелецкую культуру из пласта среднепалеолитических памятников с двустороннеобработанными формами, характерными для Русской равнины, Крыма и Северного

Кавказа. В этом плане определенную перспективу открывают исследуемые А.Е.Матюхиным памятники в низовье Северского Донца. Индустрии с прекрасной пластинчатой техникой расщепления типа нижнего слоя Костенок 17, возможно, развиваются на базе таких позднесреднепалеолитических памятников, как Шлях и Каменка в бассейне Дона.

Разнообразие технико-типологических характеристик костенковских памятников является неоспоримым фактом и поэтому надо признать справедливым заключение А.Н.Рогачева о большом разнообразии культуры, характеризующей верхнепалеолитическое время, из которого логично возникает вопрос о существовании верхнепалеолитических культур, отражавших особенности локального своеобразия, наподобии этнографических. Эту точку зрения вынужден был признать даже П.П.Ефименко, долгие годы развивавший традиционные взгляды на периодизацию верхнего палеолита.

Глубоко разработанная А.Н.Рогачевым на материалах Костенок проблема пересмотра традиционных представлений о последовательности и культурно-хронологических взаимоотношениях палеолитических культур на Русской равнине продолжает развиваться и подтверждается новыми фактами.

А.Н.Рогачев никогда не употреблял словосочетание «костенковская модель». «Модели» появились позднее и являются, скорее, модными терминами, за которыми скрывается не всегда понятный и содержательный смысл. Суть «костенковской модели» заключается в полном отсутствии преемственности между разными хронологическими этапами верхнего палеолита, а это требует совершенно иных концепций понимания исторического процесса в верхнепалеолитическое время, — время чрезвычайно интересных открытий.

COMMENT IDENTIFIER LES POINTES DE PROJECTILE?

Modelisation experimentale et realite archeologique: l'exemple des pointes a cran solutreennes

Avant le recours aux analyses tracéologiques, la fonction des pièces archéologiques était estimée à partir de leurs caractéristiques morphométriques. C'est ainsi que de nombreux objets préhistoriques pointus furent interprétés comme de possibles pointes de projectiles, les propositions allant dans certains cas jusqu'à la reconstitution de leur mode de lancé. Mais les éléments d'une véritable démonstration faisaient défaut.

L'analyse tracéologique, inventée par S.A.Semenov, est fondée sur la démarche expérimentale. Elle permet d'établir les identifications fonctionnelles à partir des endommagements et des usures inhérentes au fonctionnement des objets, c'est à dire à partir de caractères reproductibles.

Différents types de traces d'usage peuvent être observés, à différentes échelles, sur les outils lithiques ou osseux utilisés : des fractures, des ébréchures, des émoussés, des stries, des polis et des résidus.

Le fonctionnement d'une pièce comme armature de projectile l'expose à des contraintes très particulières, dues à sa cinématique axiale et à sa pénétration violente dans un matériau le plus souvent hétérogène. Si la pointe ne rencontre que des parties molles et qu'elle n'est pas soumise à une flexion par les mouvements de la proie, elle garde un minimum de stigmate de son fonctionnement et peut donc être réutilisée. A ce stade, l'analyse tracéologique a peu de critères pour identifier le projectile : essentiellement des stries, lorsque celles-ci sont présentes. En revanche, si la pointe heurte une partie dure, l'endommagement qui en résulte est interprétable.

Quatre catégories de traces, ayant une valeur principalement cinématique, permettent d'identifier une armature de projectile : les fractures transverses lorsque celles-ci montrent une charnière dont la languette déborde sur la face ventrale ou dorsale, les ébrèchements de tranchant, les enlèvements burinants depuis l'extrémité apicale ou le plan de cassure, et les stries microscopiques généralement produites par les micro-fragments détachés de l'armature.

Une variabilité s'observe dans la localisation, l'abondance, l'amplitude et la morphologie de ces caractères. Elle est liée au nombre des paramètres qui conditionnent l'endommagement de l'armature.

Le premier de ceux-ci est le matériau du projectile qui, toutes choses égales par ailleurs, a une incidence directe sur l'amplitude des caractères de

la fragmentation. La morphologie et les dimensions de l'armature interviennent également dans le développement de ces caractères.

La position de l'armature par rapport au corps dur percuté (os, etc..) oriente les stigmates d'impact et détermine partiellement leur localisation.

La résistance du montage de l'armature sur le fût a des conséquences importantes à la fois sur la localisation, l'abondance et l'amplitude des mêmes stigmates.

Enfin, la vitesse et la masse du projectile, dont dépend son énergie cinétique, influent sur le taux de fragmentation des armatures et l'amplitude des caractères macroscopiques. La relation causale est ici complexe car des critères dynamiques interviennent, dont ne rend pas compte la seule énergie cinétique. En effet, la capacité de la pointe à glisser sur l'obstacle, lorsque celui-ci présente une certaine convexité, est tributaire d'une part de la morphologie de cette pointe et d'autre part de l'inertie de la hampe, donc de sa masse. Si cette dernière arrive sur la cible légèrement désaxée par rapport à sa trajectoire, comme cela peut se produire dans les lancés au propulseur, les contraintes en flexion sont augmentées sur la pointe. Par conséquent, en raison d'une énergie cinétique supérieure et d'une plus grande inertie, les caractères d'impact apparaissent globalement plus prononcés sur les pointes des hampes lourdes tirées à faible vitesse (à la main ou au propulseur), que sur celles des hampes légères tirées à haute vitesse (arc).

Tous les cas de figure énoncés concernent le transfert d'énergie entre le projectile et son environnement. Soit ce transfert est progressif et se fait au seul détriment des parties molles, soit il est brutal et il entraîne le brisement de l'élément le moins solide impliqué dans la collision : ce peut être l'os, la liaison entre l'armature et le fût, ou l'armature elle-même. Dans certains cas, selon la morphologie du projectile, son inertie et sa trajectoire vis à vis des parties dures, une part de l'énergie peut être dissipée dans un contact tangentiel contre l'os. Souvent, les différents effets se combinent.

Sur la base d'observations expérimentales faites dans le cadre d'une étude des pointes à cran solutréennes, il est possible de synthétiser dans un tableau la valeur diagnostique des attributs tracéologiques exposés.

Armature / Trace	Morphologie	Orientation	Localisation	Amplitude	Abondance
Matériau	o			o	o
Morphologie	o		o	o	
Position		o	o		
Fixation			o	o	o
Vitesse et masse				o	o

Relation entre les caractéristiques techniques et dynamiques de l'armature de projectile et les attributs

Tracéologiques macroscopiques d'impact :

o faible o moyenne O forte

La nature des stigmates retenus (cassures à languette, ébréchures, enlèvements burinants, stries), lorsqu'ils sont présents dans leur diversité sur une série de pièces de même type, atteste d'un fonctionnement en armature de projectile. Mais leur variabilité morphologique n'est pas elle-même significative : la terminaison des languettes de cassure ou la fréquence relative des enlèvements burinants, par exemples, sont au mieux révélateurs de la forme et du traitement de l'armature reconnaissables par ailleurs.

En revanche, pour un type d'armature donné (forme et matériau), l'abondance et surtout l'amplitude des caractères macroscopiques sont relatifs à la violence de l'impact, donc à l'énergie du projectile et à la robustesse du montage de l'armature (voir tableau). Ce montage peut être lui même analysé, entre autres arguments, à partir de la localisation des stigmates. Les différents termes de l'équation autres que l'énergie cinétique étant connus ou reconstituables, il paraît par conséquent possible, d'un point de vue expérimental, d'estimer *in fine* les caractéristiques balistiques du projectile (léger et rapide ou pesant et lent), c'est à dire d'aborder avec de nouveaux arguments la question de la distinction des armatures de flèches et des armatures de javelines, selon les protocoles méthodologiques habituels de la tracéologie (mise en oeuvre de répliques expérimentales exactes des formes archéologiques dans les conditions de fonctionnement supposées à partir de l'examen de leurs traces d'usage, puis comparaison de celles-ci avec et les équivalences expérimentales).

Tel est en substance le modèle élaboré puis testé dans le cadre d'un programme collectif de recherche interdisciplinaire relatif à la technologie fonctionnelle des pointes à cran solutréennes (Pléniglaciaire, Paléolithique supérieur du sud ouest de la France).

Si sur le plan expérimental les critères énoncés permettent effectivement de d'opérer une distinction entre les lots de pointes à cran

tirées à l'arc et de celles lancées au propulseur, le retour au contexte archéologique montre cependant que plusieurs paramètres extérieurs au champ des contraintes balistiques échappent à la modélisation exposée : la conjugaison des facteurs technologiques, culturels et taphonomiques qui déterminent la composition des ensembles archéologiques marque ici les limites d'une démarche fondée sur la seule tracéologie expérimentale.

А.А. Синицын

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД А.Н. РОГАЧЕВА *Современное состояние*

Степень развитости науки, кроме прочего, определяется наличием научных школ и направлений. Направлений в первобытной археологии достаточно, не меньше, чем в исторической археологии с ее мощным аппаратом вспомогательных дисциплин. Со школами дело обстоит сложнее, поскольку от направления, акцентирующего исследование отдельных аспектов (археозоология, этноархеология...) школа отличается наличием своих собственных исходных оснований или постулатов, задач, методологических принципов исследования и, как следствие этого, собственного понятийного аппарата.

В отечественной археологии палеолита была только одна попытка разделения научных представлений на уровне школ. Она принадлежит А.Н.Рогачеву в форме разделения культурно-исторического и конкретно-исторического подхода.

Само использование категории подхода для разделения/противопоставления своих взглядов взглядам на археологию палеолита П.П.Ефименко, П.И.Борисковского, С.А.Семенова, необычно для советской теоретической археологии, в которой пары теория-метод, методология-методика, признавались достаточными для определения места концепции в общенаучной системе взглядов. Значительно чаще оно используется в западной науке, но в смысле эквивалентном нашей методологии.

1. Основания проблемы.

Для анализа ситуации исходными являются два момента:

- поскольку подавляющее большинство исследователей не испытывало и не испытывает потребности в разработке аппарата категории подхода, важно понять, что в системе научных ценностей

А.Н.Рогачева, и по его представлениям, имело принципиальное значение и не имело места или особого значения в системе взглядов его оппонентов. Стоит подчеркнуть, что дискуссия, в принципе, была односторонней; оппоненты А.Н.Рогачева в дискуссию с ним вступали, но сама дискуссия возникала и поддерживалась исключительно по его инициативе;

• категория подхода у А.Н.Рогачева не противопоставлялась «диалектическим» парам «теория-метод», «методология-методика», и не являлась их заменой. Поскольку их соотношение однозначно сформулировано им не было, два варианта должны быть рассмотрены: или подход составляет третий параметр, третью составляющую, третье измерение общей концепции, или подход является более общей категорией, внутри которой возможны различия в отношении теоретических, методологических и методических концептов.

Главный вопрос один: что, по мнению А.Н.Рогачева, менялось от принятия, или неприятия основных принципов пропагандируемого им подхода? Было ли это чисто логическим упражнением, направленным на развитие логического аппарата науки, на ее «самосознание», или оно предполагало внесение изменений в археологическую практику, в познавательные возможности науки, в методологию анализа и интерпретации вещественного материала?

Особо надо подчеркнуть, что противопоставление А.Н.Рогачевым своей концепции взглядам его оппонентов не было банальным противопоставлением «я – не я», поскольку наряду с различиями, им же постулировались общие моменты, в том числе и заимствованные у оппонентов, с неизменным упоминанием первенства и приоритетов. Усилия А.Н.Рогачева по разработке аппарата категории подхода, поэтому, здесь рассматриваются не как отрицание чужого, культурно-исторического, подхода, а как утверждение принципов своего, конкретно-исторического.

На всем протяжении дискуссии, сомнению не подвергалось одно – социологическая направленность исследования, которая одинаково декларировалась обеими сторонами как основа обеих подходов. Ее приоритет определялся как марксистской ориентацией гуманитарного знания, так и уникальными для своего времени открытиями сложно структурированных поселений и разнотипных жилых конструкций, признаваемых великолепным источником социологических построений, в первую очередь, реконструкции (на практике, иллюстрации) общинно-родовых отношений.

II. Состояние проблемы.

Аналогичным образом, концепция археологических культур А.Н.Рогачева, несмотря на непростой процесс ее внедрения в первобытную археологию, была, в конце концов, признана не противоречащей общей социологической направленности, теории социальной эволюции Моргана-Энгельса, поскольку была основана на различиях материальной культуры, то есть сферы отличной от сферы социальных отношений. Схема Моргана-Энгельса сомнению не подвергалась, находила подтверждение в археологических материалах, а причины культурных различий внутри нее могли обсуждаться на любом уровне детализации, не затрагивая ее исходных принципов. Концепция археологических культур была признана составной частью обоих подходов, не противоречащей их основополагающим принципам. Суть различий определялась иными моментами, в первую очередь причинами, определяющими (порождающими) наличие культурных различий, точнее, самой возможностью постановки вопроса о существовании таких причин.

Культурно-исторический подход, как междисциплинарная эпистемологическая категория, не предполагает постановки вопроса о причинах культурных различий, считая его полностью естественно-историческим явлением (так сложилось), часто со ссылкой на ничего не объясняющее влияние природных условий и законов эволюции.

При конкретно-историческом подходе, в том виде, в котором это пропагандировалось А.Н.Рогачевым, этот вопрос не только предполагается, но является принципиальным для подчеркивания специфики гуманитарного знания, его отличия от естественнонаучного. С этим связывались его обвинения в риккертIANстве, сейчас кажущиеся вполне обоснованными, но не как недостаток, а как достоинство концепции. У А.Н.Рогачева (1969; 1973; 1978; 1983) причиной формирования признавались конкретные трудовые (=социальные) процессы, в результате которых формировался облик культуры, в первую очередь, ее материальный компонент, доступный археологическому наблюдению и являющийся полноценным историческим источником.

В том виде, в котором проблема разделения подходов из состояния предмета дискуссии перешла в состояние научного наследия А.Н.Рогачева, она может быть представлена следующим образом:

Культурно-исторический подход

1. Культура является самоценным феноменом, присущим человеческой

Конкретно-исторический подход

1. Реальны (самоценны) трудовые (социальные) процессы, являющиеся причиной культурных

жизнедеятельности, существование которого не требует сторонних оснований.

2. Культурная специфика определяется природными условиями и историческими традициями.

3. Археологические культуры являются прямым отражением реальных культурных различий прошлого

4. Предполагает возможность непосредственного прочтения источника с помощью универсальных категорий научного анализа (на практике типологического), который признается удовлетворительным и достаточным для реализации стоящей перед ним задачи.

5. Первобытная археология является составной частью нерасчленимой археологии, по методологии и понятийному аппарату идентичную исторической и протоисторической

различий. Культура есть только средство фиксации и анализа различий человеческих образований.

2. Возникновение культурной специфики и все ее изменения объясняются социальными причинами, «ретрансляцией мира производства».

3. Археологические культуры являются не более чем источником реконструкции реальных культурных различий, для моделирования которых необходима особая логическая процедура или теория, сопоставимая с теорией перевода.

4. Перевод эмпирического материала из разряда источника в разряд факта, а контекстуальных условий из разряда наблюдений в разряд документов, представляет собой особую и специфическую процедуру со своей собственной методологией и понятийным аппаратом. Современное состояние и универсальные типологические категории признаются как средство фиксации и взаимопонимания, но как средство анализа удовлетворительными признаны быть не могут.

5. Археология доистории принципиально отлична от исторической и протоисторической археологии, на основании принципиального отличия структуры трудовых процессов экономической и доэкономической (первобытной) формации.

Для практического воплощения принципов конкретно-исторического подхода, основополагающими для А.Н.Рогачева, были два момента: 1) формационная, двучленная периодизация/дифференциация археологии, идентичная отделению доистории от протоистории-истории, сложившейся в социальной антропологии Запада; 2) зависимость методологии и категориального аппарата анализа вещественного источника от его качественных

характеристик, определяемых содержанием трудовых (=социальных) процессов доэкономической (основанной на присваивающем хозяйстве) и экономической (основанной на производстве) формаций.

Типологическая методология, основанная на дискретности типов орудий, признавалась им пригодной, как средство анализа, для археологии экономической формации (протоисторической и исторической) на основании представлений об «отчуждении» продукта и формы от трудовых процессов, и непригодной для анализа источника и реконструкции процессов и событий доистории, где формы являются составной частью социальной активности, ей определяются, и являются ее производными. Пригодные для реконструкции процессов категории анализа должны иметь процессуальный характер, и обладать способностью фиксировать специфику реальных (трудовых) процессов. Логика предельно простая: если трудовые процессы доисторической археологии (=археологии неэкономической формации) качественно отличаются от трудовых процессов исторической и протоисторической археологии (=археологии экономической формации), то методология и аппарат их анализа также должны быть качественно различными.

III. Современные перспективы.

Два момента, из тех изменений в научных представлениях, которые имели место во второй половине века, кажутся существенными для развития рассматриваемого вопроса в том направлении, в каком это было намечено А.Н.Рогачевым. Во-первых, это изменения в содержании и смысловой нагрузке категории социального; во-вторых, появление попыток введения в археологию принципов теории перевода.

Первое связывается с именем Т.Парсонса и, в целом, с принципами американской структурно-функциональной социологии; второе, с распространением категориального аппарата семиотики и структурной лингвистики на всю сферу, сопричастную (знаковой) человеческой активности, на всю сферу компетенции гуманитарного знания.

III.1. Категория социального. Современное состояние.

Традиционно ограниченная сферой человеческих отношений (в этнографической практике почти исключительно семейно-брачных и распределительных), категория социального, благодаря ее рассмотрению в рамках «общей теории действия» Т.Парсонса (1961; 1972; также Стрельцов, 1983; Генисаретский, 1970) приобрела статус всеобщего качества, как компонент отношения между социальной предметностью и культурным значением любого явления, сопричастного человеческой активности. Сложившаяся в таком виде в социологии и для потребностей социологии, в археологии, источником

которой являются материальные остатки, система будет иметь иную ориентацию. В силу разных предметов исследования, а также в силу сложившихся традиций, в археологии предметность связывается, прежде всего, с культурным компонентом. За категорией социального, остающейся за пределами непосредственного восприятия (в отличие от социологии) и выводимой на основе анализа, остается сфера значений, регулятора и средства поддержания целостности общественной системы. Важно, что подход определяет необходимость рассмотрения любого материального явления, от скребка до структуры поселения, как с точки зрения его культурной предметности, так и с точки зрения его социального значения.

Место для сферы социальных значений внутри аппарата культурно-исторического подхода определить невозможно. Скорее всего, оно в принципе не предполагается в системе научных ценностей, ориентированной исключительно на раскрытие «онтологической сущности» (А.Н.Рогачев, 1975) предмета исследования. Основная задача исследования в рамках культурно-исторического подхода, остается той же, и в том же виде, в котором она была сформулирована П.П.Ефименко (1956: 30): «что могли представлять собой, как должны были реально выглядеть первобытные родоплеменные группы», а также их происхождение, судьбы и исторические взаимоотношения.

В рамках конкретно-исторического подхода, с его ориентацией на приоритет значений и отношений, полнота исследования связывается со степенью взаимопроникновения двух систем ценностей: познающей и познаваемой. Исследуемый объект, вещь или явление может быть настолько информативен, насколько логический и технический аппарат науки способен к его адекватному восприятию, а методология к извлечению нужной информации. Целью исследования является не только и не столько реконструкция прошлого, сколько рефлексивная сторона процесса: категориальный аппарат и методологические принципы исследования. Анализ связей и отношений объекта, вещи или явления ведет к постановке вопроса о его потребности в понятиях и категориях анализа, которым объект, вещь или явление могут быть приведены в соответствие. Принципиальной задачей исследования при конкретно-историческом подходе становится не только анализ непосредственного предмета исследования, но и анализ познавательных возможностей науки на современном уровне ее логической и технической оснащенности.

III.2. Теория перевода. Современное состояние.

Увеличение методов и направлений исследования привело к тому, что мнение о том, что источник может быть не только

интерпретирован, но и «прочтен» (зафиксирован, документирован) по-разному, в зависимости от установок и задач исследования, сомнению не подвергается. К различию подходов это имеет прямое отношение, поскольку наибольшее число критических замечаний А.Н.Рогачева в адрес культурно-исторического подхода было связано именно с типологической методологией описания, по своей природе претендующей на статус унифицированного языка фиксации материала.

В настоящее время проблема адекватности типологической методологии, поставленной перед ней задачам, практически не обсуждается, скорее всего, из-за отсутствия альтернативы. Но, как и раньше «...чрезвычайно популярны наивные надежды сначала установить единый, общепризнанный словарь, договориться о нужном наборе теоретических понятий, об их размежевании и обозначении, а потом на этой базе строить теории и спорить» (Клейн, 1980: 105). Так же как и раньше, далеко не всем ясно, что «... реалистичен только противоположный путь: сначала создавать и уточнять свой генеральный теоретический объект, выяснять его потребность в понятиях, затем работать над ними и сопоставлять их с понятиями других теорий» (там же).

В рамках конкретно-исторического подхода перевод материала из состояния источника в состояние научного факта, а контекстуальной информации из разряда наблюдений в разряд документа, предполагает необходимость отдельной процедуры со своей собственной теорией и аппаратом, сопоставимой с теорией перевода. Предполагается, что источник должен быть прочтен на своем собственном языке, выводимом аналитически из его признаков, характера их варибельности и комбинаторики. Перенос категорий, выработанных на одном материале на другой невозможен, как невозможно использования французской грамматики для анализа русского языка на том основании, что у них есть общие морфологические показатели. В принципе, каждая культура, если она действительно таковой является, должна характеризоваться своим собственным множеством элементарных единиц – носителей значения и своей собственной структурой их упорядоченности, сопоставимой с грамматической структурой.

Задача перевода «языка вещей» на язык науки состоит в моделировании порождающих структур и механизмов, определяющих формирование материальных компонентов культуры в их конкретно-специфической форме.

Попытки выделения категорий перевода в отдельную теорию (Гарден, 1983) или план рассмотрения (Клейн, 1981), распространения не получили, и, скорее, всего, не получают, как не получили они

распространения в других гуманитарных дисциплинах, где достаточным для анализа материала признается его рассмотрение в двух планах (выражения и содержания) и на двух уровнях (наблюдения и представления) (Мартынов, 1966).

В археологии попытки практической реализации принципов грамматического подхода единичны (Humes, Isaak, Nassan, Ковалевская, Клейн) и, скорее всего, преждевременны, из-за неготовности современной археологии включить в себя и эту проблему, к тому же, отчетливо не сформулированную.

В том виде, в каком она была актуальной для А.Н.Рогачева, она сводилась не только к критике недостатков типологической методологии, но и в поиске альтернативной системы анализа в виде попытки введения понятий технико-морфологической группы и технической группы как «транзитивных» категорий между культурой (категорией уровня представлений) и вещью (категорией уровня наблюдений) (см. Синицын, 1978). Развития эти попытки не получили, а в том виде, в каком они получили распространение, они лишены первоначального значения. Диагностика значений в археологии, осталась невостребованной областью.

IV. Современная перспектива разграничения подходов: кон- или ди-вергенция.

Введение категории подхода в научный аппарат первобытной археологии и разделение культурно-исторического и конкретно-исторического подходов не означает надкатегориального уровня над традиционными парами «теория-метод», методология-методика», а является третьим параметром, третьим измерением конкретно-научной эпистемологии. Не любое исследование и далеко не все исследователи испытывают в нем потребность. Возникает она тогда, когда исследователем осознается недостаточная развитость категориального аппарата и методологических принципов современного ему научного знания для решения стоящих, традиционных, или новых, возникающих, проблем. При удовлетворенности современным состоянием науки, при отсутствии чувства ущербности того, что называется «современным научным уровнем», такой потребности, естественно, не возникает.

Как в 60-80 гг. А.Н.Рогачевым, так и сейчас, разделение подходов не является чисто академическим упражнением, а имеет целью преодоление ситуации, при которой основным методом исследования является метод проб и ошибок. Разделение подходов в том виде, в котором оно было предложено А.Н.Рогачевым, главной целью имело создание направленности поиска, и ориентировало его на раскрытие социальной (процессуальной) доминанты формообразования.

О формах практической реализации подходов говорить не приходится, поскольку должным образом не сформулированы даже их основные принципы. Намеченные А.Н.Рогачевым два направления поиска с одинаковой вероятностью могут развиваться как в сторону поиска компромиссных решений и сближения, так и в сторону углубления различий их исследовательских принципов. В любом случае, возникновение у А.Н.Рогачева потребности в их разделении на уровне подходов, не было ни искусственным, ни случайным, но, несомненно, преждевременным.

О необходимости этого разделения свидетельствует его междисциплинарный характер. Кроме психологии (Синицын, 1992), оно имеет место в американской «экономической антропологии» в виде противопоставления маржинализма-субстантивизма (Семенов, 1989) и, возможно, более широко, в виде противопоставления культурной антропологии, так как она представлена у Л.Уайта (напр. подборка в: Антологии..., 1997), британской социальной антропологии, в том виде, в каком она представлена у ее классиков (Рэдклифф-Браун, 2001; Эванс-Причард, 1985).

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 02-07-90435

ОПЫТ РАНЖИРОВАНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ И РАННИХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В последние годы тематика, связанная с переходом от среднего к верхнему палеолиту, приобрела небывалую популярность и стала играть определяющую роль в интересах очень многих исследователей каменного века. Это вызвало соответствующие изменения не только в направленности полевых исследований, но и в подходе к интерпретации конкретных индустрий. Все больше комплексов объявляются переходными или ранневерхнепалеолитическими, причем это касается не только вновь открываемых памятников. Вместе с тем, как давно уже известно, определить ту или иную индустрию как средне- или верхнепалеолитическую далеко не всегда легко, даже если она хорошо изучена и представлена многочисленными материалами. Например, по сей день существуют разногласия относительно определения шательперрона. Еще сложнее однозначно интерпретировать материалы, происходящие из неевропейских и несредиземноморских стран, например, из Восточной и Центральной Азии (Мастеров Ключ, Шуйдунгоу, Оби-Рахмат и т.д.). Одним из способов в какой-то мере преодолеть существующие разногласия относительно критериев, которыми следует руководствоваться при определении места различных индустрий в процессе перехода, мог бы стать метод количественной оценки «продвинутости» конкретных комплексов. Ниже излагаются некоторые предварительные результаты попытки создать систему ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий.

Развитие культуры в середине позднего плейстоцена можно представить как последовательность, на одном полюсе которой находится идеальный средний палеолит, а на другом – идеальный верхний палеолит. Первый и второй различаются по технологии раскалывания (плоскостное – объемное), технике скола (некраевая – краевая), характеру заготовок (отщеп – пластина), типологическому составу орудийного набора, технологии изготовления составных орудий (т.е. отсутствию или наличию на каменных изделиях специальной обработки, свидетельствующей об использовании их в качестве частей сложных инструментов), технологии обработки кости (оббивка – шлифовка, резание, строгание), наличию свидетельств символизма (табл. 1).

Таблица 1

Эпоха	Технология	Заготовки	Типология	Подготовка конца или края для крепления	«Формальные» костяные орудия	Символизм
С П	Плоские нуклеусы и некраевое скальвание	Отщепы	Скребла, остроконеч- ники, зубч- выемчатые	Отсутствует или редка	Отсутствуют или редки	Отсутствует или редок
В П	Объемные нуклеусы и краевое скальвание	Пластины	Скребки, резцы, долотовидные и т.д.	Обычна: черешок, утонышение, пригубливание	Обычны	Обычен: искусство, украшения

По перечисленным параметрам для любой индустрии, будь то отдельный комплекс или культура (совокупность сходных комплексов), можно вывести количественную оценку степени ее «верхнепалеолитичности». Я проводил сопоставления и подсчеты, исходя из того, насколько разным индустриям свойственны следующие черты: 1) среднепалеолитическая технология, 2) отщепы, 3) среднепалеолитические орудия, 4) верхнепалеолитическая технология, 5) пластины, 6) верхнепалеолитические орудия, 7) специальная обработка каменных изделий, подготавливающая их для использования в качестве частей составных орудий, 8) «формальные» костяные орудия, 9) свидетельства символизма. В таблицах знак «+» означает, что для рассматриваемого комплекса данная черта обычна, знак «-» означает ее крайнюю редкость или полное отсутствие, а знак «=» — промежуточное состояние. Для черт 1-6 каждая из них считается обычной, если встречается как минимум в 30% случаев (например, 30% отщепов среди заготовок), и отсутствующей, если соответствующих форм менее 10% (например, орудия верхнепалеолитических типов составляют менее 10% от всех изделий со вторичной обработкой). При этом, если в одном комплексе среди заготовок, скажем, 35% отщепов и 65% пластин обе эти черты считаются обычными для него. Для черт 7-9 столь же четких количественных границ нет. Каждый «+» в итоговой таблице принимается за 1, «=» за 0,5, а «-» за 0, но при этом для первых трех черт все эти числа берутся со знаком минус. Таким образом, для идеального среднего палеолита получаем значение -3, для идеального верхнего палеолита +6, а большинство реальных комплексов будет располагаться между двумя этими полюсами.

Возьмем, например, индустрию известной стоянки Бокер А, относимую к ахмариану. Здесь среди заготовок господствуют пластины и пластины, но отщепы, тем не менее, составляют 26%. Среди орудий

также господствуют верхнепалеолитические формы (резцы, ретушированные пластинки), но зубчато-выемчатые изделия все же не редки (более 10%). Технология и техника скола чисто верхнепалеолитические, обилие пластинок с притупленным краем говорит о существовании составных инструментов, но костяных орудий, равно как и украшений либо предметов искусства пока неизвестно. Таким образом, степень продвинутости этой индустрии оценивается в 3 балла (табл. 2). Оценки для других 8 комплексов ахмариана, о которых удалось собрать необходимые данные, также либо 3, либо 3,5. Это довольно высокая степень продвинутости. причем следует еще учитывать, что отсутствие на ахмарских памятниках костяных орудий и украшений может объясняться тафономическими причинами.

Таблица 2

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Оценка
Бокер А	-	=	=	+	+	+	+	-	-	
	(0)	(-0,5)	(-0,5)	(1)	(1)	(1)	(1)	(0)	(0)	3

Подобным же образом были проанализированы данные (литературные, или полученные в ходе работы с коллекциями) по десяткам комплексов, относимых к атеру, эмирьену, шательперрону, ориньяку, улуццо и ряду других индустрий рассматриваемого периода. Эта работа еще очень далека от завершения (я не уверен пока даже, стоит ли она вообще завершения), непроясненными остаются многие методические моменты, и, естественно, все приводимые здесь подсчеты и оценки носят предварительный характер. В таблице 3 представлены некоторые результаты по тем индустриям, для которых удалось собрать наибольшее количество данных.

Таблица 3

Индустрия	С/П черты			В/П черты						Оценк а
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Идеальный СП	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-3
Атер	+	+	+	=	=	-	+	-/=	-	-1/-0,5
Богунисьен	+	+	+	+	+	=	-	-	-	-0.5
Стрелецкая (ранние пам-ки)	+	+	+	+	=	=	+	-	-	0
				(?)	(?)					
Эмирьен	+	+	+	+	+	=	=	-	-	0
Улуццо	+	+	+	+	=	=	+	=	-/=	0.5/1
Шательперрон	+	+	=	+	+	+	-	+	+	2.5

Ахмариан	-	=	-/=	+	+	+	+	-	-	3/3,5
Ориньяк (Зап. Европа)	=	=	-/=	+	+	+	+	+	+	4.5/5
Ориньяк (Левант)	-	=	=	+	+	+	+	+	+	5
Спицынская	-	-	-	+	+	+	-/=	+	+	5/5.5
Идеальный ВП	-	-	-	+	+	+	+	+	+	6

Если ранжирование такого рода в принципе осуществимо, то оно могло бы быть полезно, в частности, для прояснения положения ряда спорных индустрий. Например, для верхних слоев Оби-Рахмата, которые нынешние исследователи этого памятника рассматривают как переходные и ранние верхнепалеолитические, получены те же значения, что и для атера (-1/-0,5). Близкие или аналогичные показатели характерны также для ряда индустрий раннего левантийского мустье. Таким образом, индустрия верхних слоев Оби-Рахмата, как мне кажется, ближе к среднепалеолитическому полюсу.

С. А. Васильев

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЕВРОПЫ: *сравнительная характеристика развития каменных индустрий*

Серия открытий последнего десятилетия заставила во многом пересмотреть сложившиеся представления о характере культурного развития в Сибири в эпоху верхнего палеолита. Уникальное сосредоточение многослойных памятников пещерного и открытого типа на северо-западе Горного Алтая приобретает ныне значение «классического» опорного района для древнекаменного века Северной и Центральной Азии, аналогичное роли стоянок Юго-Западной Франции для археологии Европы. Проблема заключается в несопоставимой пока с Европой степени хронологического расчленения материалов и неясностью временной привязки ряда важных комплексов.

По мере накопления данных по различным регионам Сибири обнаруживается факт значительного разнообразия вариантов индустрии, иногда сосуществовавших в пределах конкретного микрорайона, с одной стороны, и поразительного сходства разделенных

тысячами километров комплексов, с другой. В связи с этим достаточно трудно охарактеризовать выделяемые варианты как аналоги археологических культур позднейших эпох, где в качестве основного признака общности выступает единство облика материальной культуры на ограниченной территории. Наряду с локальным разнообразием, существуют определенные черты временной упорядоченности в развитии каменных индустрий, что позволяет выделить ступени развития сибирского верхнего палеолита. Парадоксальным образом новые открытия говорят о большей, чем предполагалось, степени сходства европейского и сибирского палеолита. Цель доклада — провести сопоставление общих характеристик каменных индустрий в Южной Сибири и Европе на различных отрезках верхнепалеолитической эпохи.

Ранняя пора верхнего палеолита. Период, в Сибири отвечающий нескольким отрезкам каргинского века в диапазоне от 42-43 до примерно 28-29 тыс. лет. Хронологически соответствует начальному и раннему верхнему палеолиту Европы с его многообразием культурных традиций (шательперрон, селет, улушо, ориньяк и др.), местами сосуществовавших с позднемустьерскими индустриями. Переход от мустье к верхнему палеолиту в Сибири происходил примерно в том же хронологическом, по сравнению с традиционной оценкой, начале этого процесса и о длительном периоде сосуществования средне- и верхнепалеолитических индустрий, подобно некоторым регионам Европы (Крым).

Ранние верхнепалеолитические стоянки известны в основном на Алтае, где намечается культурная дифференциация индустрий. Можно выделить группу пластинчатых комплексов (Кара-Бом, Кара-Тенеш, 3 слой раскопа 1 на стоянке Усть-Каракол 1, Ануй 1, Малояломанская пещера), основанных на технологии получения крупных длинных пластин с плоских ядрищ. Сохраняется много черт леваллуазской техники. Интересно, что, наряду с одно- и двуплощадочными плоскими, леваллуазскими треугольными и дисковидными формами нуклеусов, фиксируется зарождение техники снятия мелких пластинок с торца ядрища. В орудийном наборе доминируют разнообразные ретушированные пластины, остроконечники (для некоторых комплексов характерен прием подработки овального основания ретушированных пластин и остроконечников ретушью на брюшке), острия, скребла. Здесь много зубчато-выемчатых форм, проколов. Отметим выразительные серии резцов и скребков. Для ряда памятников зафиксированы листовидные бифасы.

Весьма специфичный вариант культуры представлен материалами из слоев 8-11 Усть-Каракола I. Для них характерно раннее появление развитой микропластинчатой техники, скребла, резцы. Здесь налицо ряд ориньякских элементов (серия скребков высокой формы, ретушированные по краям пластины).

За пределами Алтая памятники ранней поры верхнего палеолита выделены в основном в Приангарье и Забайкалье. По большей части это пластинчатые индустрии, в той или иной степени сходные с памятниками типа Кара-Бома (стоянка Арембовского, Толбага, комплекс А Каменки I и др.). В то же время в Забайкалье как будто прослеживается иная линия развития архаичных мустьероидных индустрий с преобладанием изделий на отщепах и элементами верхнепалеолитической техники и типологии (Приисковая). К сожалению, геологический возраст стоянки Приисковая пока неясен. Если она действительно соответствует ранней поре верхнего палеолита, то ситуация вызывает в памяти давно известное в палеолите Европы сосуществование архаичных индустрий и комплексов с хорошо выраженным набором верхнепалеолитических элементов.

Средняя пора верхнего палеолита. Хронологически соответствует времени финала каргинской эпохи и начальной фазе саргана до максимума оледенения, то есть от 27-28 до примерно 17-18 тыс. лет. По европейской шкале, это время расцвета граветта. Памятники средней поры верхнего палеолита представлены в различных регионах Сибири преимущественно пластинчатыми индустриями с полным набором верхнепалеолитических характеристик каменного инвентаря, причем на Алтае с явными граветтийскими элементами. Речь идет о серии комплексов на многослойной стоянке Ануй II, датированных в интервале 21-28 тыс. лет. Здесь встречены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, зубчато-выемчатые формы, лимас и др. Индустрию дополняет выразительная серия пластинок с притупленным краем и ретушным усечением, микроострий.

Вне Алтая памятники средней поры верхнего палеолита представлены богатыми сериями комплексов в бассейне Чулыма, на Енисее, Ангаре и в Забайкалье. Наиболее яркое проявление этой фазы — мальтинская культура, включающая как аналогичные по инвентарю Мальту и Буреть, так и ряд комплексов с отдельными элементами сходства с Мальтой (Ачинская, 3 слой стоянки Ушлеп V на Алтае). Серия памятников Среднего Енисея (Тарачиха, Афанасьева Гора) находит неожиданные аналогии в столь отдаленном районе как Верхняя Лена (Алексеевск I). Касаясь каменного инвентаря стоянок этого

периода, нельзя обойти вниманием неожиданное открытие сегментов на местонахождении Шестаково в Кузбассе. Подобное спорадическое появление геометрических форм известно и в верхнем палеолите Европы.

Параллельно с доминирующими на этом этапе пластинчатыми комплексами, продолжается развитие архаичных отщеповых индустрий, вероятно восходящих к местным вариантам позднего мустье (Куртак IV на Енисее, комплекс Б Каменки I, Куналей в Забайкалье).

Поздняя пора верхнего палеолита. Хронологически соответствует позднеледниковью, второй половине сартанского времени по сибирской шкале, от 16 до 10 тыс. лет. Возникновение новых культурных явлений в эту пору вероятно связано с перемещениями групп древнего населения после ледникового максимума. В Европе это время преобладания мадленских и эпиграветтских индустрий, на севере континента замещающихся в финале плейстоцена разнообразными культурами с наконечниками (гамбургская, крезвельская, свидерская, аренбургская культуры, федермессер, бромме и др.).

Большинство местонахождений финального палеолита Алтая (Сростки, Майма, Урожайная и др.) демонстрируют однообразный облик индустрии, соответствующий по общим параметрам культуре обитателей юга Сибири в данный период, и вызывающий в памяти афонтовские стоянки Енисея. Имеются в виду комплексы с плоскими и клиновидными ядрищами, многочисленными скреблами, скребками, долотовидными орудиями, чопперами. Вряд ли в пределах этой группы памятников, учитывая неясность их хронологической привязки, можно выделить какие-то варианты и, тем более, археологические культуры. На фоне данных комплексов выделяется пластинчатая индустрия стоянки Ушлеп III с призматическими ядрищами, серией специфических пластинок с ретушным усечением концов, скребками, скреблами, резцами и др. Другая пластинчатая индустрия происходит из 6 культурного слоя стоянки Тыткескень III.

Из пещер Северо-западного Алтая происходит индустрия с призматическими нуклеусами, ретушированными пластинами, пластинками с притупленным краем, скребками, резцами. Комплексы дополняются костяными орудиями, богатым набором украшений из кости, бивня и даже скорлупы яиц страуса. Денисова пещера доставила уникальный для Сибири образец сегмента. Находка маркирует крайнюю восточную точку распространения геометрических микролитов в финале плейстоцена в Северной Азии. Возможно, здесь

сказалось влияние микролитических индустрий Казахстана и Западной Сибири.

Большинство местонахождений финального палеолита юга Сибири от Алтая и Западной Сибири до восточного Забайкалья демонстрируют однообразный облик индустрии. Есть среди них комплексы с большим удельным весом изделий на отщепах (афонтовские стоянки Енисея, бадайские памятники на Ангаре, Ошурково в Забайкалье). В других случаях более выражен пластинчатый компонент (памятники Томи, кокоровские стоянки Енисея, индустрии типа Студеного в Западном Забайкалье). Иной вариант сибирского палеолита характеризуется наличием листовидных бифасов, причем основное типологическое «ядро» индустрии остается неизменным (Сохатино IV в Забайкалье).

По сравнению с европейскими материалами, все эти памятники своеобразны. Однако на общем фоне перечисленных комплексов выделяется серия разнородных по типологическому облику пластинчатых индустрий «европеоидного» облика, в основном дислоцированных в западной части сибирского ареала. Помимо упомянутых алтайских местонахождений, это Черноозерье II в Западной Сибири, Голубая I на Енисее. Отметим наличие острий, сходных с аренбургскими, в инвентаре Шикаевки II, расположенной в бассейне Тобола.

В отличие от Европы, в Сибири не наблюдается существенных изменений в облике каменных индустрий в финале плейстоцена, и развитие местных традиций плавно продолжается здесь в раннеголоценовое время.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ И СТРУКТУР ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИАЗОВЬЕ (НА ЮГЕ РОССИИ)

Традиционные представления о характере природной среды на юге Русской Равнины в позднелейстоценовое время и существования там специфической единой культурной степной зоны, полемика по поводу которой продолжается в течении уже сорока лет, вероятно должны пересматриваться, так как к настоящему времени накопилось много новых археологических и палеоэкологических данных, вступающих с ними в явное противоречие.

Реальным путем для понимания системы природопользования древнейшего населения Северного Причерноморья является последовательное изучение локальной палеоэкологии памятников и создание на этой основе корректных моделей систем жизнеобеспечения для небольших районов. При таком подходе очень важными становятся данные по локальной палеоэкологии, связанные непосредственно с местом расположения конкретного памятника, позволяющие оценить ту обстановку, в которой протекала жизнь древнего коллектива. Локальная палеоэкология отражает специфику, как самого места поселения, так и ближайших, т.е. ежедневно или часто посещаемых окрестностей стоянки. Так, при этом подходе, рельеф рассматривается с точки зрения удобства водоснабжения, защищенности, возможностей обзора для охоты и проведения охотничьих операций, освещенности и т.п.; климат – в отношении положительных или негативных температурных и прочих характеристик, существования опасности снеговых заносов, селей, наводнений и т.п.; растительность – обеспеченности топливом, стройматериалами, угодьями для собирательства, кормовой базой для промысловых животных; животный мир – объемом и составом охотничьих ресурсов; геологические породы – доступности, количества и качества сырья для изготовления различных изделий, строительства и т.д. Знание этих обстоятельств позволяет создавать модели адаптации населения к условиям конкретного района – а при наличии некоторого числа таких моделей возможно и создание более общей картины регионального плана.

Памятники каменнобалковской культуры, расположенные в дельте Дона, которые постоянно исследуются уже более сорока лет, могут служить надежной основой для проведения такого анализа, так как археологические работы сочетаются здесь с регулярно

проводимыми комплексными естественнонаучными исследованиями. Все имеющиеся данные, полученные в результате этих работ, позволяют говорить о том, что район правого берега Дона в его устьевой части был привлекателен для древних обитателей и использовался ими на протяжении весьма долгого времени – 4-5 тысяч лет.

До относительно недавнего времени для Северного Причерноморья в эпоху позднего плейстоцена реконструировались холодные перигляциальные степи, в которых существовали громадные стада бизонов. Модель охотничьего промысла строилась по аналогии с североамериканскими Великими Равнинами. Считалось, что холодные редкотравные степи не могли служить хорошей кормовой базой для большого поголовья животных, и поэтому крайняя подвижность стад копытных определяла и очень высокую мобильность населения.

Полученные нами данные для района дельты Дона говорят о принципиально иной картине растительности и климата. На памятниках и в прилегающей местности отобрано и обработано более 500 проб для спорово-пыльцевого анализа, имеются около 10 полных колонок для всей толщи покровных отложений, и различные группы образцов, характеризующие тот или иной участок разреза или культурных слоев в плоскостном простирании, проведен фитолитовый анализ основных разрезов и обширные геолого-геоморфологические, палеозоологические и палеонедологические исследования.

На основании изменения состава палинологических спектров на стоянках Каменной Балки 2 (4 колонки) в изученной толще покровных отложений выявлено 9 споро-пыльцевых комплексов, характеризующих различные климатические периоды. Данные по стоянкам Каменная Балка 1 (2 колонки) и стоянки Третий Мыс (2 колонки) подтверждают общие закономерности изменений растительного покрова, полученные в результате исследований. Все особенности полученных данных споро-пыльцевого анализа достаточно подробно описаны в публикациях. Здесь же я добавлю, что данные фитолитового анализа на удивление полно согласуются с данными спорово-пыльцевого, а палеонедологические исследования позволили выделить три погребенных почвы разного таксономического уровня, но соответствующих по своему стратиграфическому положению периодам максимального потепления и увлаженности и соотносящиеся с нижним и вторым культурными слоями Каменной Балки 2.. Анализы макро, микрофауны и малакофауны, подтверждают основные выводы о том, что все три периода обитания на стоянке Каменная Балка 2 связаны с существованием значительной облесенности ландшафта, что

сопровождалось увлажнением и потеплением климата. С этими данными хорошо сочетается то, что в составе фаунистической коллекции второго слоя Каменной Балки 2 присутствуют бурый медведь и лось, в нескольких случаях можно говорить о наличии зубра. В периоды существования сухих степей – обитание прекращается.

Для нижнего и второго культурных слоев Каменной Балки 2 отмечено присутствие пыльцы широколиственных древесных форм – таких как дуб, липа, вяз, ольха; много зеленых мхов и папоротников, в травянистых растениях представлена пыльца прибрежно-водных растений и влажных лугов. Верхний культурный слой Каменной Балки 2 – характеризуется наиболее сухим периодом, хотя доля древесных форм достаточно высока.

Радиоуглеродной даты для нижнего и верхнего слоев пока не существует – образцы 2000 и 2001 гг переданы на обработку в лабораторию Гронингена. Последние даты для второго (основного) культурного слоя – получены в 2001 году там же – 15610 ± 80 (GrA 17349), 15590 ± 80 (GrA 17937), 14850 ± 80 (GrA 964). Судя по предыдущим датам и данным геологии, наиболее достоверным временем формирования этого слоя является все же шестнадцатое тысячелетие.

Культурный слой стоянки Каменная Балка 1 образовался в более холодный, но достаточно влажный период. Для растительного покрова характерна высокая доля облесенности, причем доминирующим растением была ель. Радиоуглеродная дата, полученная из очага одного из жилых комплексов – 14670 ± 105 (AA 4797).

Лишь для самой поздней стоянки каменнобалковской культуры Третий мыс действительно наблюдается общая остепненность территории, но и это не холодная, а весьма продуктивная, в качестве кормовой базы, разнотравная степь. Непротиворечивых радиоуглеродных дат нет, а на основании геологических и палеоботанических данных стоянка датируется ранним дриасом – около 13 000 лет

Что касается характеристики рельефа местности, то геолого-геоморфологические исследования показали, что он существенно отличался от современного: люди, обитавшие на Балке во время формирования нижнего и второго слоя стоянки Каменная Балка 2, жили не на крутых мысах глубокого оврага, а на пологих склонах долины, которая была значительно мельче современного русла. Долина могла быть руслом постоянного или сезонного водотока, кроме того, здесь могли постоянно существовать различные водоемы, о чем говорит наличие пыльцы большой группы околородных растений и

многочисленные спикулы пресноводных губок. Эта долина, расположенная на правом берегу пра-Дона, имела несколько иное направление, чем сейчас. Положение же мест стоянок по отношению к дельте пра-Дона было гипсометрически более высоким, чем современное, что обеспечивало хороший обзор. Формирование современного рельефа связано с более поздними процессами и затронуло в большей степени жителей более молодых стоянок – Третий Мыс и верхнего слоя Каменной Балки 2.

В целом ландшафт изучаемой территории вероятно образовывали островные сосновые и березовые перелески, в состав которых в определенные периоды могли входить и широколиственные породы. Принимая во внимание видовой состав трав (значительное участие полыней и маревых, различное мезофильное разнотравье, злаки), видно, что часть территории была покрыта травянисто-кустарничковыми группировками различного состава. Избирательность растительных группировок, бесспорно, определялась характером рельефа территории.

Краткий обзор палеоэкологической ситуации дает представление об условиях жизни древних каменнобалковцев и позволяет понять причины долгого использования этой территории. Принадлежность всех исследованных памятников к одной археологической культуре не вызывает сомнений, тем не менее структуры культурного слоя стоянок – различны. Как уже говорилось выше, все периоды обитания связаны с временами больших потеплений, увлажнения и возрастания обледенности, однако наиболее теплыми периодами за все время существования каменнобалковской культуры были периоды формирования нижнего и второго слоев Каменной Балки 2. Эти культурные слои представлены хорошо выраженными в профиле линзами, особенно это характерно для наиболее полно исследованного второго (основного слоя стоянки). Здесь выделяются обширные и богатые находками производственные и жилые зоны, многочисленные очаги, остатки конструкций, которые могли служить как ветровыми заслонами, так и легкими наземными жилищами. Слой необычайно насыщен расщепленным кремнем, хотя ближайшие выходы кремня расположены в 100-150 км в бассейне Миуса. Разнообразные и многочисленные фаунистические остатки говорят об активной охотничьей деятельности. Внутренняя микростратиграфия второго слоя позволяет говорить о наличии нескольких эпизодов посещения этого места в относительно небольшой период времени. При этом анализ зубного цемента охотничьих трофеев показал, что в рамках одного микрогоризонта (эпизода обитания)

представлены животные убитые в течение всех сезонов, то есть такое время обитания могло приближаться к длительности в год или около того.

Культурный слой более молодого памятника Каменная Балка 1, существовавшего в чуть более холодный период, обладает более простой структурой и меньшей площадью. На большей части площади он не образует сплошной линзы, не прослеживается здесь и микрослоистость слоя, находки менее многочисленны, фаунистических остатков не много и их видовой состав беднее. На памятнике можно выделить два участка, которые могут быть атрибутированы как жилые площадки, включающие остатки легких наземных жилищ. Благодаря относительной бедности слоя насыщенное пятно находок с четкими границами и ямками со вкопанными костями расположенными по его контуру, с тремя очагами, расположенными по длинной оси, выделяется достаточно ярко. Рис -1, 2, 3. Аналогичные структуры известны и на Каменной Балке 2, но выделять их там труднее из-за сложной структуры и насыщенности слоя.

Тщательный ремонт показал полное отсутствие каких-либо связей между двумя жилыми площадками Каменной Балки 1, что позволяет предположить их существование в разные отрезки времени. Напротив, на Каменной Балке 2 существуют устойчивые и достаточно многочисленные связи между аналогичными объектами, объединяющие в единую систему 3-4 жилые площадки и соответствующие производственные зоны.

Более поздние памятники: верхний слой Каменной Балки 2 и Третий Мыс демонстрируют совершенно иную структуру культурных слоев — которые представлены либо выдержанными в высотном отношении горизонтами залегания находок, либо очень тонкими поверхностями залегания находок. Эти слои не имеют сколько-нибудь выраженной окрашенности, скопления находок разного характера читаются очень ясно, так как вообще находок мало. Очаги присутствуют, но их, по сравнению с более древними памятниками, меньше, и они не несут следов вторичного использования. Характеристики бурого суглинка, вмещающего эти культурные слои, отличаются от подстилающего их палевого и говорят о другом периоде осадконакопления, связанного с финальноплейстоценовыми процессами, вероятно влиявшими на изменения локального рельефа.

Если обратиться к другим верхнепалеолитическим памятникам этого региона, то мы можем отметить хорошо выраженные культурные слои и/или наличие жилых конструкций на памятниках Сагайдак, Мураловка, Золотовка 1, Федоровка 1 и 2., которые так или иначе связаны с временем формирования дофиновской и весело-вознесенской

палеопочв. И, напротив, более поздние памятники соотносимые с ранним дриасом и Беллингом (Третий мыс, Каменная Балка 2 верхний слой, Амвросиевка), характеризуются «взвешенными» культурными слоями, отсутствием или невыраженностью жилых структур, разнообразными деструкционными процессами прослеживаемыми во вмещающих породах и влияющими на сохранность слоя (Вислая Балка).

Представляется правомерным предположение о том, что существенные изменения в структуре памятников отражают, с одной стороны, специфику адаптаций населения к довольно быстро меняющимся условиям обитания, отражающим поздневалдайские межстадиальные циклы и их внутренние более мелкие климатические ритмы, а, с другой стороны, влияние тех же природных факторов на характер седиментации, который определяет условия формирования и сохранности культурных слоев. Выделение и определение доли участия природного или антропогенного фактора в формировании того или иного культурного слоя должно стать целью современных комплексных исследований и служить основой для интерпретаций полученных материалов.

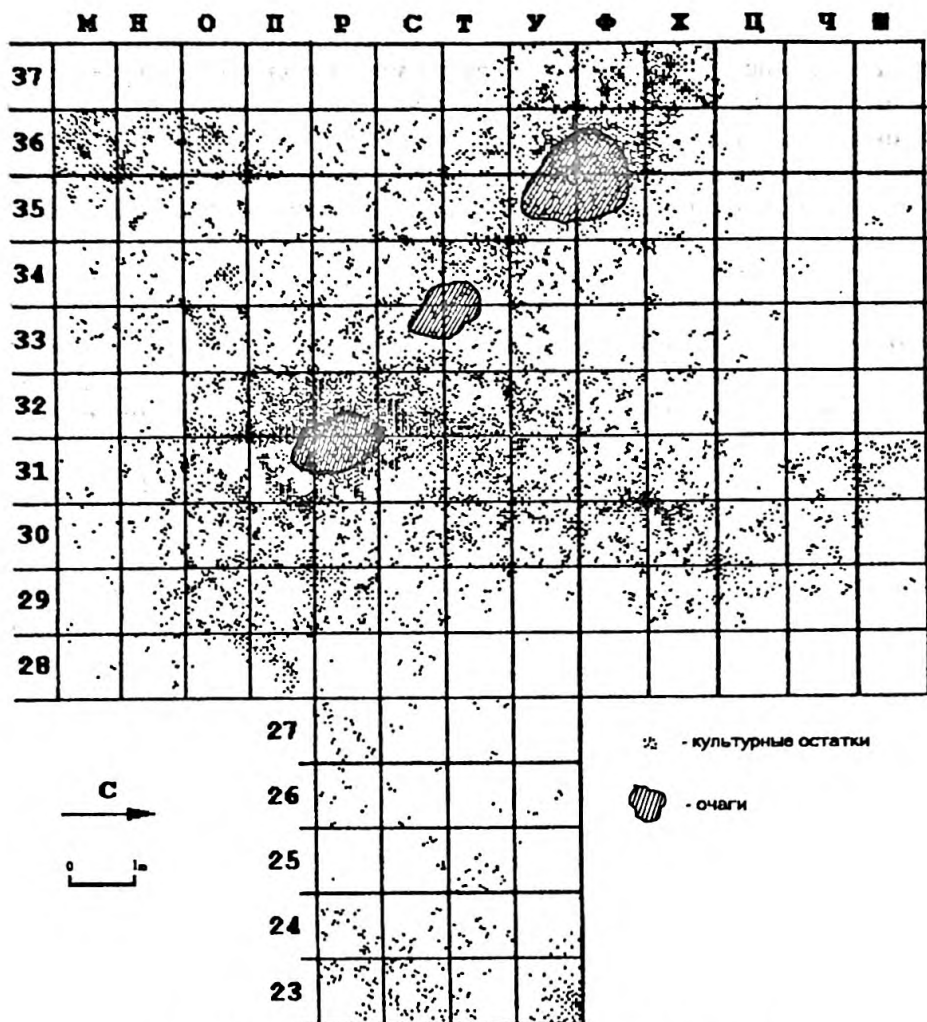

Рис 1. План раскопа стоянки Каменная Балка I.

Рис 2. Микростратиграфия культурного слоя Каменной Балки I (раскопки 1989г.). А – вид с юга, В – вид с востока.

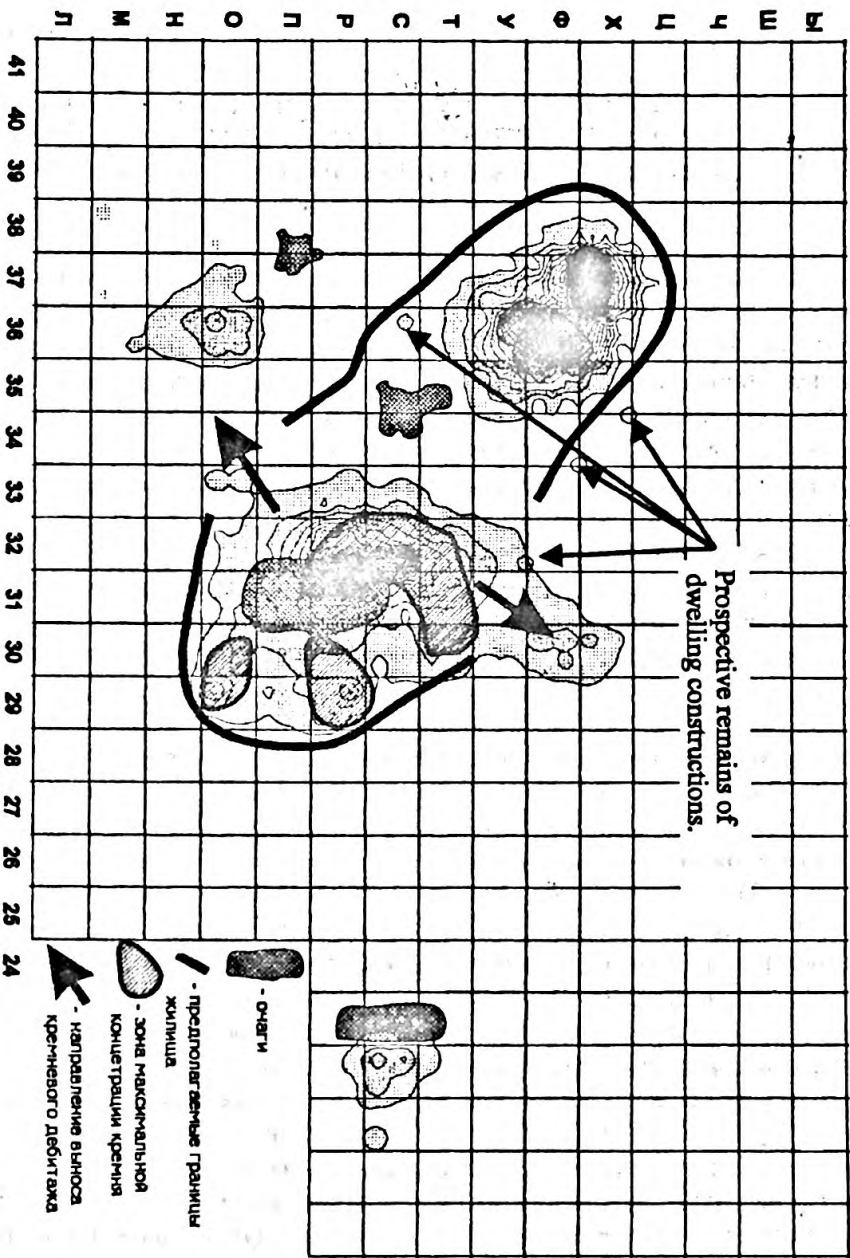

Рис. 3. Схема концентрации кремневого материала и границы предполагаемого жилища.

ВРЕМЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ПО ДАННЫМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КОСТЕЙ МЕГАФАУНЫ

В Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН продатирован широкий круг событий и явлений истории биосферы, сопряженных, так или иначе, с остатками млекопитающих, преимущественно костями мегафауны, использованными нами как объекты для радиоуглеродного датирования. Из многих сотен таких дат, полученных на предмет изучения истории мамонтовой фауны, древнего человека, вопросов стратиграфии, палеоклимата и т.п., удалось извлечь более 250 дат, связанных с позднелпалеолитическими стоянками (Табл.1, Рис.1). Делается попытка оценить достоверность этих дат и их пригодность для восстановления хронологии заселения стоянок человеком.

Для успешного радиоуглеродного датирования событий используемый углеродсодержащий материал должен:

- 1) образоваться из атмосферного CO_2 и захорониться за время, сопоставимое с разрешающей способностью метода;
- 2) обладать хорошей сохранностью изначального углерода и быть пригодным для выделения последнего в чистом виде и достаточном количестве;
- 3) желательна массовость образцов (материала) по объектам для проверки воспроизводимости дат между собой и в сопоставлении с относительными хронологическими реперами.

Перечисленными характеристиками обладают как обугленные, так и необугленные кости млекопитающих. Последние являют собой органоминеральное вещество, которое не теряет свою форму за счет сохранения каркаса коллагена (дающего углерод для датирования), после удаления минеральной составляющей. В случае плохой сохранности коллагена в ископаемых костях первоначальные формы кости начинают теряться, а структуры коллагена распадаются на те или иные мягкие фрагменты. Однако в любом случае связь их белковых молекул между собой неизмеримо прочнее, чем с загрязняющими веществами, которые оказываются в кости за счет автотрофной и гетеротрофной микробной и иной биологической активности, а так же за счет движения растворов во вмещающих отложениях.

Освобождение органического углерода кости от загрязнений проводилось его вымачиванием и отмыжкой в соляной кислоте различных концентраций в фазе коллагена. Таким образом, коллаген освобождался от изначальных неорганических компонентов кости и от новообразованных в захоронении продуктов апатитизации, карбонатизации и т.п., а так же от веществ, внесенных при биотурбациях почвенной фауны. Процесс подводил к растворению очищенного коллагена, центрифугированию раствора, его фильтрованию, высушиванию, обугливанию и переводению освобожденного углерода в фазу бензола. После отмыжки последнего в H_2SO_4 и сублимации все завершалось приготовлением счетного вещества и его датированием.

Горелая кость, жженая еще древним человеком состоит как из черных кусочков обугленной кости, так и из очажной массы, несущей в себе дисперсный углерод – копоть, часто их смесь. Когда было достаточно материала, датировались кусочки, которые растворялись в HCl и оставшийся углерод очищался щелочью. Либо, дисперсный углерод извлекался в различных процедурах и также очищался. Получение счетного вещества из очищенного углерода велось стандартно. Надежность получаемых дат контролировалась постоянно по воспроизводимости при повторном датировании того же материала, его частей разной сохранности и т.п.

Хотя многочисленные примеры воспроизводимости дат в лабораторных экспериментах представляются вполне убедительными, но надежность детальной хронологии по стоянкам, по-видимому, станет вполне достоверной только после рассмотрения совокупности ряда массивов дат в случае их непротиворечивости. В такой проверке выявляются ошибки интерпретации как генезиса вмещающих отложений и происхождения образцов, так и сбоев на стадиях лабораторного эксперимента и многое другое.

Здесь рассмотрены только даты по костному материалу Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (ГИН), полученные после 1970 года по указанной методике. Во всех случаях дан радиоуглеродный возраст без каких-либо поправок.

Получение дат шло в течение многих лет по мере спорадического поступления материала из раскопок и коллекций. В настоящей работе они впервые полностью собраны по стоянкам и воедино. По некоторым стоянкам за много лет образовались целые массивы дат на разных хронологических ступенях.

На анализ обычно бралась одна кость достаточной величины, из опасения получить усредненный возраст по нескольким небольшим

разновозрастным костям. Однако и даты, вынужденно полученные по ряду мелких костей, предположительно разновозрастных кухонных отходов или от одного животного, давали хорошо сходящиеся результаты (северные олени Сунгиря, битая кость из разных памятников, см. Рис.1). Это указывало на одновременность образования частей образца.

Радиоуглеродный возраст костей мегафауны к моменту захоронения не превышает 20-30 лет. Кости, десятки лет находящиеся на дневной поверхности, деструктируются. Таким образом, беря кости хорошей сохранности, мы получаем даты времени захоронения (или втапывания) костей, т.е. формирования культурных прослоев. Многократное датирование костей одного животного маловероятно, т.к. на стоянках большей частью встречаются разрозненные кости большого числа животных, различающиеся как видовой принадлежностью, индивидуальными характеристиками, так и радиоуглеродным возрастом. Туши крупных животных здесь, по-видимому, не разделялись.

На одной и той же территории на протяжении десятков тысяч лет охотились и селились люди, оставляя как рассеянные следы своей деятельности, так и их скопления – культурные горизонты стоянок. Культурный горизонт – это геологическое тело, образующееся за счет накопления и (или) перемешивания минерального вещества, артефактов и иных продуктов жизнедеятельности древнего человека. Если нет привноса минерального вещества и, соответственно, нормальной стратификации культурных слоев, то один слой будет иметь даты разновременных поселений.

По-видимому, существует некоторое соответствие между интенсивностью жизнедеятельности человека и количеством ее следов на стоянках. Поскольку активность человека включает в себя привнос на стоянку материалов для радиоуглеродного датирования, то по ним мы можем узнать, когда привнос имел место, когда была принесена та или иная кость. Рассматривая график, мы не нашли зависимости возраста от видовой принадлежности костей и от фазы углерода в образцах: коллаген-горелая кость. Скуденность дат вблизи хронологических ступеней, по-видимому, указывает не только на реальную продолжительность существования стоянок, но и на надежность датировок по материалу для датирования, собиравшемуся нами в разное время и разными путями. В списке датированных стоянок (Табл.1) указано число дат по стоянке и сколькими порциями они поступали для датирования. В некоторых случаях между порциями

проходили десятки лет. В массиве есть даты по раскопкам XIX века и много по раскопкам 20-30 годов XX века.

Поскольку массивы дат по стоянкам четко приурочены ко времени существования собственно стоянки, то, по-видимому, и отдельные, единичные и кратные даты так же соответствуют культурным слоям своих стоянок. Редкость произвольно древних дат в массивах по материалу из культурных слоев, судя по всему, так же указывает на исключительность внесения ископаемого материала, который должен быть древнее основной массы. Таких древних дат – единицы.

Для стоянок с дробно датированными культурными слоями по крайним датам скопления можно условно оценить время формирования всего культурного слоя. Для Мальты этот время составляет ~ 900 лет; для Сунгира ~ 2.700 лет; для Авдеево это, возможно, три отрезка по 300 – 600 лет; для Пушкарей I ~ 500 лет; для Афонтовой Горы II ~ 1200 лет. Это грубые прикидки, многое не учитывающие, в том числе «сгущения» дат внутри рассматриваемых отрезков времени, которые при большей детальности окажутся расчлененными на короткие интервалы. Разбор дат ГИН- по Костенкам проведен в совместной с Н.Д.Прасловым статье (ДАН РАН, 1999, т. 365, №2, сер. геол., с. 236-240).

Представляется, что даты большей частью верны и весь их массив может войти в систему геохронологических данных верхнего палеолита Восточной Европы и Сибири, синхронизируя геоэкологические обстановки различных территорий.

В целом, радиоуглеродное датирование костей – самостоятельный метод, при постоянном контроле весьма надежный для восстановления времени существования стоянок.

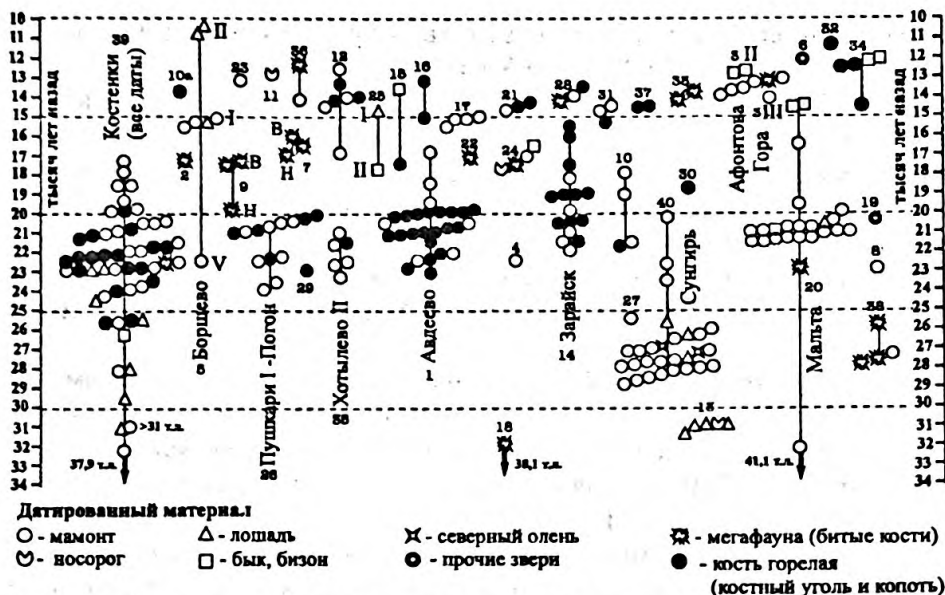

Рис. 1. Динамика заселения некоторых позднепалеолитических стоянок (радиоуглеродные даты ГИН по костному материалу).

1	АВДЕЕВО (27:9)	21	МЕЖИРИЧИ (3)
2	АТАНЧА(1)	22	МУРАЛОВКА(1)
3	АФОНТОВА ГОРА II, III (9:3)	23	ОБУХОВО (1)
4	БЕРДЬЖ (1)	24	ПЕНЫ II (4:2)
5	БОРЩЕВО I, II, V (7:4)	25	ПОХЛЕБИНО I, II (2)
6	БУРХАН (мыс) (1)	26	ПУШКАРИ I - ПЮГОН (13:6)
7	БЫКИ VII (3)	27	РУСАНИХА(1)
8	ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ (1)	28	СУПОНЕВО(3:3)
9	ВРУБЛЕВЦЫ (3)	29	СУЧКИНО II (1)
10	ГАГАРИНО (4:2); ГОНЦЫ (1)	30	ТАЛИЦКОГО(1)
11	ДЯДЬКОВО(1)	31	ТИМОНОВКА I(3:2)
12	ЕЛИСЕЕВИЧИ I (7:3)	32	УСТЬ-БЕЛАЯ(1)
13	ЗАОЗЕРЬЕ (5)	33	УСТЬ-БИРЮСА (2)
14	ЗАРАЙСК (16:8)	34	УСТЬ-КЯХТА XVII (5:2)
15	ЗОЛОТОВКА(2:2)	35	ХОТЫЛЕВО II (6:3)
16	КАМЕННАЯ БАЛКА II (2:2)	36	ШАТРИЦЫ (2:2)
17	КАРАЧАРОВО (4:3)	37	ЮДИНОВО I (2:2)
18	МАЛАЯ ЛОКОТНЯ(1)	38	Р. ЯНА (4)
19	МАКАРОВО III (1)	39	КОСТЕЙКИ разьис (54:т)
20	МАЛЬТА (24: 7)	40	СУНГИРЬ (28:6)

Таблица 1. Список позднепалеолитических стоянок, датированных ^{14}C методом по костям мегафауны в Геологическом институте РАН (в скобках указано количество полученных дат и число поступлений материала).

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА ЗАПАДНОГО КРЫМА И ДОНБАССА В ПОСЛЕДНЕМ ЛЕДНИКОВОМ ПЕРИОДЕ

Палеоэкология первобытного человека в Западном Крыму реконструирована по результатам палинологического изучения многослойной мустьерской стоянки Кабази II. Ее археология, хронология, а также эволюция природной среды по палеофаунистическим данным приведены в работах (Колосов и др., 1993; Chabai, 1996; The Middle Paleolithic of Western Crimea, Chabai, Monigal (Eds.), 1998, 1999). На территории Донбасса нами выполнено педолого-стратиграфическое расчленение и палинологическое исследование мустьерских стоянок Белокузьминовка, Курдюмовка, Звановка и позднепалеолитического памятника Амвросиевка. Археология мустьерских памятников изучена А.Колесником (1993), Амвросиевки А.Кротовой (1986, 1996).

На стоянке Кабази II в основании отложений последнего ледниковогоя залегают почвенные слои, содержащие палиноспектры гидротермического оптимума последнего (микулинского) межледниковогоя (пик граба) и заключительной стадии межледниковогоя с сокращением участия широколиственных пород, появлением пыльцы пихты. Первый стадиял раннеледниковогоя выделен по резкому сокращению широколиственных пород (до исчезновения), увеличению роли сосны и березы. С похолоданием вероятно было связано также смещение книзу высотного пояса буковых лесов (появление пыльцы бука). Климат оставался довольно влажным – существовали бореальные лесостепные ландшафты с мезотическим составом травянистых ценозов.

Выше в разрезе представлена дерново-карбонатная интенсивно гумусированная почва – верхнеприлукская (plb2) стратиграфической схемы плейстоцена Украины (Веклич и др., 1993). Палинологически почва отражает интерстадиальные условия – возрастание участия широколиственных пород (граба, дуба, вяза), но также широкое развитие мелколиственных формаций (береза, ольха) при лесостепном типе растительности. Распространение бореальной древесной породы березы, ныне отсутствующей в растительном покрове Крыма, свидетельствует о более холодном климате, чем современный.

Формирование почвы происходило в течение интерстадиалов раннего ледниковогоя (подстадии 5с-5а изотопно-кислородной шкалы),

что подтверждается датами по археологически коррелятным слоям стоянки Староселье (Chabai et al., 1999). Почвы plb2 сопоставляются с дерново-черноземными почвами крутицкого интерстадиала Русской равнины, коррелируемого с брерупом-амерсфортом (Величко, 1988). Самый верхний слой почвы формировался в условиях угнетения широколиственной флоры, максимального распространения ольхи, возможно в течение кратковременных интерстадалов Ognon I-III, частично относимых уже к 4 изотопной стадии (Woillard, 1978). К отложениям раннего ледникового приурочены горизонты культурного слоя III стоянки Кабази II.

На Донбассе почвы plb2 относятся к черноземным или темно-каштановым, формирующимся в зоне перехода от степи к сухой степи, глубоко гумусированным (0.89-0.98% гумуса), карбонатным (до 6-10% CaCO_3), в понижениях местами солонцеватых и загипсованных. По палиноматериалам от начала к концу времени формирования почв ландшафты изменялись от лесостепных к степным, а степные ценозы соответственно от разнотравно-злаковых к дерновинно-злаковым. Распространены были также галофитные ассоциации. Широколиственные породы, представленные дубом, вязом и липой, к концу интервала исчезали. Прослеживаются маломощные слабообразованные буроокрашенные почвы заключительной стадии plc, отображающие переход от почвообразования к лессонакоплению. Мустьерские горизонты наблюдались в почвах plb2 низких элементов рельефа, с повышенным участием мезофитов и гиетрофитов в составе растительности.

Начало плейстоцена на стоянке Кабази II отражено появлением палиноспектров степного типа, обеднением состава древесных пород, исчезновением пыльцы широколиственных в непочвенных отложениях удайского горизонта стратиграфической схемы плейстоцена Украины. Согласно ТЛ-датам (Шелкопляс и др., 1986), этот горизонт сопоставляется с 4 кислородно-изотопной стадией. На пессимуме удайского этапа предгорья Западного Крыма занимали бореальные злаково-разнотравные степи с участием ксерофитов: эфедры, маревых, свинчатковых. В долинах произрастали ольха и осоки. На Донбассе удайский горизонт представлен маломощными лессами, особенностью которых является довольно тяжелый гранулометрический состав (до 35% илистой фракции) и, следовательно, значительное содержание полутораоксидов железа и алюминия, что может свидетельствовать о менее динамичных седиментационных обстановках и, возможно, более влажных условиях в сравнении с другими этапами позднеледникового

лесообразования. Кроме преобладающих ксерофитов (маревых, астровых) в разрезах как плакоров, так и понижений встречена пыльца мезофитного разнотравья богатого состава. Древесная растительность представлена сосной, единично березой. О холодных условиях этого стадиала свидетельствуют морозобойные трещины длиной до 1,5 м, нарушившие границы plb2 почв (ныне грунтовые жилы). Суровый континентальный климат обусловил распространение мустьерских стоянок лишь в пределах речных долин, хотя мастерские (Звановка) были связаны с выходами меловых пород на склонах.

Вышезалегающая почвенная свита витачевского горизонта как в стратиграфически полных разрезах Донбасса, так и на стоянке Кабазы II представлена тремя уровнями почв/почвенных отложений, разделенных лессами/светлоокрашенными непочвенными отложениями. Два нижних почвенных уровня (vtb1 и vtb2) представлены бурыми рендзинами (или их педоседиментами), в понижениях буроземовидными или лугово-бурыми почвами, а верхний уровень (vtb3) – дерново-карбонатными почвами. По палиноматериалам в Западном Крыму уровни vtb1 и vtb2 характеризовались лесостепными ландшафтами: мезотические степи и дубово-грабовые леса, хотя распространение последних было меньшим, чем на последнем межледниковье и оптимуме раннеледниковья. Оба эти уровня витачевского горизонта отражают интерстадиальные условия, при этом верхний из них (vtb2) ESR-датирован 39 ± 3 тыс. лет назад (в основании слоя), что позволяет корреляцию с интерстадиалом хенгело Западной Европы. Предшествующий интерстадиал vtb1, следовательно, может быть соотнесен с интерстадиалом моерсхофд. Между ними прослеживается интервал ухудшения климата vtb1-2 с значительным уменьшением роли широколиственных лесов и ксерофитизацией степей. Это позволяет рассматривать его в ранге стадиала (хотя климат был мягче, чем на первом, удайском, стадиале пленигляциала), и коррелировать со стадиалом Hosselo между моерсхофдом и хенгело, который характеризовался температурным минимумом 40 тыс. лет назад (Van der Hammen, 1995).

Непосредственно над отложениями интерстадиала vtb2 в непочвенных отложениях vtb2-3 прослеживается палинокомплекс с очень высоким содержанием пыльцы сосны, практическим отсутствием широколиственных пород, значительным разнообразием пыльцы кустарников, а также высоким участием эфедры. Выше он сменяется степным комплексом с максимальным для разреза участием пыльцы ксерофитов (особенно полыней), злаков и бореальной древесной растительностью, который отображает стадиальные условия. Луговые

степи, господствовавшие в Западном Крыму в течение предыдущих стадналов, сменились типичными разнотравно-злаковыми, что свидетельствует о возрастании континентализации климата. Этот стаднал, 14C/AMS-датированный на Кабази II 31,5-35,1 тыс. лет назад, соответствует стадналу Huneborg Нидерландов (Van der Hammen, 1995), а предшествующий интервал распространения сосновых лесов – вероятно, интерстадиалу Huneborg I с оптимумом 35 тыс. лет назад. Последний характеризовался таким же влажным, но более холодным климатом, чем предшествующий интерстадиал хенгело (Van der Hammen, 1995). Удайский горизонт и подгоризонты vtb1, vtb1-b2 и vtb2 витачевского интервала включают горизонты культурного слоя IIa, а подгоризонт vtb2-b3 – культурного слоя II.

Верхняя дерново-карбонатная почва витачевской свиты vtb3 отличается серой гумусовой окраской и лесостепным типом палиноспектров с довольно высоким содержанием широколиственных пород. Интерстадиальные условия отражены распространением грабово-дубовых лесов и мезотификацией степей. Этот интерстадиал, моложе 31 тыс. лет, соотносится с денекампом. Таким образом, в пределах витачевского горизонта прослежены четыре интерстадиала и два стаднала, соответствующие изотопно-кислородной стадии 3.

На Донбассе во время формирования двух нижних витачевских почв vtb1 и vtb2 существовали интерстадиальные лесостепные ландшафты: сосновые леса с единичными дубом, липой, вязом, лещиной, бересклетом и разнотравно-злаковые степи. Исходя из сравнения палиноматериалов по разрезам плакоров и палеолитических стоянок, широколиственные породы были приурочены к долинам и балкам, где могли формировать самостоятельные группировки, особенно на стадии vtb2. Витачевские почвы понижений выщелочены от карбонатов и имеют признаки лессиважа. Характерными признаками является наличие мучнисто-карбонатных горизонтов и накопление ила (до 39%), полутораоксидов железа и алюминия (суммарно до 23%), что связано с характером материнских пород, но свидетельствует и о благоприятных условиях почвенного оглинения. Между нижневитачевскими почвами установлен холодный стаднал vtb1-b2 с резким сокращением участия древесной растительности, исчезновением широколиственных пород, ксерофитизацией степей. Почва vtb3, отделенная от нижних почв маломощным лессовым прослоем (стаднал vtb2-b3), отличается от них более высокой гумусированностью и карбонатностью, сероватой окраской, развиты ее солонцеватые или загипсованные разности. Морфологические особенности свидетельствуют о возрастании засушливости в сравнении с

нижневитачевскими интерстадиалами, что подтверждается также степным типом палиноспектров с повышенным участием галофитов. Однако почва *vtb3* формировалась в интерстадиальных условиях (в составе долинных лесов присутствовали широколиственные, особенно липа). Интерстадиалы среднего плинiglaciala (среднего валдая) южной Украины характеризовались более теплыми условиями, чем на территории Северной Европы, что отмечалось ранее (Гричук, 1972; Сиренко, Турло, 1986; Болиховская, 1995). С витачевским горизонтом Донбасса связаны мустьерские культурные слои, но часто с переотложенным материалом.

Верхний плинiglacial (изотопно-кислородная стадия 2) представлен на стоянке Кабази II палевыми суглинками бугского горизонта, палинологический состав которых отображает стадиальные условия: отсутствие широколиственных пород, максимальное распространение степей, преимущественно злаковых, появление степных кустарников: облепиховых, жостера, можжевельника. На Донбассе бугский горизонт представлен наиболее мощным горизонтом лессов (до 5 м), наиболее карбонатных (до 15% CaCO_3), с высоким содержанием крупно-пылеватых частиц и низким илистых, что отражает интенсивное развитие эоловых процессов в континентальном климате.

Ландшафты приближались к полупустынным, с преобладанием полынно-маревых ценозов. Несколько влажнее были условия начала этапа, когда в более увлажненных понижениях рельефа происходило формирование эмбриональных почв, более высоким было участие разнотравья в составе ценозов, встречались береза и ольха. Однако даже на этом отрезке развивались криогенные процессы, приводившие к трещинным нарушениям и формированию полигональных структур на поверхности витачевских почв. С бугским горизонтом связаны археологические слои конца мустье, переходные к позднему палеолиту (стоянка Белокузьминовка), а на Кабази – горизонты культурного слоя I.

Позднепалеолитический памятник Амвросиевка, ^{14}C датированный 18,2-18,7 тыс.лет назад (Krotova, 1996), относится к следующему холодному интервалу позднего плинiglaciala – причерноморскому этапу стратиграфической схемы плейстоцена Украины (21-10 тыс.лет назад). Костице, погребенное причерноморским лессом, залегает в кровле дофиновского горизонта, представленного бурой полупустынной почвой заключительной стадии почвообразования *dfc*. Во время ее формирования, несмотря на распространение ксеротических ценозов на плакорах, в балках

преобладало разнотравье, встречались сосновые леса с примесью березы, ольхи. Во время формирования почвы дофиновского оптимума dfb, залегающей ниже, в состав лесов в очень небольшом количестве входили и широколиственные породы. По палиноматериалам резкое изменение природных условий прослеживается в причерноморское время – площади древесных группировок сокращались даже в балках, здесь распространялись аркто-бореальные кустарниковые формы берез. Плакоры занимала ксеротическая степь. Интерстадиальные (интерфазияльные) условия дофиновского времени сменились суровым стадиальным климатом первой половины причерноморского этапа. Свойства нижнепричерноморских лессов близки бугским и отражают интенсивную седиментацию эоловой пыли, затухание почвообразования.

Вторая половина причерноморского этапа включает интервал позднеледниковья (13-10 тыс. лет назад). С этим отрезком как на Донбассе, так и в Западном Крыму связаны финально-палеолитические памятники, природная среда которых охарактеризована в работах (Герасименко, 1997; Горелик, 2001; Cohen, Gerasimenko et al., 1996).

М.В. Аникович, Дж.Ф. Хоффекер, Ст. Форман, В.В. Попов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ 12 (ВОЛКОВСКАЯ) В СВЕТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 00-06-88015 и National Science Foundation № BCS-0132553.

С 1999 г. в Костенках начала работу Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция ИИМК РАН (нач. д.и.н. М.В.Аникович). С 2001 г. экспедиция действует в тесном содружестве с Музеем-заповедником «Костенки» (директор к.и.н. В.В.Попов), и фактически, – как комплексная международная Российско-Американская экспедиция, ближайшие задачи которой – исследование костенковских памятников начальной поры верхнего палеолита. Руководитель проекта: PD Дж.Ф.Хоффекер (США), с российской стороны – д.и.н. М.В.Аникович и к.и.н. А.А.Синицын.

Многослойная стоянка Костенки 12 (Волковская) расположена на правом приустьевом мысу Покровского лога. Была открыта А.Н.Рогачевым в 1950 г. Изучалась с перерывами с 1951 по 1984 гг. С 1999 г. возобновлены планомерные систематические исследования памятника.

До последнего времени памятник определялся как четырехслойный. Два верхних культурных слоя I и Ia) залегали в так называемой верхней гумусированной толще (радиоуглеродный возраст 32-25000 В.Р.), два нижних (II и III) – в нижней гумусированной толще. Их радиоуглеродный возраст по совокупности данных, включая радиоуглеродные даты, достоверно древнее 35000 В.Р. Культурная принадлежность: слой I относится к городцовской археологической культуре, слои Ia и III – к костенковско-стрелецкой археологической культуре (селетоидный технокомплекс), слой II – к спицынской археологической культуре (ориньякоидный технокомплекс).

Общая характеристика работ 1999-2002 гг. В этот период раскопки памятника производились на верхних участках мыса, где наиболее выразительно представлены отложения нижней гумусированной толщи, вмещающие древнейшие верхнепалеолитические памятники Восточной Европы. Общая вскрытая площадь 140 кв. м. Основные результаты работ следующие.

Стратиграфия, геологический возраст. До сих пор основой костенковской стратиграфии считается деление четвертичных отложений, вмещающих культурные остатки палеолитического времени, на три основные пачки: 1) нижняя гумусированная толща, залегающая ниже отложений, вмещающих линзы вулканического пепла; 2) верхняя гумусированная толща (гумусированные отложения, залегающие выше этих линз) и 3) бурые лессовидные суглинки. В настоящее время эта схема не только детализируется, но меняется в своей основе. Линзы вулканического пепла сохраняют свое значение в качестве важнейшего стратиграфического репера, но на смену прежним представлениям о переотложенных гумусированных горизонтах, не имеющих в своем строении сколько-нибудь существенных стратиграфических закономерностей, приходят представления о наличии в Костенках серии горизонтов почвообразования, которые могут быть «вписаны» в геологическую историю среднего-позднего валдая (вюрма).

В так называемом буром лессовидном суглинке, некогда воспринимавшемся как однородная нерасчленяемая толща, отчетливо выделяется погребенная почва *in situ*: в виде горизонта коричневатобурого суглинка. Сейчас подобные почвы выделяются и на других

памятниках, приуроченных ко вторым балочным террасам: Костенки 1, Костенки 14, вероятно, Костенки 11. По ряду показателей она ассоциируется с гмелинской почвой, впервые выделенной Н.Д.Прасловым на стоянке Костенки 21 (первая надпойменная терраса Дона). Ее радиоуглеродный возраст порядка 22-21000 В.Р. В 2002 г. почвовед М.И.Скрипникова выделила на Костенках 12 и Костенках 14 еще одну погребенную почву, залегающую непосредственно на верхней гумусированной толще.

По верхней гумусированной толще принципиально новых результатов не получено. На Костенках 12, как и на большинстве других памятников Костенковско-Борщевского района, она имеет отчетливо выраженное трехчленное строение. Со средней ее частью здесь связан I культурный слой, с основанием – культурный слой Ia. IRSL дата, полученная Ст. Форманом для I слоя: 27.460 ± 1980 (UIC916) хорошо согласуется с имеющимися радиоуглеродными датами. Серия радиоуглеродных дат для слоя Ia дает значения от 28.500 до 32.700 с тенденцией к более древним.

Наиболее интересные результаты получены для так называемой «нижней гумусированной толщи». На Костенках 12 в ней выделяются четыре горизонта, связанных с самостоятельными почвообразовательными процессами, а именно (сверху вниз):

А. Сильно переотложенный горизонт, включающий линзы интенсивной гумусированности. К нему приурочены остатки III культурного слоя. Радиоуглеродный возраст 36.280 ± 360 (GrA-5551).

В. Рыжевато-коричневый гумусированный суглинок, пронизанный волосовидными трещинами, заполненными светлым материалом, – остатки погребенной почвы *in situ*. Содержит находки IV культурного слоя, открытого в 2001 г.

С. Коричневато-серый гумусированный суглинок, однородный, на большей части разреза непосредственно налегает на нижележащий почвенный горизонт, но местами отделяется от него прослойкой негумусированного палевого суглинка.

Д. Темный серо-коричневый, доходящий до черного гумусированный суглинок, местами линзовидный, местами с большим количеством меловой крошки, не стянутой в линзы. Содержит находки V культурного слоя, открытого в 2002 г.

Для палевого суглинка, разделяющего почвенные горизонты С и D, Ст. Форманом получены 3 IRSL даты: 43.990 ± 3670 (UIC915), 43.470 ± 3670 (UIC946) и 46.910 ± 3860 (UIC947); для горизонта D получена IRSL дата 44.150 ± 3780 (UIC945) и для подстилающего этот горизонт осветленного суглинка – 50.520 ± 4380 (UIC917).

Культурные слои. I культурный слой, залегающий в средней части верхней гумусированной толщи, был хорошо изучен на нижележащих участках склона в пятидесятые-шестидесятые годы. На раскапываемом участке представлена его окраина, где находки относительно редки, а южнее 85-й линии квадратов вовсе исчезают. Основные особенности данного участка – наличие нескольких крупных костей мамонта без признаков раскалывания и открытое в 1983 г. погребение грудного младенца. Принадлежность слоя городцовской АК сомнений не вызывает.

Культурный слой Ia, залегающий в черных интенсивно гумусированных линзах, составляющих основание верхней гумусированной толщи, оказался весьма богат находками в раскопе 2002 г. Собрано около 100 каменных изделий, в том числе треугольный двусторонне обработанный наконечник стрелы, сланцевая подвеска, нуклеусы, возможно, песты-терочники.

II культурный слой известен только на нижних участках мыса; в раскопах 1999-2002 гг. он полностью отсутствует.

III культурный слой, как теперь выяснилось, связан не с основанием, а с верхней частью нижней гумусированной толщи, представленной здесь переслаивающимися линзами черного, коричневого и палевого суглинков. На изучаемом участке представлен преимущественно отдельными находками, однако, особо выделяются три объекта: два охристо-углистых пятна на кв. шщ-87 и шщ-90, 91. Любопытно, что с каждым из этих пятен связаны находки листовидных двусторонне обработанных острий крупных размеров. Третий объект – расположенная на кв. ыы/76-79 западина овальных очертаний, ориентированная в направлении юго-запад – северо-восток, уходящая в восточную стену раскопа. С ней связано свыше сотни обломков костей, принадлежащих в большинстве своем северному оленю, в меньшем количестве лошади. Кремни единичны. В массе своей кости представлены отбитыми эпифизами и расколотыми диафизами, из чего можно сделать вывод, что на данном участке либо ели преимущественно оленей, либо сбрасывали сюда остатки трапезы.

Коллекция каменных изделий значительно обогащает наши представления об индустрии раннего этапа костенковско-стрелецкой АК. Среди новых типов особого внимания заслуживает крупный двусторонне обработанный кварцитовый наконечник с удлиненным слегка изогнутым черешком.

IV культурный слой связан с погребенной почвой В, залегающей ниже горизонта, вмещающего III культурный слой, и отделенной от него 10-20 сантиметровой прослойкой стерильного

палевого суглинка. Материалы невелики: свыше двух десятков костей (заяц, лошадь, лось, бизон, мамонт – определение к.б.н. И.Е.Кузьминой) и около 50 кремневых изделий, включая орудия. Среди последних – фрагмент пластины с типично ориньякской краевой ретушью, высокий концевой скребок и массивное двусторонне обработанное орудие овальных очертаний.

V культурный слой связан с самой нижней погребенной почвой D. На раскопанном участке находки единичны (осколки длинных костей и несколько отдельных цветных кремней, в том числе со вторичной обработкой); судя по положению костей слой может распространяться к северу и востоку от исследованного участка.

Корреляция. Ближайшей задачей является соотнесение новых данных по Костенкам 12 с результатами раскопок Костенок 14, осуществляемых к.и.н. А.А.Синицыным. На наш взгляд наблюдаемые в разрезах различия связаны с конкретной геоморфологической ситуацией заложенных раскопов, а сходство – с общерегиональными стратиграфическими закономерностями. В более широком плане уже сейчас можно утверждать: «верхняя гумусированная толща» датируется временем последнего средневалдайского интерстадиала (дунаевский, брянский, штиллфрид В и проч.) и является продуктом переотложения одной или двух погребенных почв, тогда как «нижняя гумусированная толща» представляет собой значительно более сложное образование, сформировавшееся по меньшей мере в течение первых двух третей средневалдайского мегаинтерстадиала.

Выводы. Новые данные по раскопкам многослойных стоянок Костенковско-Борщевского района показывают, что как минимум, на двух памятниках (Костенки 12 и Костенки 14) начальный верхний палеолит представлен совокупностью культурных слоев, хорошо стратифицированных, разнообразных и специфических в культурном отношении. Таким образом, данный регион выступает на первый план в изучении происхождения и становления верхнего палеолита не только для Восточной Европы, но и для Европы в целом.

ПОСЕЛЕНИЕ ВТОРОГО СЛОЯ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

Тельманская стоянка находится в с. Александровке, содержит пять культурных слоев. Наиболее полно исследован второй слой, связанный с верхним горизонтом ископаемого гумуса и представлен целой группой наземных, округлых в плане, с очагом в средней части жилищ, в сооружении которых не использовались кости мамонта.

Первое жилище в виде компактной линзы культурного слоя 7х6 м мощностью до 30 см исследовано в 1950 г. Наибольшая насыщенность расщепленным кремнем и мелкими осколками костей отмечена на месте очага и вокруг него. Значительная их часть со следами обожжения, часто встречаются костные и древесные угли, кусочки охры, отдельные участки слоя окрашенного в красноватый цвет. Тогда же разведочной траншеей в 3х м южнее обнаружено второе жилище, по структуре культурного слоя и составу вещественных остатков аналогичное первому.

Многочисленный кремневый инвентарь в основной своей массе микролитический, отличается высоким совершенством расщепления, вторичной обработки и особым набором орудий. Это микропластинки с затупленным краем и ретушированными острыми концами, микроострия на треугольной заготовке в виде резцовых снятий с круговой ретушью, микропластинки со скошенным концом, трапезиевидные изделия с вытянутыми ретушированными остриями. Такой своеобразный кремневый инвентарь не имеет аналогий ни на стоянках Костенковско-Борщевского района, ни на территории всей Восточной Европы. Однако П.П.Ефименко находил прямые аналогии кремневому инвентарю второго слоя Тельманской стоянки в инвентаре стоянок западноевропейского Средиземноморья и в частности в ранних гротах Гримальди, в одном из которых такой инвентарь совмещался с захоронениями негроидов. В связи с этим он обратил особое внимание на открытое в 1954 г. погребение негроида на Маркиной Горе, близкое по времени второму слою Тельманской стоянки и пришел к выводу о южном, средиземноморском его происхождении. (П.П.Ефименко, 1958, Костенки I, с.463--466). Но погребение негроида на Маркиной Горе сопровождал кремневый инвентарь принципиально отличный от тельманского.

Изучение второго слоя Тельманской стоянки было возобновлено в 1958 г., исследовалось второе или южное жилище, занимающее центральное место на территории поселения и более

крупное 8x6,5 м. Мощность культурного слоя с включениями прослоек лессовидного суглинка, не содержащего находок достигает 0,5 м. Основание слоя неровное, с многочисленными разной величины ямками-западинами, ориентированными вниз по склону. На месте второго жилища собран многочисленный кремневый инвентарь того же состава, что и в северном жилище. Помимо этого у западного края жилища обнаружен небольшой отщеп обсидиана желтоватого цвета - единственная находка на стоянках Костенковско-Борщевского района. Здесь же найден коренной зуб человека и фрагмент второго. Заполнение культурного слоя промывалось на проточной воде близлежащего ручья. Собраны миниатюрные плоские подвески с просверленными отверстиями и большое количество мелких тщательно ретушированных острий и их обломков. В слое найдены и костяные изделия: острия, ложила, крупная подвеска с круговыми параллельными нарезками, пронизи из мелких трубчатых костей с рядами поперечных насечек по окружности и массивная антропоморфная скульптура из бивня мамонта.

В том же году непосредственно у восточного края второго жилища выявлено еще одно округлое жилище, значительная часть которого уходила к востоку за пределы раскопа, а западный край частично перекрывался культурным слоем второго жилища, что, видимо, связано с нарушением его солифлюкционными процессами и смещением вниз по склону. Линза культурного слоя нового или восточного жилища по сравнению со вторым размещалась несколько ниже, на площади начала пологого склона. На месте перекрывания культурных слоев отмечены участки, где их разделяла прослойка гумусированного суглинка не содержащая находок, а на рубеже начала склона, на месте вертикальных промоин культурные остатки обоих слоев были смешаны. (Отчет о работе Костенковской экспедиции за 1958 г.).

В 1959 г. было продолжено исследование Тельманской стоянки в южной ее части. Здесь еще в 1952 г. в одном из разведочных шурфов были выявлены культурные остатки по разным показателям характерные для второго слоя. По причине малого финансирования отложения чернозема и лессовидного суглинка до уровня 50-70 см над культурным слоем были бульдозером в 6 м юго-восточнее второго жилища, на месте упомянутого шурфа выявлено третье округлое в плане 5,5x4,5 м жилище. Культурный слой и очаг сохранились здесь лучше, чем на месте других жилищ, а кремневый инвентарь по общему составу близок им, но в его наборе обнаружено 14 миниатюрных сегментов, большая часть которых залегала компактной группой. Тогда же доследовалось открытое в предыдущем году четвертое или

восточное жилище, изучалась его восточная часть. Форма этого жилища округлая 6,5 м в поперечнике, кремневый инвентарь того же состава, но отличался высоким удельным весом изделий с вторичной обработкой, около 25%.

На западном участке второго жилища, где в предыдущем году обнаружены зубы человека, сделана прирезка на 2 м к западу. Культурный слой здесь отличался интенсивной обожженностью. При его расчистке помимо расщепленного кремня обнаружены прокаленные с внутренней стороны многочисленные фрагменты раздавленного черепа человека, а также и некоторые кости скелета, обломки черепа и более крупные, и очень мелкие, насчитывающие многие десятки. Края обломков хорошо сохранились благодаря воздействию огня, и некоторые могли подбираться на месте.

Эти материалы были рассмотрены М.М.Герасимовым, определившим принадлежность их молодому мужчине, а хорошо выраженные черты прогнатизма дали основание отнести его к негроидному типу. Хорошая сохранность фрагментов, по его словам, позволяет полностью восстановить череп (Отчет о работе Костенковской экспедиции за 1959 г.).

Близкое сходство кремневого инвентаря второго слоя Тельманской стоянки и инвентаря гротов Гримальди, и в частности грота с погребениями негроидов, а также обнаружение на месте второго жилища Тельманской стоянки останков человека тоже негроидного типа со всей убедительностью подтверждают точку зрения П.П.Ефименко о непосредственной связи обитателей Среднего Дона с населением Средиземноморья. Это свидетельствует об имевших место уже в раннее время эпохи позднего палеолита таких крупномасштабных миграций. Происходило это, судя по всему, в периоды установления благоприятных климатических условий на территории Восточной Европы, на что указывает связь второго культурного слоя Тельманской стоянки с уровнем ископаемого гумуса. Такие миграционные процессы отмечены и в более позднее время: обитатели Виллендорфа на Дунае продвинулись в Восточную Европу до рубежа Среднего Дона.

Во время работ 1959 г. на участке восточного края третьего жилища и несколько восточнее в лессовидном суглинке на 40-70 см выше второго культурного слоя выявлен горизонт культурных остатков, протянувшийся полосой в 6 м с севера на юг и рассеянный по вертикали примерно на 50 см, содержащий кремневый инвентарь, остатки разных видов фауны, камни, кусочки охры, древесные угли, углистые скопления. Вертикальное или круто наклонное положение части находок свидетельствует о нахождении данного комплекса культурных

остатков в переотложенном состоянии. Кроме того, в 3х м к югу от этого скопления, в шурфе 2х1 м в лессовидном суглинке на том же уровне обнаружен расщепленный кремль, обломки костей, обломок сланца с заполированной поверхностью. В целом весь собранный на этом участке кремневый инвентарь резко отличается и от инвентаря подстилающего второго и вышележащего первого слоев и является пятым культурным слоем Тельманской стоянки обозначаемым как 1а культурный слой.

На участке в 8ми м к востоку от третьего жилища, в небольшом 2х1 м шурфе, на более низком уровне погребенной почвы, как и в восточном жилище, собран расщепленный кремль, остатки фауны, костный и древесный угли и прослеживалась окрашенность охрой. Все эти показатели характерны для второго культурного слоя и, возможно, здесь находится еще одно жилище подобное уже известным.

Частично в 1959, а позднее в 1963 и 1964 гг. непосредственно у западного края второго жилища было выявлено, но изучено лишь наполовину пятое или западное жилище, видимо, тоже округлое в плане 7 м в поперечнике, которое по структуре культурного слоя, составу кремневого инвентаря и других вещественных остатков аналогично всем остальным жилищам.

Таким образом, поселение второго слоя Тельманской стоянки состоит из пяти близких по многим показателям и расположенных компактной группой на небольшой площади долговременных жилищ. В центре находилось второе жилище, более крупное, с повышенной мощностью культурного слоя, особо высокой многочисленностью кремневого инвентаря и наличием изделий из кости и бивня мамонта, в том числе предметов украшения и антропоморфной скульптуры, здесь же находились и останки человека. Вокруг этого жилища и в непосредственной близости размещались и остальные жилища, за исключением несколько удаленного третьего. Близкое сходство и закономерность планировки жилищ дает определенное основание считать функционирование их, скорее всего, одновременным.

Краткая информация о жилищах второго культурного слоя Тельманской стоянки приводится в справочнике Н.А.Береговой — Палеолитические местонахождения СССР, Ленинград, 1984, с. 72-73.

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА БОРЩЕВО 5 В КОНТЕКСТЕ ГЕОМОРФОЛОГИИ КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА

Наиболее выразительные стратиграфические профили второй надпойменной террасы Дона в пределах Костенковско-Борщевского района изучены на стоянках Костенки 1, 11, 12, 14, 17, включающих перекрытую лессовидными суглинками серию ископаемых почв и две гумусированные толщи, разделенные прослойкой вулканического пепла. Разновременные уровни залегания культурных остатков большинства многослойных памятников в Костенках, благодаря такой последовательности отложений, хорошо коррелируются между собой. До сих пор все известные стоянки села Борщево, в отличие от костенковских, не имели эталонной стратиграфической колонки, что затрудняло их корреляцию между собой и с костенковскими стоянками. Памятники Борщево 1, Борщево 3 и Борщево 4 приурочены к крутым мысам непосредственно в долине Дона, на которых преобладают переотложенные осадконакопления. Стоянка Борщево 2 залегает при устье Борщевского лога на низкой террасе, отличающейся специфическим строением. Полевые работы 2002 г. на недавно открытой стоянке Борщево 5 дали результаты, позволяющие по-новому оценить возможности хроно-стратиграфического сопоставления костенковского и борщевского участка Дона.

Стоянка Борщево 5 приурочена ко второй надпойменной террасе и расположена на правом борту Борщевского лога, около 1,2 км от Дона, при левом приустьевом мысе небольшого впадающего в большой лог лога-отвершка. Памятник был зафиксирован Костенковской экспедицией ИИМК РАН в 1998 г. Коллекция подъемного кремневого материала из 356 предметов, собранная хозяином участка А.В.Карихом, позволила охарактеризовать стоянку как комплекс, принадлежащий граветтской культурной традиции (Карих, Лисицын, Праслов, Синицын, 1999; Лисицын, 1999). По одному ребру мамонта из зачистки борта дороги получены две радиоуглеродные даты 17400 ± 2000 (ЛЕ-5571) и 22500 ± 700 (ГИН-10239), из которых первая представляется омоложенной.

В 2002 г. была произведена разведочная шурфовка стоянки, имевшая целью уточнить площадь памятника и хроностратиграфическую позицию культурных остатков. Сверху вниз по склону подряд были поставлены шурфы. Три шурфа площадью 3×2

м были заложены по линии СЗ-ЮВ, вдоль распаханного под огороды края террасовидного уступа древнего мыса. Четвертый шурф был заложен на сниженном северо-западном участке мыса и пятый – на самой высокой северо-восточной точке распространения подъемных находок. Шурфы оконтурили по периферии предполагаемую площадь памятника, которая оказалась весьма значительной и оценивается в настоящее время примерно в 3,5 тыс. кв.м. Во всех шурфах присутствовали археологические находки, но их концентрация и сопровождение фаунистическими остатками не было однотипным.

Шурф №1 был вскрыт на глубину 2,3 м. Культурные остатки залежали на глубине 2-2,25 м в коричневато-буром слабогумусированном суглинке и были представлены единичными расщепленными кремнями, примазками древесного угля и костями мамонта. Среди последних выделяются 3 крупных сильно эродированных куска черепа (включая один фрагмент с затылочным отверстием и два фрагмента челюстного отдела с зубами), нижняя челюсть, 5 позвонков в анатомической связи, малая берцовая кость и обломки ребер. Упорядоченности в залегании костей, преимущественно уходивших за пределы шурфа, не наблюдалось, но концентрация костей черепа и позвоночника оказалась необычной для столь малой вскрытой площади. Поэтому культурный слой не был разобран целиком, все крупные кости были оставлены на местах, а шурф законсервирован в перспективе более обширных по площади раскопок.

Культурные остатки в шурфе №2, коррелирующиеся с находками в 1-м шурфе, залежали на глубине 1,62-2,04 м в линзовидном слабогумусированном прослое суглинки, причем верхние находки, судя по всему, были потревожены землероями, и их позиция зафиксирована не *in situ*. Находки, концентрировавшиеся преимущественно в центре шурфа, были представлены кремневыми отщепами и двумя костями: неопределимым осколком крупной трубчатой кости и обломанным ребром мамонта. На глубине 2,74-3,22 м в верхах слоистого гумусированного суглинки были зафиксированы остатки еще одного культурного слоя. Они были представлены исключительно костями лошади, залежавшими тремя небольшими линзами в линию. Среди костей отметим несколько длинных костей конечностей, метаподий, мелкие кости стопы, позвонок, 2 копыта, 2 лопатки и обломки нижней челюсти с зубами. Из каменных артефактов был встречен 1 обожженный отщеп. Шурф №2 был также законсервирован.

В Шурфе №3 (рис.1) была прослежена наиболее полная стратиграфическая колонка, которая может считаться опорной для всего памятника. Стратиграфия (ЮВ стенка):

1. 0,0-0,86 м – чернозем;
2. 0,86-1,97 м – суглинок буро-коричневый, светлый, однородный, с редкой меловой щебенкой;
3. 1,97-2,76 м – суглинок пепельно-серый слоистый, неоднородный, по нижнему контакту мергелистый, с линзами и прослоями черного гумуса;
4. 2,76-2,98 м – суглинок светло-серовато-коричневый, однородный, мергелистый, с линзовидной прослойкой желтовато-охристого вулканического пепла мощностью 1-4 см;
5. 2,98-3,91 м – суглинок слоистый, коричневатого-серый, неоднородный, местами рыжеватый, с линзами и прослоями угольно-черного гумуса;
6. 3,91 – 4,15 м – суглинок серо-коричневатый, однородный, мергелистый;
7. 4,15 – 5,70 м и ниже – суглинок светло-коричневый, неоднородный, с включением многочисленной меловой щебенки.

Верхний культурный слой в шурфе №3 залегал на глубине 1,47-1,97 м в слое 2 и представлял собой единичные находки расщепленных кремней и обломок позвонка мамонта. Уровень залегания нижележащего культурного слоя был вскрыт на площади 1,5 кв.м. От него сохранился обломок трубчатой кости, зафиксированный на глубине 2,10 м в верхах слоя 3. Кроме того, в слое 4, также вскрытом лишь на столь же ограниченной площади, на глубине 2,90 м, непосредственно под прослойкой вулканического пепла, была встречена кость мамонта, не сопровождавшаяся другими находками. Не исключено, что кость соответствует еще одному горизонту залегания культурных остатков.

Шурф №4 был вскрыт на глубину 0,85-1,04 м до уровня залегания верхнего культурного слоя в покровном суглинке, непосредственно на контакте с черноземом. Находки были представлены бессистемным скоплением крупных костей мамонта в СЗ части шурфа. Среди последних упомянем раздробленную большую берцовую и две целые локтевые кости, лучевую, множество обломков ребер и нижнюю челюсть. Кремневые артефакты преимущественно найдены в черноземе, лишь один отщеп зафиксирован между костей в суглинке. Кроме того, в восточном углу шурфа в верхах слоя 3 на глубине 1,57 м был найден кварцитовый отщеп и расчищен фрагмент выступавшей из суглинка кости. Судя по всему, на этом уровне залегает второй культурный слой, который был оставлен непо потревоженным, а шурф законсервирован.

Находки в шурфе №5, сходному по строению с шурфом №3, были представлены в низах чернозема кремневыми отщепами, перемещенными снизу землероями, а также кремневым остроконечником, найденным в верхах покровного суглинка на глубине 1,01 м, непосредственно под черноземом. Привязка последнего к находкам в других шурфах пока проблематична. Фаунистических остатков в шурфе обнаружено не было.

Вскрытые шурфами участки памятника обладают рядом общих черт. Буро-коричневый покровный суглинок, в верхней части которого залегают остатки верхнего культурного слоя, достаточно диагностичен во всех шурфах. Отдельную проблему составляет корреляция этих находок на повышенном ЮЗ и пониженном СЗ участке мыса. На последнем, в шурфе №4, культурный слой залегают непосредственно на контакте с черноземом и имеет абсолютную среднюю высотную отметку 117,35 м над уровнем моря. На повышенном участке, в шурфе №1, он имеет усредненную абсолютную высоту 117,80 м над уровнем моря, свидетельствующей о том, что в древности склон был относительно пологий, тогда как перепад высот современной поверхности обоих участков составляет около 3 м. При этом, на повышенном участке стоянки, в шурфах №1 и №2 культурные остатки верхнего культурного слоя прослежены в непосредственной связи с прослоем слабогумусированного суглинка, возможно являющимся горизонтом почвообразования, тогда как на пониженном участке в шурфах №4 и №3 этот суглинок не зафиксирован, также как и в шурфе №5, где единственная находка (остроконечник) имеет к тому же слишком высокую (125,24 м) абсолютную отметку.

Зафиксированные на стоянке в шурфах №3 и №5 стратиграфические разрезы, представляют наиболее полную в Борщевском логу колонку, имеющуюся на сегодняшний день. Структура разреза позволяет легко диагностировать здесь стратотипические отложения, являющиеся реперными для всего Костенковско-Борщевском района в целом. Наиболее четко они прослежены в 3-м шурфе, где верхняя пачка слоистого гумусированного суглинка подстилается суглинком, содержащим прослойку вулканического пепла, под которым залегают нижняя гумусированная толща. Классическая костенковская последовательность этих отложений позволяет достаточно уверенно верхний культурный слой памятника считать геологически одновременным находкам костенковско-авдеевской культуры Костенок 1 и 14 (23-21 тыс л.н). Второй культурный слой Борщево 5, залегающий в верхней части верхней гумусовой толщи, следует синхронизировать с

находками городцовой культуры на стоянках Костенки 12 и Костенки 14 и отнести ко времени порядка 30 тыс.л.н. Кость мамонта в шурфе №3 под вулканическим пеплом, которая возможно фиксирует нижележащий уровень обитания, таким образом, относится ко времени более 37 тыс.л.н.

Таким образом, в результате работ 2002 г на Борщево 5 были впервые получены данные, подтверждающие единство процессов осадконакопления в Костенках и Борщево, а также доказана геологическая одновременность уровней обитания первобытного человека на обоих участках долины Дона.

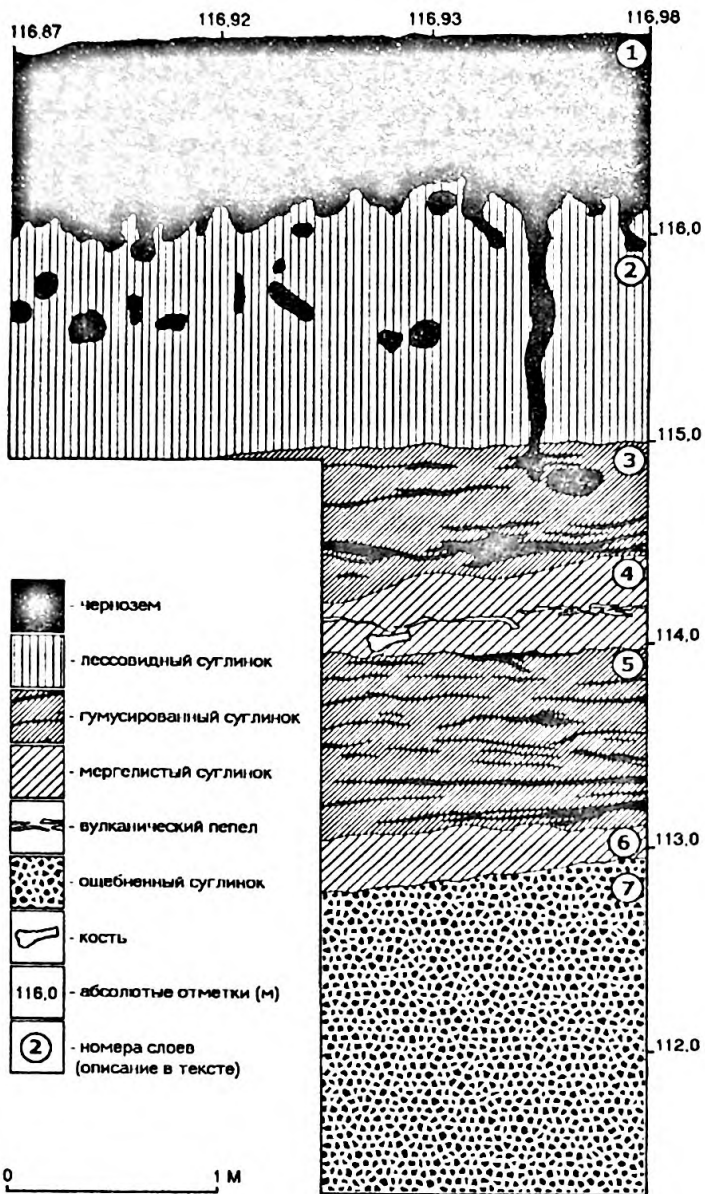

Рис. 1. Стратиграфия Боршево 5. Шурф №3, ЮВ стенка, 2002 г.

ВОСТОЧНОГРАВЕТТСКИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛАХ ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПООЧЬЯ

В палеолитоведческих разработках обычным является разделение каменных индустрий на так называемые отщеповые и пластинчатые. Однако не менее важной представляется дифференциация самих пластинчатых комплексов на узкопластинчатые и крупнопластинчатые. Заготовка (в том числе вариации пластинчатых) – это, прежде всего, средоточие традиционной техники первичного раскалывания (характер нуклеуса, использование посредника или его отсутствие, наличие или отсутствие специфического набора приемов скалывания, наличие или отсутствие ядрищ на заготовках и т.п.). Во-вторых, она является регулятором способов вторичной обработки (преимущественное использование бифасиальной или краевой ретуши, представительность приема поперечного и продольного ретушного усечения (тронкирования) и различных приемов подработки концов, интенсивность использования приема резцового скола, частота использования крутой ретуши и т.п.). И в третьих, стандарт заготовки определяет не только особенности последовательных этапов обработки камня, но и саму морфологию законченных орудий.

Исходя из отмеченного, можно ставить вопрос о том, насколько технологические характеристики индустрий могут быть показателем культурной специфики тех или иных групп памятников? Здесь нужно принять во внимание проверенное на многочисленных конкретных материалах заключение специалистов по первобытной технологии на этот счет. Вывод этих исследований состоит в том, что изучение не только общей технологии, но даже одной лишь техники получения пластинчатых заготовок может дать признаки, определяющие культурную специфику индустрии. Это с убедительностью было продемонстрировано специалистами по первобытной технологии, в частности, на примере изучения коллекций Зарайска, Костенок и Авдеева. Совокупность таких признаков, как редукция и абразивная обработка кромки ударной площадки нуклеуса, выделение точки удара для получения каждой отдельной заготовки, ретушная подготовка ребра пластины на нуклеусе еще до ее снятия в дополнении с некоторыми другими показателями, относящимися к способу оформления и переоформления самого нуклеуса в ходе его утилизации, признаны в

качестве определяющих характеристик Костенковско-Авдеевской культуры.

Е.Гиря и Б.Бредли с удивлением отмечают исчезновение на Русской равнине костенковской технологии получения пластин со времени, примерно, 18 тыс.л.н., тогда как в Западной Европе элементы подобной технологии продолжают свое бытование и гораздо позже в качестве компонента мадлена. Однако ряд относительно новых материалов из района Среднего Поочья, позволяют заключить, что данный вывод отражает скорее недостаточную полноту наших знаний, чем реальную картину. В этом убеждают материалы, прежде всего, таких приокских памятников, как Зарайск, Трегубово, Колтово 7.

Данные по различным видам стратиграфии (археологическая, литологическая, криостратиграфия, биостратиграфия) и радиоуглеродным датировкам Зарайской стоянки сделать заключение о длинной хронологии костенковско-виллендорфского культурного единства на Русской равнине, а конкретно – в Среднем Поочье. Временная разнесенность этапов накопления культурных остатков стоянки укладывается здесь в промежутке от 23-22 до 17 тыс.л.н.

Хорошо опознаваемые, прежде всего с технологической стороны, проявления специфических черт общекостенковской технологии обработки камня можно наблюдать и в материалах такого памятника, как Трегубово, расположенного в 8 км от Зарайской стоянки и являющегося мастерской по изготовлению пластин. Основываясь на стратиграфических наблюдениях заключение исследователя этого памятника А.В.Трусова о более поздней по сравнению с Зарайском хронологической позиции Трегубово представляется обоснованным.

Еще более поздние данные этого же рода предоставляет стоянка Колтово 7, открытая и исследованная еще десять лет назад В.В.Сидоровым при участии А.В.Трусова. Мало раскопанный и пока почти не опубликованный этот памятник имеет большое значение с точки зрения рассматриваемого вопроса. Он расположен также на Средней Оке в целом сходных с Зарайском и Трегубово геологических условиях и имеет аналогичную сырьевую базу. Геоморфологически памятник связан или с плащом покровных отложений высокой речной террасы, или, с участком перегиба плато к долине реки Медведки, впадающей в реку Мутенка (правый приток Оки). Палеолитический материал приурочен к слою пылеватого палевого лессовидного суглинка, залегающего непосредственно под голоценовой почвой. Почвенный слой включает в себя материалы дьяковской культуры и древнерусского периода. На участках перекопов встречаются и кремневые изделия, перемещенные сюда из нижележащего слоя.

Наиболее интересной находкой этого рода является обломок бивня, обнаруженный работами В.В.Сидорова в заполнении сооружения древнерусского времени.

В этом же районе справа по течению р. Медведка и 1,5 м от стоянки Колтово расположена и раннемезолитическая стоянка Умрышенки 3. Исследования В.В.Сидорова, А.В.Энговатовой и А.В.Трусова позволяют предполагать, что здесь расположена группа мезолитических памятников. Общие описания памятников, подробная характеристика культурных отложений и детальный анализ коллекций, вероятно, будут сделаны авторами раскопок в недалеком будущем. Мы же ограничимся указанием на некоторые особенности инвентаря стоянки Колтово 7 и отчасти Умрышенок 3, имеющих отношение к рассматриваемой теме.

С технологической точки зрения, рассматриваемые материалы характеризует сохранение в них общекостенковской (применительно к Поочью – зарайской) технологии первичного раскалывания, подчиненной получению, главным образом, крупной пластины. Пластины шириной, в среднем, 3 см и длиной до 10 и более сантиметров являются здесь обычной заготовкой. Микропластинки при этом единичны. Получение заготовок достигается применением таких технологических приемов, как редукция и абразивная обработка кромки ударной площадки нуклеуса, выделение точки удара для каждого шластинчатого снятия и, что особенно показательно – ретушной подправкой на нуклеусе ребра будущей пластины.

Рассмотренная выше специфика технологии стоянки Колтово 7 представляет собой интерес особенно с той точки зрения, что она находит продолжение в одной (и только лишь в одной!) культурной общности Волго-Окского мезолита, называемой иеневской археологической культурой и преимущественно в материалах тех памятников данной культуры, которые относятся к ранней стадии мезолита. Технология первичного раскалывания здесь подчинена получению крупной, широкой пластины. Доля самих пластин в коллекции может быть и небольшой, но именно они, как основная заготовка для производства наконечников, являются главной целью первичного раскалывания. Параметры пластин здесь не отличаются от заготовок такого рода, о которых говорилось в связи с восточнограветтской технологической традицией. Если говорить о материалах памятников, которые хорошо известны автору, то пластины шириной 3-4 и даже 5 сантиметров и длиной до 10 см и более характерны, например, для Умрышенок 3 и Ладыжино 3. Здесь же мы обнаруживаем и применение таких приемов, как абразивная обработка

кромки ударной площадки, выделение и подготовка точки удара для получения каждого отдельного скола. Особенно показательное использование приема ретушной подготовки ребра пластины на нуклеусе, отмечаемое в Умрышенках 3 и в Беливо бв.

Крупная, широкая пластина откладывает неповторимый отпечаток на всю индустрию иеневского типа. Даже такие, казалось бы, обычные и малопоказательные для культурных идентификаций изделия, как концевые скребки, благодаря исходной заготовке, приобретают здесь столь выраженную специфику, что их невозможно перепутать с аналогичными орудиями бутовской или рессетинской культур. Эта же заготовка предопределяет и типобразующие признаки наиболее показательной для данной индустрии категории изделий – иеневских наконечников.

Все отмеченное выше позволяет сделать заключение о том, что в Среднем Поочье наблюдается преемственность восточнограветтской технологической традиции от Зарайска, через Трегубово и Колтово 7 к раннемезолитическим материалам Умрышенок 3 и других синхронных с ними раннемезолитических иеневских памятников. Такой взгляд на материалы дает основания считать восточнограветтскую традицию Поочья палеолитической подосновой иеневской индустрии и сделать заключение о том, что в становлении последней роль местных, автохтонных элементов культуры была определяющей.

Восточнограветтская технологическая традиция не является единственной для палеолита Поочья в период после максимума Валдайского оледенения. Резким контрастом ее выступает узкопластинчатая традиция, представляемая такими памятниками, как Карачарово, Щатрищенские стоянки и Заозерье 1. Само наличие этой параллельной линии технологического развития и то, что мы не находим ни малейшего ее отпечатка на особенностях иеневской индустрии служит, на наш взгляд, еще одним подтверждением правомерности предлагаемого подхода к рассмотрению затронутой темы.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ВЫПРЯМЛЕНИЯ СТЕРЖНЕЙ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА

Наряду с изучением древних технологий обработки камня, особенности технологии обработки бивня мамонта носителями различных культурных традиций каменного века являются предметом все возрастающего внимания представителей отечественного палеолитоведения. В первую очередь это касается проблем изучения эпох верхнего палеолита и эпипалеолита. Не все способы обработки этого материала в древности ясны современным исследователям.

На базе Жоховской экспедиции (руководитель – В.В.Питулько), в рамках российско-американского проекта «Жохов-2000», в течение полевых сезонов 2001 и 2002 годов был проведен ряд экспериментов по обработке дерева, камня, рога, кости и бивня мамонта. Все эксперименты велись в условиях арктической пустыни, при температуре $+3-2\text{ }^{\circ}\text{C}$, влажности – 80-100%. Основной целью этих работ являлось создание коллекции эталонных орудий, необходимых для трасологического анализа артефактов, происходящих со стоянки на острове Жохова. Наряду с этим, в ходе полевого сезона 2002 года была произведена успешная попытка изготовления длинных прямых стержней из извлеченных из мерзлоты бивней мамонта (то есть – создания реплик артефактов, обнаруженных в двойном погребении подростков О.Н.Бадером на стоянке Сунгирь).

Два стержня длиной 2.3 м были вырезаны из тела бивня, размочены в воде и выпрямлены. Несмотря на то, что программа экспериментов еще не завершена, отдельные выводы и наблюдения могут быть изложены уже сейчас.

Разметка будущего стержня велась в соответствии с продольной центральной линией, таким образом, чтобы планируемое изделие повторяло спиралевидный изгиб самого бивня. Одним из весьма важных моментов следует признать способ отчленения стержня от тела бивня. Необходимо либо расщепить бивень пополам вдоль, либо сформировать на его поверхности два параллельных паза. Если изготовленные пазы не смыкаются в глубине, то есть, если стержень не вырезается, отчленить его от тела бивня весьма сложно. В процессе вырывания или отжимания путем двустороннего или же одностороннего расклинивания очень высока вероятность возникновения трещин внутри бивня, идущих в первую очередь вдоль конусов роста.

Готовые стержни толщиной в 5 см вымачивались в естественных теокарстовых котловинах в талой воде в течение суток. Последовательное выпрямление размоченного изделия велось очень постепенно. Чем более плавно происходит эта операция, тем меньше риск слома. После каждого акта выравнивания изделие вновь погружалось в воду. Выпрямленный в размоченном состоянии стержень после высыхания сохраняет свою форму.

В целом, можно констатировать, что свойства бивня, как материала обработки, в первую очередь зависят от степени его увлажненности. Не вызывает сомнения, что для успешного выпрямления и/или изгибания, равно как для резания, скобления и строгания предпочтителен размоченный бивень.

Следует отметить разницу в свойствах стержней, вырезанных с поверхности большой (внешней) дуги бивня, и малой (внутренней). При выпрямлении стержней большой дуги, внутренний материал бивня испытывает нагрузку «на разрыв». При выпрямлении стержней, снятых с малой (внутренней) дуги, наоборот, — эта часть материала испытывает нагрузку «на сжатие». В последнем случае возникновение трещин вдоль конусов роста менее вероятно.

Таким образом, есть основания констатировать, что производство копий сунгирского типа из бивней мамонта возможно путем простого выпрямления размоченных в воде стержней. Технологические особенности процессов изготовления выпрямленных и/или изогнутых пластин и стержней из слоновой кости, вероятнее всего, должны проявляться в способах их отделения от основного тела бивня.

Программа дальнейших экспериментов, связанных с обработкой бивневого сырья, предполагает выяснение способов производства продольных и поперечных сколов, а также выяснение особенностей рубки и долбления этого материала.

ЛИТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ВОСТОЧНО- ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

Главная цель палеогеографического изучения условий обитания и расселения древнего человека заключается в определении взаимосвязей природных событий различного ранга с этапами становления человеческого общества. Большой интерес здесь представляет период наиболее активного расселения позднепалеолитических сообществ на равнинах Восточной Европы в последнюю ледниковую эпоху плейстоцена.

Основная сложность изучения стратиграфии отложений, включающих культурные слои и уровни распространения артефактов, заключается в том, их формирование связано с особыми условиями валдайской ледниковой эпохи. Субаральные отложения этого времени на равнинных пространствах Восточной Европы отличаются, с одной стороны – значительным региональным разнообразием, а с другой – формированием достаточно близких по свойствам комплексов осадочных отложений. Преобладающими среди них являются лессовые формации, представленные большим разнообразием генетических типов пород, от типичных лессов до покровных суглинков. Их происхождение, в значительной степени, определялось эоловыми процессами при различной доле участия склоновых, криогенных, водных и других факторов.

Парадокс, проявляющийся в сочетании общности состава и свойств отложений перигляциальной зоны Восточной Европы с региональным и фациальным разнообразием этих образований, связан с особенностями самой ледниковой эпохи. Широкое распространение многолетней мерзлоты, проявившееся в формировании полигонально-жильных систем различной мощности, солифлюкционные и делювиальные процессы в сочетании с накоплением лессовых отложений и других генетических типов пород, а также эволюция широких речных долин и многое другое, определяли пестроту ландшафтов. Поэтому на общем фоне единообразия открытых пространств перигляциальной лесостепи проявлялись локальные особенности отдельных территорий.

В результате этого можно представить, что на протяжении всей эпохи позднего палеолита на Восточно-Европейской равнине

существовали территории более или менее благоприятные для миграций и обитания первобытных охотников. С другой стороны, судя по палеогеографическим данным, природные условия валдайской ледниковой эпохи неоднократно менялись. Хотя климатические изменения были незначительны, но они нашли свое отражение в строении рыхлых отложений этого времени.

Наиболее крупными эти ландшафтно-климатические изменения были во время интерстадиала среднего валдая. В центральных и южных районах равнины брянский интерстадиал проявился в формировании своеобразной почвы, которая, по мнению А.А.Величко и Т.Д.Морозовой, отражает достаточно холодные условия, мало отличающиеся от условий максимума оледенения. Тем не менее они существенно отличались от природной обстановки даже начала позднего валдая, когда на значительных пространствах началось интенсивное лессонакопление и повсеместно изменился характер седиментационных процессов.

Брянская ископаемая почва представлена в разрезах нескольких стоянок позднего палеолита, расположенных в различных регионах Восточно-Европейской равнины. Радиоуглеродный возраст культурных слоев этих стоянок различен. Стоянки Пушкари и Погон имеют возраст от 20 до 22 тыс. лет назад, стоянка Хотылево II – 24 тыс. лет назад, стоянка Сунгирь – 27-28 тыс. лет назад и стоянка Заозерье – 31 тыс. лет назад. Во всех случаях культурные слои залегают над брянской почвой (Пушкари, Погон и Хотылево II, либо непосредственно на ней (Сунгирь, Гарчи). Таким образом, можно считать, что время формирования почвенного профиля, соответствующего брянскому интерстадиалу, охватывает значительно больший интервал, чем тот, который был определен при радиоуглеродном датировании гумуса этих почв из разрезов центральных и южных регионов Восточно-Европейской равнины (31-24 тыс. лет назад).

Можно предполагать, что формирование профиля брянской почвы в северных районах заканчивалось раньше, чем в более южных. При этом, образование поселений в каждом случае связано именно с финалом почвообразования, т.е. с началом похолодания и накоплением лессовых и лессовидных отложений. Очевидно, что даже незначительные потепления в ледниковую эпоху приводили к дестабилизации дневной поверхности и сменам режима седиментации. Как мы видим на материалах изучения разрезов конкретных стоянок и окружающих их территорий, рельефообразующие и седиментационные процессы здесь были весьма разнообразны и неоднородны. Поэтому, одним из главных критериев выбора путей миграций и участков

долговременных местообитаний была достаточная стабильность поверхности.

Стабильность поверхности, в условиях ледниковой эпохи, перигляциальных ландшафтов и многолетней мерзлоты, определялась незначительностью ландшафтно-климатических колебаний. Именно поэтому более суровые природные условия оледенения были более благоприятны для человека, чем даже незначительные потепления интерстадиалов. Смягчение климатических условий неизбежно должно было сказаться на увеличении мощности сезонно-талого слоя, нарастании активности делювиальных процессов и дестабилизации дневной поверхности.

В пользу того, что для человека более важным было наличие стабильности и устойчивости поверхности обитания, чем более мягкий климат, говорит и то, что активизация позднепалеолитического заселения равнинных территорий Восточной Европы началась после 22 тыс. лет назад и продолжалась до конца ледниковой эпохи (14-12 тыс. лет назад). Даже в максимум поздневалдайского похолодания (20-18 тыс. лет назад) первобытные сообщества обитали не только в центральных, но и в северных регионах (стоянки: Кирилловская, Авдеево, Быки, Зарайск, Елисеевичи, Талицкого, Медвежья и др.).

В стратиграфии разрезов большинства стоянок прослеживается сочетание культурных слоев с горизонтами слабо выраженного почвообразования. Судя по радиоуглеродным датировкам костей и костного угля из культурных слоев, подстилающие их слои эфемерного почвообразования, имеют различный возраст и соответствуют не периодам относительных потеплений, а именно времени относительной стабилизации дневной поверхности. Такие условия были наиболее благоприятны для обитания человека и образования здесь поселений. Уровни гумусированности отмечаются в основании культурных слоев стоянок разного возраста (Хотылево II, Елисеевичи, Юдиново, Межирич и др.).

В то же время, на ранних стоянках позднего палеолита, в разрезах которых присутствует горизонт брянской ископаемой почвы, отмечается наличие еще одной слабо выраженной ископаемой почвы. Эти почвы были прослежены в разрезах стоянок: Заозерье, Сунгирь, Хотылево II, Пушкари I, Погон и Зарайск. На стоянке Зарайск для этой почвы по гумусу получена радиоуглеродная датировка – $17\ 900 \pm 200$. В основании почвы залегают отдельные находки костей мамонта и кремня. В разрезе стоянки Сунгирь на эту почву, залегающую значительно выше культурного слоя и подстилающей ее брянской почвы, замыкаются крупные клиновидные мерзлотные структуры, что

было выявлено еще О.Н.Бадером. В толще лессовидных суглинков, перекрывающих культурный слой стоянки Заозерье, горизонт верхней ископаемой почвы так же слабо выражен, но хорошо прослеживается по простиранию. Строение самого разреза стоянки сходно с разрезом Сунгря.

Остается недостаточно ясной стратиграфическая ситуация стоянок Пушкири I и Погон. Несмотря на близость радиоуглеродных датировок, полученных Л.Д.Сулержитским, культурные слои этих памятников и их положение в разрезах значительно различаются. На стоянке Пушкири I культурный слой залегает над верхней ископаемой почвой, ниже которой присутствует хорошо выраженная брянская почва и мезинский почвенный комплекс. Перекрывающая толща представлена либо песчаными отложениями, либо маломощными лессовидными супесями. Культурный слой стоянки Погон прослеживается над брянской почвой, а верхний почвенный горизонт расположен выше уровня находок и перекрывается четырех метровой толщей лессов, в средней части которой выделяется еще один маломощный горизонт оглеения и гумусированности. Аналогичный горизонт прослеживается и в перекрывающей толще стоянки Хотылево II, разрез которой имеет много общего со стоянкой Погон.

Для большинства стоянок характерно более сложное строение отложений вмещающей толщи. Хорошо выраженные стратиграфические горизонты здесь, как правило, отсутствуют. Наиболее сложную позицию занимают культурные слои стоянок Авдеево и Быки. Перекрывающие отложения имеют здесь незначительную мощность (около 1,0 м) и представлены лессовидными супесями. Расположены они на аллювиальных террасах р.Сейм, в результате чего вся толща отложений, вмещающих культурные слои, в значительной степени опесчанена и отличается по составу и структуре от синхронных им формаций прилегающих территорий. Тем не менее, в формировании этих отложений ведущую роль играли эоловые и, возможно, делювиальные процессы, а не аллювиальные.

На стоянке Авдеево культурный слой непосредственно связан с системой разновременных клиновидных мерзлотных деформаций, образующих несколько уровней. Здесь выделяется ранний криогенный горизонт, который сформировался еще до заселения участка первобытными охотниками и более поздний, формирование которого деформировало уже частично погребенный культурный слой. Особенности залегания культурных находок на участке раскопок последних лет и строение вмещающих отложений дают возможность предполагать наличие здесь по крайней мере двух уровней культурных

слоев, соответствующих разным этапам обитания. Несмотря на сближенность разновременных отложений, определенную слабой активностью седиментационных процессов, микростратиграфические характеристики разреза стоянки достаточно выразительны.

Наиболее близкие характеристики строения вмещающей толщи были выявлены Х.А.Амирхановым на стоянке Зарайск. Здесь так же имеются признаки нескольких генераций криогенеза, непосредственно связанных с циклами обитания первобытных сообществ. Но участок расположения этого памятника отличается более сложной структурой из-за привязанности к древнему эрозионному рельефу водораздельной поверхности.

Еще большей сложностью отличается структура культурных слоев и вмещающих отложений группы стоянок Быки. Они расположены непосредственно на песчаных отложениях аллювия второй надпойменной террасы Сейма. Заселение этого участка происходило после того, как он вышел из сферы влияния флювиальных процессов и на нем началось накопление золотых супесей. Характер этих отложений и самого культурного слоя говорят о том, что в период заселения этой поверхности она уже не подвергалась воздействию речных потоков.

После 15 тыс. лет назад заселенность Восточно-Европейской равнины еще более возрастает. Особенно широко расселяется первобытный человек на территории бассейнов Десны и Среднего Днепра. Здесь располагаются многочисленные памятники, характерной чертой которых является наличие в их культурных слоях остатков сложных сооружений из костей мамонта. Наиболее характерными из стоянок являются: Межирич (14300±300; 14400±250), Гонцы (13400±180, 14600±200), Добраничевка (12700±200), Юдиново (14500±200, 14650±105), Тимоновка II (15110±530) и др.

Северо-Восточные территории в это время стали малопригодными для обитания человека. Только в верховьях Печоры отмечаются отдельные следы его присутствия в самом начале последнего этапа позднелептостенолитического расселения. Значительные этапы позднего палеолита на Восточно-Европейской равнине восстанавливаются очень плохо, т.к. памятники этой поры нам почти не известны. После 13 тыс. л.н. ландшафтно-климатическая ситуация на Восточно-Европейской равнине стала меняться коренным образом: происходило облесение открытых пространств, исчезали их обитатели – крупные травоядные животные верхнелептостенолитического фаунистического комплекса. К этому же времени, вероятно, относится и изменение в распределении населения.

Наиболее неблагоприятными для обитания на всем протяжении позднего палеолита были территории Северо-Запада Восточно-Европейской равнины. Помимо территорий, покрытых ледником, значительные пространства были заняты приледниковыми водоемами, и широкими долинами стока талых ледниковых вод. Многократные стадии и фазы развития оледенения определяли нестабильность достаточно широкой приледниковой зоны на всем протяжении поздневалдайской ледниковой эпохи.

Е.А. Спиридонова

ПАЛИНОЛОГИЯ И СТРАТИГРАФИЯ КОСТЕНОК 14 В КОНТЕКСТЕ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА

Стратиграфия исследуемого в 1998-2002 гг. восточного участка Маркиной горы имеет ряд существенных отличий по сравнению с разрезами ранее исследованных участков памятника. В наиболее значительной степени это касается верхних и нижних его разделов.

Полученная пыльцевая диаграмма позволила установить более полную, сложную и детальную картину климатических изменений валдайского оледенения, чем это было сделано на основе исследований 70-80 гг.

Значение новых данных возрастает при их рассмотрении в контексте наиболее детальных и полных разрезов Костенковско-Борщевского района, имеющих серии радиуглеродных датировок и заключений по результатам палеомагнитного анализа.

Настоящая работа представляет результаты корреляции имеющихся данных по разрезам Костенок 14 (1982), Костенок 1 (1989) и Костенок 17 (1982) с новыми данными по разрезу Маркиной горы. Поскольку памятник находится в стадии исследования, и каждый полевой сезон вносит существенные коррективы в понимание разреза, эти заключения рассматриваются как предварительные.

Корреляционная таблица (табл. 1) наглядно иллюстрирует степень полноты изученных разрезов. Отчетливо представлены палинологические зоны, начиная с межстадиала раннего валдая, два похолодания максимумов оледенения, а также межстадиальные потепления среднего и позднего валдая.

Таблица дает возможность проследить прерывистый характер формирования геологических отложений на разных хронологических отрезках валдайского оледенения, и свидетельствует о частичной, не полной, повторяемости выделенных палинологических зон даже в пределах одного памятника на разрезах, изученных в разные годы. Скорее всего, это определяется длительностью временного диапазона, подтверждающегося серией радиоуглеродных дат, имеющихся, в настоящее время, практически по каждому культурному слою. Из-за их большого количества, на таблице приводятся только те даты, которые в большей степени соответствуют той палинологической зоне, которая оказалась представлена в самом разрезе.

Две специфические особенности изучаемого разреза Маркиной горы имеют особое значение. Во-первых, получение палинологической характеристики гмелинской почвы, ранее известной только на Костенках 21, в разрезе пониженной террасы Дона, на которой нижняя часть костенковской колонки с гумусом и вулканическим пеплом не представлена. На разрезе Костенок 14 оглееный слабо гумусированный горизонт, включающий находки I культурного слоя, по цвету и механическому составу, сопоставляемый с этой почвой, достоверно фиксируется по всем стенкам раскопа. Это факт позволяет считать ее общим стратиграфическим типом отложений для всего Костенковско-Борщевского района.

Во-вторых, новый палинологический материал, с привлечением данных по ранее изученным памятникам и, в первую очередь, по Костенкам 14 (1982), позволил более определенно говорить о разновозрастности культурных слоев IVa и IVб, рассматривавшихся А.Н.Рогачевым как два горизонта одного слоя, по разрезу 1953 г., протяженностью всего 0,5 м и расположенного значительно выше по склону. Современные исследования показали, что эти два слоя формировались в различных климатических условиях среднего валдая.

В связи с этой трактовкой встает вопрос о возрасте и условиях формирования более древних отложений с культурными и фаунистическими остатками («горизонт очагов» по А.А.Синицыну; на таблице обозначен как «го»), содержащих слабо разложившийся органический материал с линзами кирпично-красного обожженного суглинка. На основе его стратиграфической позиции, ниже погребенной почвы, в отложениях которой зафиксирован магнитный экскурс, сопоставляемый с Лашамп-Каргополово (40-42 тыс.лет), и, принимая во внимание, полученную для обожженного суглинка IRSL-дату 44.9 ± 3.8 тыс.лет, палинологические характеристики этого слоя отражают этап перехода от максимума нижневалдайского оледенения к первому

потеплению среднего валдая. Этот отрезок времени позднего плейстоцена на памятнике, и, в Костенках в целом, изучен впервые.

Корреляционная таблица достаточно наглядно отражает степень полноты палинологических характеристик геологических отложений последнего оледенения, а также фиксирует не только сложность геологического строения, но и перерывы, и возможные этапы переотложения осадочного материала.

Работа выполнена в рамках проекта NSF, BCS-0132553.

к/сл	C-14	высоте	№	Состав	Палеоклиматические фазы оледенений	Стратиграфические горизонты
			34	мрзвые, полыни при очень низкой роли древесных пород	стадиал	Поздний валад
			33	сосна, ель при высокой роли полыней, разнотравья	межстадиал	
			32	мрзвые, полыни при очень низкой роли древесных пород	стадиал	
			31	сосна, ель при высокой роли мрзвых, разнотравья	межстадиал	
			+ 30	полыни, злаки и разнотравье с незначительным участием березы и сосны	стадиал	
			+ 29	злаки, разнотравье при незначительном участии сосны и березы	стадиал максимума оледенения	
			+ 28	разнотравье, злаки при незначительном участии сосны, березы, ели	межстадиал	
			+ 27	злаки, сосны, разнотравье при незначительном участии сосны и березы	стадиал максимума оледенения	
I	22500 ± 1000 22780 ± 250		+ 26	береза, сосна, широколиственные породы	похолодание	
			25	сосна	II optimum межстадиала	
			+ 24	ель, с участием сосны, березы при высокой роли трав		
			23	ель		
			22	ель при спорадическом участии широколиственных пород		
			21	сосна, ель		
			20	сосна		
			19	сосна с березой при высокой роли травянистых растений	похолодание	
			18	ель при участии сосны	I optimum межстадиала	
			17	ель при спорадическом участии широколиственных пород		
			16	ель с участием сосны при высокой роли трав		
II	28380 ± 220 29240 ± 330/320		+ 15	ель с участием березы при высокой роли трав	похолодание	
III	30080 ± 590/550 31760 ± 430/410		+ 14	сосна, береза с преобладанием пыльным травянистых растений		
Уровень залегания вулканического пепла (38 кл.) Культурный слой в вулканическом пепле 32 420 ± 440/420						
			+ 13	ель, сосна с преобладанием пылым травянистых растений	optimum межстадиала	Средний (сезонский) межстадиал
IVa	33200 ± 510/480 33280 ± 650/600		+ 12	ель, сосна при значительном участии трав		
			11	ель при высоком участии трав		
			10	ель, единично широколиственные породы		
			9	ель, сосна при высоком участии трав	похолодание	
к/сл	34550 ± 610/550 Лашамп(42ка)		+ 8	сосна при высоком участии трав		
			+ 7	ель с незначительным участием сосны, березы, единично дуба	optimum межстадиала	Ранний (трамандский) межстадиал
IVb, г/о	36320 ± 270/260 37240 ± 430/400 44,9 ± 3,8ка		+ 6	береза с участием ели и незначительным участием сосны при высокой роли трав		
			5	разнотравье, полыни	стадиал максимума оледенения	
			+ 4	ель с участием сосны, значительной ролью травянистых и кустарниковых растений	межстадиал	Ранний валад
			+ 3	ель с некоторым участием сосны		
			+ 2	сосна с участием ели и березы		
			+ 1	ель с участием сосны при господстве травянистых и кустарниковых растений		

Таблица 1. Реконструируемые по разрезу Костенок 14 (1998-2002) колебания климата в контексте обобщенной климато-стратиграфической шкалы Костенковско-Борщевского района: «№»-обобщенная последовательность изменчивости климата по разрезам Костенковских стоянок; «+»-наличие подраздела шкалы в разрезе Костенок 14.

СТОЯНКА ЗАОЗЕРЬЕ – ПАМЯТНИК РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

(предварительные результаты исследований 2001 года)

Проблема возникновения культуры верхнего палеолита в Европе, ее начальных этапов всегда находилась в центре научных интересов А.Н.Рогачева

Непосредственное отношение к исследованиям этой важнейшей проблемы современного палеолитоведения имеют материалы, полученные в последние годы на северо-востоке Русской равнины и на западном склоне Среднего Урала, где найдены одни из древнейших надежно датированных памятников верхнего палеолита Восточной Европы – стоянки Мамонтова Курья (*Pavlov et al., 2001*) и Заозерье (*Guslitsier & Pavlov, 1993; Павлов, Индрелид, 1999; Pavlov & Indrelid, 2000*).

В докладе изложены предварительные результаты полевых исследований стоянки Заозерье, проведенные авторами в 2001 году.

Памятник находится на левом берегу р.Чусовой (в настоящее время Чусовского плеса Камского водохранилища) в пределах холмисто-увалистой полосы западного склона Среднего Урала на $58^{\circ}15'$ с.ш. и $56^{\circ}59'$ в.д. (рис.1). Стоянка расположена в 1,5 км восточнее д. Заозерье Чусовского района Пермской обл. на мысе III (?) террасы р.Чусовой в 100 м восточнее его окончания. Высота террасы в настоящее время составляет 15 – 18 м (до заполнения водохранилища 27-30 м).

Культурный слой стоянки залегает в толще покровных лессовидных суглинков, мощностью до 3,5 м, плащеобразно залегающих на поверхности III надпойменной террасы р. Чусовой и приурочен к верхней части горизонта ископаемой почвы, имеющей морфотипические признаки, характерные для брянской почвы, распространенной в более южных районах Восточно-Европейской равнины. Ниже этой почвы прослеживаются деформированные остатки мезинского почвенного комплекса, сохранившиеся фрагментарно. Основание террасы сложено песчано-гравийными отложениями, которые, скорее всего, формировались в эпоху максимального среднеплейстоценового оледенения.

Аналогичное строение имеют отложения, представленные в разрезе более низкого террасового уровня, расположенного ниже по

течению р.Чусовой. Здесь брянская и мезинская почвы, залегающие на галечниках, имеют достаточно полный профиль. В средней части покровных суглинков, перекрывающих культурный слой, прослеживается горизонт слабовыраженного почвообразования. В изученных на стоянке разрезах прослежены крупные сбросовые структуры повредившие культурный слой, образование которых относится к более поздним этапам последней ледниковой эпохи.

Радиоуглеродное датирование образцов костей из культурного слоя памятника показало следующие результаты: $31\ 000 \pm 700$ (ГИН-11501); $31\ 000 \pm 500$ (ГИН-11500); $31\ 000 \pm 400$ (ГИН-11499); $31\ 500 \pm 500$ (ГИН-11497). Ранее по древесному углю из погребенной почвы с культурными остатками была получена AMS дата – около 34 000 лет.

Данные абсолютного датирования относят памятник к началу брянского интерстадиала среднего валдая и помещают его в ряд древнейших памятников верхнего палеолита Восточной Европы.

В культурном слое стоянки собраны сравнительно многочисленные (более 150 экз.) фаунистические остатки принадлежащие широкопалой лошади (абсолютно преобладают) (*Equus cf. latipes*) (min. 4 особи), носорогу (*Coelodonta antiquitatus Blum.*) (1 особь), зайцу (*Lepus sp.*) (min. 1 особь) и мамонту (*Mammuthus primigenius Blum.*) (1 особь) (определения С.А.Цыгановой (ЗИН) (коллекция 1997 года) и Э.А.Вангенгейм (ГИН) (часть коллекции 2001 года).

Кости животных фрагментированы. Целых костей нет, за исключением астрагалов и метаподий лошади. Среди костных фрагментов определены, в основном, кости конечностей лошади. Кости других отделов скелета встречаются значительно реже. Кости зайца представлены несколькими костями конечностей и фрагментом таза. Остатки носорога представлены зубом и метаподием. К остаткам мамонта относятся обработанные человеком фрагменты бивня и обломок ребра.

Культурный слой памятника имеет мощность в 0,30 – 0,40 м. Культуросодержащие отложения представлены гумусированным суглинком с древесным углем, крошками охры, каменными изделиями и костями животных. Толща содержащая культурные остатки четко подразделяется на два горизонта: (1) верхняя часть, мощностью до 0,35 м, в которой встречались только мелкие каменные изделия и небольшие фрагменты костей животных, находившиеся во «взвешенном» состоянии и (2) нижняя часть, мощностью не более 0,05 м, где найдены крупные фрагменты костей и каменные изделия, залегавшие горизонтально или слабо наклонно и по простиранию образующие

хорошо выраженный горизонт (обитания ?), ниже которого находок не было. Вероятно, все находки первоначально залежали в едином культурном слое и были разнесены по вертикали вследствие биотурбаций в почвенном горизонте. Впоследствии, уже после формирования, культурный слой на некоторых участках был разорван инволюциями морозного пучения и разбит на отдельные смещенные по вертикали блоки трещинами сбросов.

Важно отметить также и большое количество подборок каменных предметов между соседними участками, что свидетельствует об отсутствии значительных горизонтальных смещений в культурном слое.

Все вышеизложенное позволяет нам утверждать, что, по крайней мере, часть культурного слоя на стоянке Заозерье сохранилась практически *in situ*.

На вскрытых в 2001 году участках культурного слоя каких либо структурных элементов или хозяйственно-бытовых объектов не найдено. Однако, присутствие в слое большого количества древесного угля, обожженных костей и кремней, несомненно, свидетельствует о наличии на памятнике очагов или кострищ.

Стоянка Заозерье резко отличается по составу сырья от всех верхнепалеолитических памятников бассейна верхней Камы. Основной его разновидностью на стоянке является темно-коричневый и темно-серый кремль из коренных выходов, вероятнее всего карбона или перми, точное месторасположение которых пока не установлено (~60%). Галечный материал из аллювиальных отложений – абсолютно доминирующий тип сырья на верхнепалеолитических памятниках региона – использовался сравнительно редко: к нему относятся изделия из черного кремнистого сланца карбона (фоновый тип сырья для всех палеолитических местонахождений верхней Камы) – (~30%), кварцитопесчаника (~7%), сине-серого галечного кремня девонского возраста (~1%) и горного хрусталя (~1%). В культурном слое памятника найдены также плитки известняка, некоторые из них со следами расщепления (~1%).

В коллекции 1997 и 2001 гг. нуклеусы не представлены, но в ней имеется продольный скол, снявший часть фронта двуплощадочного призматического нуклеуса.

В составе инвентаря стоянки пластины составляют незначительный процент (около 5 %) и хотя их доля среди орудий резко возрастает (около 30 %), что указывает на отбор пластин и пластинчатых сколов в качестве заготовок для их производства, все же более половины орудий в коллекции изготовлены на отщепях.

Одной из наиболее ярких черт коллекции является присутствие в ней плоско-выпуклых бифасов и унифасов овальной формы, обработанных ступенчатой мустьерской ретушью.

Выразительную группу составляют массивные пластины с крутой чешуйчатой ретушью. Наряду с ними широко представлены пластины и фрагменты пластин с краевой ретушью. Найдены пластины с ретушированными выемками.

Значительный интерес представляют острия и их фрагменты с выпуклым затупленным краем, близкие к остриям типа Шательперрон.

Резцы – угловые и боковые с ретушированной площадкой на пластинах и пластинчатых сколах. Характерные резцовые сколы указывают на присутствие в инвентаре памятника срединных резцов. В общем, для этой категории орудий характерна аморфность и отсутствие серийных изделий.

Все скребки изготовлены на отщепах, преобладают крупные орудия с вентральной подтеской лезвия, среди них имеются изделия высокой формы с ретушью по всему периметру заготовки. Единичны мелкие скребки с ретушью по одному из продольных краев. Концевые скребки на пластинах в коллекции отсутствуют.

Важно отметить присутствие в коллекции галечных орудий – чопперов.

Костяные изделия представлены фрагментом острия типа Младеч (?) из бивня мамонта.

В культурном слое также найдены фрагменты пластинок бивня мамонта со следами резания (11 экз.), мелкие обломки шлифованных изделий из бивня (2 экз.) и заготовка овальной подвески, вырезанная из стенки речной раковины.

Предварительно, каменный инвентарь стоянки Заозерье может быть выделен в особый тип индустрии ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

Отметим также, что сочетание пластинчатого инвентаря и изделий с двусторонней обработкой мустьерского облика, характерное для Заозерья, считается типичным для так называемых переходных индустрий, существовавших в Европе в среднем валдае (ОИС 3).

Географическое положение стоянки Заозерье на р.Чусовой, долина которой пересекает Уральский хребет и имеет прямой выход в Западную Сибирь, позволяет ставить вопрос о возможных культурных взаимодействиях между Восточной Европой и Северной Азией на ранних этапах верхнего палеолита.

Данные, полученные в ходе исследований стоянки Заозерье еще раз подтверждают тот факт, что северо-восточная окраина Русской

равнины и западные предгорья Урала являются одними из немногих регионов Восточной Европы, где в настоящее время известны надежно датированные памятники ранних этапов верхнего палеолита.

И.Е. Кузьмина

РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОСТЕНКАХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 50 ЛЕТ

Мое знакомство с Александром Николаевичем Рогачевым произошло в начале 1960 г. В то время я была молодым специалистом, только что окончившим Ленинградский университет и направленным по распределению в Зоологический институт АН СССР. Моим научным руководителем был Николай Кузьмич Верещагин, который сразу же предложил привести в порядок палеонтологические коллекции, полученные при раскопках археологических стоянок в селе Костенки Воронежской области.

Это были десятки ящиков и сотни коробочек, иногда с единственной косточкой с фирменной этикеткой Зоологического института или простой бумажкой, на которой от руки написано определение либо на русском, либо на латинском языке. В них находились преимущественно ископаемые кости, добытые при раскопках еще с довоенных времен под руководством Сергея Николаевича Замятнина, Петра Петровича Ефименко, Павла Иосифовича Борисковского, Александра Николаевича Рогачева и Николая Дмитриевича Праслова. В итоге, к столетию изучения археологических памятников в Костенках был издан коллективный труд «Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879-1979», под редакцией Н.Д. Праслова и А.Н. Рогачева (1982).

Меня поразило обилие стоянок и многослойность некоторых из них. Кроме того, слои на этикетках указывались по-разному: то верхний и нижний, то первый, второй, то ямы, траншеи, землянки и т.д. разобраться в сложной стратиграфии Костенковских стоянок было очень трудно, а требовалось дать списки всех млекопитающих, количество особей по отдельным слоям. Вот тут-то и потребовалась помощь А.Н.Рогачева. Я пришла к Александру Николаевичу в институт археологии со стопкой списков видов. На меня смотрели его умные,

спокойные и внимательные глаза. Несколько часов сидели мы с Александром Николаевичем и досконально разбирали, — как следовало называть отдельный слой многослойных стоянок, где можно, а где нельзя объединять результаты раскопок за разные годы. Постепенно все встало на свои места. Наконец были опубликованы списки видов млекопитающих по отдельным стоянкам и их слоям, но и тогда не обошлось без огрехов, ведь списки были составлены по материалам, доставленным в Зоологический институт. А много палеонтологических образцов было так трудно транспортировать, что они оставались в Костенках и в подсчет количества костей и особей не вошли (Верещагин, Кузьмина, 1977).

Помимо арифметического подсчета костей и особей по отдельным слоям и стоянкам зоологи занимались изучением морфологических особенностей видов, обитавших в бассейне Дона в позднем плейстоцене. Прежде всего, внимание исследователей было привлечено необычным изобилием костей лошади и их величиной. В.И.Громова (1949) выделила лошадь из Костенковских стоянок в самостоятельный подвид *Equus caballus latipes*. Позже, при составлении Каталога млекопитающих СССР (1981), И.Е. Кузьмина возвела этот подвид в ранг вида — *Equus latipes* Gromova, 1949, поскольку название *E. caballus* Linnaeus, 1758, должно использоваться только для обозначения домашних лошадей. Широкопалая лошадь, как следует из ее латинского названия, отличалась прежде всего значительной шириной фаланг. В качестве голотипа была выделена третья правая передняя фаланга из палеолитической стоянки Костенки 4 Воронежской области (в кол. Зоологического института в Петербурге, остеологический № 20064(76)).

Изучая зайцеобразных фауны СССР, А.А.Гуреев (1964) обратил внимание на необычно крупные ископаемые остатки зайцев из той же стоянки Костенки 4. В качестве голотипа описан фрагмент правой ветви нижней челюсти с зубами № 20557 (177) в коллекциях ЗИН РАН из отложений лесса. В честь древнего названия реки Дон (Танаис) вид получил название *Lepus tanaiticus* Gureev, 1964. При дальнейшем изучении остатков донского зайца из гумусовых и лессовых отложений различных костенковских стоянок (более 8000 остатков по крайней мере от 234 особей) было установлено уменьшение размеров зайцев от нижнего к верхнему гумусовому горизонту и опять увеличение их во время образования лессовых отложений. Последнее, видимо, было связано с похолоданием климата. Зайцы из нижнего и верхнего гумусового горизонтов достоверно отличались от зайцев из лессовых отложений по размерам нижнего предкоренного Р/3 и многих

элементов посткраниального скелета. Поэтому они выделены в самостоятельный подвид *L. tanaiticus gmelini* Averianov et Kuzmina, 1993, названного в честь академика Санкт-Петербургской АН Самуэля Готлиба Гмелина (1745-1774), исследовавшего в 1768 г. скопление костей мамонта в Костенках, где теперь расположена стоянка Костенки 21 (Аверьянов, Кузьмина, 1993).

В 90-е годы Михаил Валерьевич Саблин начал изучать хищных и копытных центра Руссой равнины. Занимаясь исследованием ископаемых остатков песцов из позднепалеолитических стоянок Юдиново и Елисеевичи, он обследовал более 17 тысяч костей от 140 особей. Для сравнения использовал 15 черепов самцов и 15 черепов самок; 12 полных скелетов самцов и 12 полных скелетов самок песцов из различных регионов Восточной Европы и Сибири, относящихся к подвиду *Alopex lagopus lagopus*. В результате нами было установлено, что позднеплейстоценовые песцы Русской равнины были мельче современных, имели более длинную черепную коробку и более узкие в коронке хищные зубы. Это позволило выделить их в самостоятельный подвид *Alopex lagopus rossicus* Kuzmina et Sablin, 1993. В качестве голотипа выделены череп взрослой особи без большей части скуловых дуг и левого последнего верхнекоренного зуба и две ветви нижнечелюстных костей в коллекциях ЗИН РАН № 23733(2), из позднепалеолитической стоянки Брянской области близ деревни Елисеевичи.

Изучение 4 тысяч костей от 97 особей песца из позднепалеолитических стоянок Костенки Воронежской области показало, что песцы из Юдиново и Елисеевичей очень близки по размерам и пропорциям зубов и костей скелета с особями из Костенок. Поэтому песцы из Костенковских палеолитических стоянок также были отнесены к подвиду *Alopex lagopus rossicus* Kuzmina et Sablin, 1993. Установлено также, что в позднем плейстоцене песцы имели относительно короткие конечности (95%) по сравнению с ныне живущими, принятыми за 100% (Саблин, 1994).

Ископаемые остатки волка в Костенковских позднепалеолитических стоянках составили 2124 костных фрагмента от 60 особей. Они происходили главным образом из отложений лесса. Сравнение с ныне живущими подвидами среднерусских таежных волков *Canis lupus lupus* и тундровых волков *C. l. albus* показало, что позднеплейстоценовые волки бассейна Дона по размерам зубных рядов были крупнее современных, т.е. более крупноголовыми. Зато длина передних и задних конечностей донских волков была почти на 5 см короче. Поэтому позднеплейстоценовые донские волки были выделены

в самостоятельный подвид *C. l. brevis* Kuzmina et Sablis, 1994. Голотипом является череп взрослой особи без лобной и мозговой части черепа, а также левой скуловой дуги № 34327 в коллекциях ЗИН РАН. Он найден в палеолитической стоянке Костенки 1, I слой с. Костенки Воронежской области (Кузьмина, Саблин, 1994).

Северный олень *Rangifer tarandus* L. в позднем плейстоцене был широко распространен в Европе, Азии и Северной Америке. Сравнение позднплейстоценовых оленей Молдавии, Украины, центра Русской равнины, Северного и Среднего Урала показало их большое сходство между собой и существенное отличие от современного тундрового оленя.

Позднплейстоценовые олени Русской равнины имели относительно более крупные зубы, более длинные верхние и нижние зубные ряды и менее длинные кости конечностей, чем современные тундровые северные олени. Это позволило отнести позднплейстоценового северного оленя Восточной Европы к подвиду *Rangifer tarandus guettardi* Desmarest, 1822 (Саблин, Кузьмина, 1992).

Сравнительно короткие конечности позднплейстоценовых животных обнаружены не только у волка, но и у песца, северного оленя и белой куропатки (Кузьмина, 1971; Потапова, 1986). Это говорит о том, что в позднем плейстоцене глубина снежного покрова была заметно меньше, а климат значительно суше по сравнению с голоценом и современностью.

Изучение географической изменчивости мамонтов Евразии в позднем плейстоцене показало, что в центре Русской равнины, на Урале и в Якутии обитали различные, морфологически отличающиеся, популяции мамонтов.

По предложению В.Е.Гарутта с соавторами (Garutt et al., 1990) скелет самца мамонта, обнаруженного в 1948 г. на Таймырском полуострове на р.Мамонтовая считается неотипом (№ 27101 в коллекциях ЗИН РАН). Размеры костей Таймырского мамонта укладываются в пределы размеров костей мамонтов берелехской популяции в Якутии. Поэтому они должны быть отнесены к подвиду *Mammuthus primigenius primigenius*.

В результате археологических раскопок позднпалеолитических стоянок в с.Костенки Воронежской области накоплен обширный палеонтологический материал, насчитывающий более 50 тыс. костей различных видов млекопитающих, из которых более 10 тысяч относится к мамонту. Ископаемые кости отличались плохой сохранностью, поэтому для измерений использовались всего 497 экз. из раскопок 1977-1989 гг.

Сравнение размеров зубов и костей конечностей показало, что мамонты в центре Русской равнины были несколько мельче, чем на Урале, а животные Русской Равнины и Урала – заметно крупнее мамонтов из Якутии. Это положение может быть закреплено в систематике путем выделения самостоятельных подвидов: *Mammuthus primigenius rossicus* и *M. p. uralensis* (Kuzmina, 2000). *M. p. rossicus* – это крупный мамонт, распространенный в позднем плейстоцене на Русской равнине. В качестве голотипа выделен последний нижний коренной зуб № 30908а в коллекции ЗИН РАН из стоянки Костенки 1, I слой. Его длина 284.0 мм, ширина зуба 87.0 мм, частота пластин – 8, толщина эмали в среднем 1,6 мм.

Уральский подвид мамонта *M. p. uralensis* отличался от предыдущего более крупными элементами скелета и зубами с большим количеством пластин – 11 и более тонкой эмалью – 1,2 мм. Голотипом является нижняя челюсть № 35080 со стоянки Бызовая на правом берегу р. Печора в коллекции Зоологического института РАН (Кузьмина, 2000).

Таким образом, длительный творческий контакт археологов Костенковской палеолитической экспедиции и сотрудников Зоологического института РАН позволил изучить териофауну Костенковских стоянок и разработать подвидовую систематику ряда видов мамонтового териокомплекса Русской равнины.

ПАЛЕОЗООЛОГИЯ СТОЯНОК ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Исследование фауны из стоянок верхней Десны (Россия, Брянская область; археологическая культура – эпиграветт; 17 – 13 тыс. лет назад) началось в начале прошлого века и особенно интенсивно велось на протяжении последних десятилетий. Наиболее известными являются работы Н.К.Верещагина и И.Е.Кузьминой (1977) и O.Soffer (1985). Однако последние наблюдения заставляют по-новому взглянуть на ряд проблем, стоящих перед археологами и палеозоологами.

1. Проблема «пушного промысла» и сезонность стоянок верхней Десны

По нашему мнению, стоянки Елисеевичи и Юдиново не были центрами «пушного промысла» в регионе, как считалось ранее (Верещагин, Кузьмина, 1977; Soffer, 1985). Само по себе присутствие значительного количества костей хищников в культурных слоях указывает лишь на высокую концентрацию зверей рядом со стойбищем, но никак не на специализацию его обитателей на заготовку меха. Последние исследования показали, что с убитых волков и песцов не просто снимались шкуры, но туши употреблялись в пищу, их кости использовались для поделок. Думается, многочисленные в данной местности волки, песцы, медведи и россомахи стекались к границам поселения, привлекаемые запахом принесенной человеком добычи. Отсутствие среди остатков хищников костей детенышей косвенно указывает на то, что к жилищу человека рисковали приближаться только взрослые опытные особи. Люди же, периодически убивая потерявших осторожность «пушных» зверей, использовали их тела целиком. Обитатели стоянок не вели добычи меха, а лишь активно оборонялись от голодных хищников. До недавнего времени именно предположение о «пушном промысле» служило косвенным свидетельством зимнего характера поселений, поскольку последний никогда не ведется летом из-за низкого качества шкур. Однако, наличие значительного количества костей сурка в культурных слоях стоянки Юдиново, которого легко добыть в летние месяцы и невозможно зимой, указывает на присутствие здесь людей в теплое время года. Известно, что *Marmota bobac* проводит в спячке до 8 месяцев в году в норах на глубине нескольких метров, где практически недоступен для охотников. Установлено, что остатки этого грызуна располагались вперемешку с

костями песка и волка, что лишний раз указывает на то, что хищников били и летом, понятно не из-за меха. Скорее всего, на стоянках верховьев Десны люди жили круглый год и, судя по количеству убитых животных, эти поселения активно эксплуатировались как минимум несколько сезонов.

2. Охота на мамонта и домашняя собака на стоянках верховьев Десны

Mammuthus primigenius на стоянках Елисеевичи и Юдиново был столь же массовой и основной добычей, как первобытный бизон для охотников степной зоны (Краснокутску, 1996). Наши наблюдения показывают, что охота на мамонта (в первую очередь на самок и молодняк) здесь велась и велась очень интенсивно. Две трети добытых мамонтов это детеныши и полувзрослые особи. Установлено наличие в культурном слое также остатков молочных мамонят или эмбрионов. Звери представлены всеми частями скелета, включая хвостовые позвонки, целые грудины и фаланги пальцев. Это, несомненно «кухонные отходы», что доказывает полную несостоятельность гипотезы об отсутствии охоты на мамонтов и пассивном сборе костей давно погибших животных с так называемых «мамонтовых кладбищ» для возведения «жилищ». В Юдиново, например, в стенку одного из таких «жилищ» первобытными людьми были аккуратно уложены рядом шейный, грудной и поясничные отделы позвоночника принадлежавшие одной особи мамонта. Понятно, что это было невозможно проделать с «фоссильными» (не скрепленным связками) позвонками.

Идея домостикации собаки человеком на финальной стадии верхнего палеолита высказывалась многими исследователями (Шовкопляс, 1965; Musil, 1984), но не была подтверждена неоспоримыми доказательствами вплоть до обнаружения двух целых черепов древних собак в культурных слоях стоянки Елисеевичи I (Саблин, Хлопачев, 2002; Sablin, Khlopachev, 2002). Это были мощные животные, мало уступающие в размерах волку, но вместе с тем очень широко и короткомордые. Расширение и укорочение морды *Canis lupus* есть неоспоримый и общепризнанный признак одомашнения, служащий основным критерием для разграничения волка и собаки. По степени выраженности данного признака, животные из Елисеевичей были даже более собакоподобными, чем, например, восточносибирские лайки.

Можно предположить, что они принимали активное участие в охоте, охране поселения от хищников и чужаков, и, вероятно, могли использоваться для транспортировки грузов. Собак, как и их диких

родичей волков, люди также употребляли в пищу — в одном из черепов ими были проделаны отверстия для доступа к мозгу.

Среди «кухонных отходов» стоянки Юдиново обнаружен фрагмент дистального отдела бедренной кости бурого медведя с отчетливыми следами погрызов собакой, что указывает на присутствие этого домашнего животного не только в Елисеевичах, но и на других поселениях.

Таким образом, обитатели стоянок верхней Десны были активными охотниками на мамонтов, не вели специализированного «пушного промысла», использовали домашних собак и жили на стойбищах круглогодично на протяжении многих лет.

П. Е. Нехорошев

РАЗВИТИЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ФИНАЛА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ *(по материалам стоянки Шлях)*

Данные о финале среднего палеолита на Русской равнине, которые могли бы пролить свет на культурные процессы, происходившие в период 50 — 35 тыс. л.н., довольно бедны. В то время как есть сравнительно хорошо изученные стоянки начала верхнего палеолита (Костенки 1, 12, 14, 17), сведения о памятниках конца среднего палеолита практически отсутствуют.

подавляющее большинство известных на Русской равнине мустьериодных (Кетросы, Кормань 4, Молодово 1 и 5 и др.) и так называемых «восточномикокских» (Хотылево, Сухая Мечетка и др.) комплексов явно древнее среднего валдая, так что они никак не могут быть отнесены к концу среднего палеолита. Что же касается таких памятников, как Жорнов, нижний слой, Точильница, Белокузьминовка, Бетово, Бирючья Балка и Калитвенка, для которых предполагается поздний в пределах среднего палеолита возраст, то их датирование сопряжено с множеством нерешенных пока проблем и нуждается в гораздо более серьезном обосновании, чем может быть сейчас предложено. Хотя все или почти все из перечисленных комплексов в принципе могут относиться к средневалдайскому времени, совершенно очевидно, что имеющиеся крайне скудные данные не позволяют сделать такой вывод сколько-нибудь уверенно.

Вероятно, единственный среднепалеолитический комплекс Русской равнины, который уже сейчас может быть однозначно датирован самым концом среднего палеолита, непосредственно предшествующим появлению, и, возможно, даже синхронным первым в регионе верхнепалеолитическим индустриям — это комплексы слоев 9 и 8 стоянки Шлях.

Памятник Шлях находится во Фроловском районе Волгоградской области в 112 км к ССЗ от Волгограда. Раскопами, шурфами и зачистками стенок карьера по добыче известняка, уничтожившего часть стоянки, в толще рыхлых четвертичных отложений второй террасы балки Паники общей мощностью до 5 м, залегающих непосредственно на глинах верхнего карбона, описано 9 слоев аллювиального и делювиального генезиса (суглинки, супеси, песок, галечник), в восьми из которых был обнаружен каменный материал: слои №№ 1, 2, 4, 5, 7-9. Верхний слой (слой 1, современная почва) относится к голоцену, а остальные к верхнему плейстоцену. Ряд слоев подразделяется на горизонты (от 2-х до 5-ти). Единичные археологические находки встречаются практически по всему разрезу, но массовый материал получен только из слоев 4С, 7, 8(С-Е) и 9 (А-С). Возраст двух нижних слоев достаточно четко определен комплексом естественнонаучных данных.

Палеомагнитный анализ порядка 800 образцов, взятых из пяти разрезов, был проведен В.В. Герником (ВСЕГЕИ) и Е. Г. Гуськовой (ИЗМИРАН), благодаря которому удалось выявить два экскурса. Верхний по разрезу отложений экскурс, соответствующий, как предполагается, моно — 25-30 тыс. л.н., приходится на слои 3 (нижняя часть) — 4А, а нижний, соответствующий каргополово — 42-44 тыс. л.н., зафиксирован в слое 9 В.

Спорово-пыльцевой анализ, выполненный Т. В. Сапелко (Институт озероведения РАН), выявил 10 палинозон. Результаты палинологического исследования хорошо согласуются с основными палеогеографическими событиями среднего валдая, а также определяют верхнюю хронологическую границу слоя 8, поскольку погребенная почва (слой 7) сопоставляется с первой половиной кашинского (молодовского) потепления (39-37 — 34 тыс. л.н.).

Радиоуглеродные определения (АМС) по образцам костей из слоя 8, произведенные П. Петитом в лаборатории Оксфордского университета, дали близкие даты: 46300 ± 3100 (ОхА-8306) и 45700 ± 3000 (ОхА-8307). Однако, то обстоятельство, что в слое 9 фиксируется второй для разреза Шляха палеомагнитный экскурс, сопоставляемый с каргополово, заставляет рассматривать в качестве более достоверного

верхний предел обеих абсолютных дат (с двумя доверительными интервалами — 40 тыс. л.н.).

Таким образом, есть все основания сделать вывод, что слои 8 и 9 Шляха относятся к самому концу среднепалеолитического периода и имеют возраст 40-41 и 42-44 тыс. л.н. соответственно.

Каменный материал (по четырем раскопам). Коллекция каменного инвентаря слоя 8 насчитывает 4220 предметов: орудия — 66, нуклевидные — 125, сколы — 4029.

Орудия: остроконечники — 2 (один с ядрищным утончением проксимального конца), скребла — 9 (простые продольные — 5, двойные продольные с «костенковской» подтеской — 2, конвергентное скребло, угловатое скребло), протокостенковские ножи — 4, ножи с обушком — 9 (два с ядрищным утончением конца), мустьерские скребки — 9, сколы с усеченным ретушью концом — 7, резцы — 11, проколка, зубчато-выемчатые орудия — 4, плоские естественные камни со следами нерегулярной оббивки — 5, осколки с ретушью — 2, отбойники — 2, наковальня.

Сколы: отщепы леваллуа — 8, пластины — 94, фрагменты пластин — 434, отщепы — 1572, осколки, мелкие отщепы и чешуйки — 1921.

Нуклевидные: радиальные нуклеусы — 5, ординарные — 21, полюсные — 21, ортогональный, подперекрестные — 2, двусторонний двуплощадочный продольно-поперечного скалывания, торцово-клиновидные — 18, подпризматический, «уплощенно-протопризматические» — 5, «бессистемные» — 5, пренуклеусы — 2, фрагменты нуклеусов — 21, пробные «нуклеусы» — 3, нуклевидные обломки — 17.

В целом, технология первичного расщепления камня индустрии данного слоя характеризуется как своеобразная технология, направленная на получение леваллуазских пластин с торцово-клиновидных нуклеусов. Технологическая схема во многом сходна с верхнепалеолитической технологией получения пластин с клиновидных нуклеусов, но техника скола оставалась среднепалеолитической. В итоге, отличительными чертами данной индустрии можно считать комплекс орудий, характерными составляющими которого являются остроконечники, ножи, мустьерские скребки и резцы, тронкированные сколы, «протокостенковские ножи», скребла с ядрищным утончением спинки — «костенковская подтеска», которая применялось и при изготовлении остроконечников и ножей с обушком («костенковская подтеска» на 16% орудий на сколах) и технологию получения

леваллуазских пластин с торцово-клиновидных нуклеусов при среднепалеолитической технике скола.

В слое 9 найден 901 предмет: орудия — 71, нуклевидные — 73, сколы — 757. Орудийный набор: скребла — 8 (простые — 2, двойные продольные — 2, конвергентные — 2, угловатое, поперечное), концевые скребки — 2, мустьерские скребки — 6 (один с ядрищным утончением проксимального конца), резцы — 2, проколка, сколы с косоусеченным ретушью концом — 2, сколы с выделенным концом — 5, выемчатое орудие, клювовидное орудие, пластины и отщепы с ретушью — 8, пластины и отщепы с зубчатой ретушью — 26 (один отщеп с ядрищным утончением проксимального конца), естественные отщепы с ретушью — 7, осколок с ретушью, ретушер (хорошо окатанная галечка подтреугольной формы с одним забитым углом).

Сколы: острия леваллуа — 2 («первого» и «второго» снятия), отщепы леваллуа — 4, пластины — 99, фрагменты пластин — 76, отщепы — 428, осколки, мелкие отщепы и чешуйки — 148.

Нуклевидные: нуклеусы радиального скалывания — 5, ординарные — 27, ординарный смежный, полюсные — 5, односторонний двуплощадочный продольно-поперечного скалывания, типа «джрабер», подперекрестный, торцово-клиновидные — 4, «бессистемный», пренуклеусы (?) — 4, фрагменты нуклеусов — 8, пробные «нуклеусы» — 15.

В целом, несмотря на небольшое количество, материал слоя весьма интересен. Как и в слое 8, четко выражена стратегия пластинчатого расщепления: пластин и фрагментов пластин 175 экз. или 23% от 757 сколов. Это больше, чем в слое 8, где этот показатель составляет 13%. Однако такое расхождение, наиболее вероятно, объясняется тем, что мелкие сколы слоя 9, представляющего собой балочный аллювий, были отчасти снесены и рассеяны вниз по руслу балки в сезоны обводнения. Без учета мелких отщепов доля пластинчатых сколов составляет 29%, что очень близко к аналогичному показателю слоя 8 — 25%.

В то же время, технология пластинчатого расщепления представляется несколько «упрощенной», по сравнению с технологией слоя 8. Подавляющее большинство нуклеусов — параллельного плоскостного принципа расщепления. В коллекции мало торцовых и торцово-клиновидных нуклеусов; они менее выразительны, больше напоминают ординарные со смежными поверхностями скалывания, либо ординарные с продольным негативом краевого скола, восстанавливавшим выпуклость поверхности расщепления. Также крайне схематичны реберчатые и полуреберчатые сколы, нет сколов

подправки площадок типа «таблетки». Технология первичного расщепления более соответствует среднепалеолитической плоскостной, чем протопризматической. Последняя четко представлена в вышележащем слое, отражена в торцовых и клиновидных нуклеусах и вполне может рассматриваться как развитие технологии, представленной материалами слоя 9.

В орудийном наборе также есть определенные отличия по сравнению с коллекцией слоя 8. Отсутствуют остроконечники, практически не представлены ножи с обушком, нет протокостенковских ножей, слабо представлен прием ядрищного утончения. Вместе с тем, как и в слое 8, показательны мустьерские скребки и резцы, сколы с усеченным концом, нет ни одной двусторонне обработанной формы. Последние весьма характерны для среднего палеолита Русской равнины и Крыма и, в частности, для памятников «восточномиокского» типа. Вероятно, подтверждается уже высказывавшееся предположение, что среднепалеолитические слои стоянки Шлях представляют иной круг индустрий, отличных от большинства памятников Русской равнины, пока еще слабо изученных, основанных на пластинчатой технологии первичного расщепления камня, в орудийном наборе которых отсутствуют двусторонне обработанные орудия. Ближайшие аналоги прослеживаются в 500 км к ЮЗ, в Донбассе (Украина) — это стоянки Курдюмовка, Звановка и Белокузьминовка.

Таким образом, материалы слоев 8 и 9 впервые для Русской равнины показывают развитие индустрии самого конца среднего палеолита, наличие предпосылок для перехода к верхнепалеолитическим методам обработки камня. Технологическо-типологические черты названных комплексов, конечно же, не дают оснований прямо связывать их с какими-то конкретными памятниками ранней поры верхнего палеолита, но ясно показывают, что в конце среднего палеолита в регионе была четко выражена тенденция развития в направлении пластинчатой технологии верхнепалеолитического свойства. До классической верхнепалеолитической технологии, базирующейся на клиновидном нуклеусе, носителям индустрии слоя 8 оставалось сделать один шаг — применить верхнепалеолитическую технику скола при первичной обработке камня и изготовлении орудий.

Благодарности. Возобновление работ на стоянке Шлях стало возможным благодаря поддержке фонда Лики (Leakey Foundation, USA) — 1998-99 гг., РГНФ — 2000-01 гг. (проекты № 00-01-18041е и № 01-01-18110е) и РФФИ (проект 01-06-80222).

МУСТЬЕРСКИЕ ИНДУСТРИИ БАССЕЙНА ДОНА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Настоящий доклад посвящен памятникам, расположенным в Донецкой и Луганской областях Украины (Антоновка, 1, 2, Белокузьминовка, Звановка, Курдюмовка), Ростовской (Калитвенские мастерские, Бирючья Балка 2, Носово 1, Рожок 1, Марьева гора) и Волгоградской (Шлях) областей России.

Кроме краткой типологической характеристики индустрии названных памятников, рассмотрим некоторые общие вопросы, связанные со значением и сущностью среднего палеолита, его отношением к позднему палеолиту, возможными причинами вариабельности индустрий и др.

Начнем с памятников, расположенных в долине Северского Донца. Памятники, исследованные в Каменском районе Ростовской области, являются мастерскими по первичной обработке кварцита (Калитвенка 1, 1б, 1в, 2) и изготовлению листовидных острий (Калитвенка 1а, Калитвинка 1 участок 2). В мастерских первого типа преобладающим является параллельный плоскостной способ расщепления. В то же время в коллекциях памятников отмечены объемные нуклеусы. Выразительна серия крупных клиновидных нуклеусов. Весьма характерным является торцовый прием скалывания заготовок. Показательны пластины, которые составляют более 40 % от общего числа всех изделий. Однако многие из них имеют отчетливую параллельную огранку и правильные очертания. Не исключено, что отдельные пластины были сняты роговыми отбойниками или отбойниками из мягких пород камня. Вероятной представляется транспортировка отдельных качественных пластин за пределы мастерских, т. е. на стоянки. Число орудий всюду не превышает 1,5 %. Преобладают скребла. На Калитвенке 1 в найдено небольшое число типичных скребков и их заготовки. Нельзя не упомянуть присутствие крупных элементарно оформленных орудий, которые применялись для выкапывания кварцитовых валунов из песка. На одном из памятников обнаружено несколько скоплений (кладов?), содержащих разнообразные кварцитовые изделия. Это исключительно интересные факты.

В инвентаре мастерской по изготовлению кварцитовых листовидных острий Калитвенка 1а выделены нуклеусы с параллельным плоскостным и радиальным расщеплением. Объемные нуклеусы полностью отсутствуют. Качественных сколов мало. Орудия, в основном, представлены полностью и частично двусторонними орудиями. Преобладают незаконченные формы. В качестве заготовок листовидных острий использовались отщепы. Их скальвание носило направленный характер. На памятнике обнаружено несколько типичных скребков.

Рассмотрим индустрии мустьерских слоев (4,5,5б и 5в) памятника Бирючья Балка 2, расположенного в Константиновском районе Ростовской области. С функциональной точки зрения они связываются с кратковременными стоянками-мастерскими. В культурных слоях обнаружены многочисленные изделия, кости животных и остатки кострищ. Преобладают нуклеусы с параллельным плоскостным расщеплением. Радиальные нуклеусы единичны. Отщепы имеют преимущественно продольную огранку. Выразительную серию составляют объемные нуклеусы, с которых скальвались пластины и пластинки. В количественном отношении они составляют около 2% всех изделий. Однако многие из них имеют геометрически правильную огранку и очертания и мало чем отличаются от позднепалеолитических образцов. В орудийном наборе преобладают скребла. Выделено несколько концевых скребков. Особый интерес вызывают (редкие) двусторонние орудия листовидной формы, представленные в виде обломков.

Обратимся к памятнику Шлях, расположенному в Волгоградской области. В слое 8, согласно П.Е.Нехорошеву и Л.Б.Вишняцкому, обнаружено около 4,5 тыс. изделий. Наряду с параллельными плоскостными нуклеусами выразительную серию составляют объемные нуклеусы, в том числе, торцовые. Эти нуклеусы демонстрируют сложную систему расщепления. Кроме технологических сколов отмечены пластины правильной формы. Памятник следует рассматривать как мастерскую по изготовлению сколов-заготовок. Вероятно, как считают исследователи, памятник имеет поздний в пределах мустье возраст.

Обратимся к другим сходным по технико-типологическим показателям индустриям памятников, расположенных в Юго-Восточной Украине. Это Антоновка 1 и 2, Звановка, Курдюмовка и Белокузьминовка. Антоновские памятники приурочены к выходам кремня. Среди продуктов первичной обработки преобладают нуклеусы, отщепы и осколки. Доминирует параллельный плоскостной способ

расщепления. Параллельных объемных и радиальных нуклеусов гораздо меньше. Кроме грубых отщепов и пластин присутствуют отдельные выразительные сколы подобного рода. Орудия включают законченные и незаконченные листовидные острия, а также скребла. Выделенная В. Н. Гладилиным группа двусторонних скребел-ножей должна быть пересмотрена. В нее на деле зачислены незаконченные листовидные острия и скребла. Приведенные в монографии упомянутого автора многие скребки, а также стамески, резчики, резцы и т. п. — это на деле отщепы с псевдоретушью. С функциональной точки зрения Антоновские памятники являются стоянками-мастерскими или, по-другому, долговременными мастерскими по изготовлению листовидных острий. По нашему мнению скребла свидетельствуют об элементарной деятельности, направленной на жизнеобеспечение конкретного коллектива мастеров.

Коллекция каменных изделий памятника Звановка (автор исследования В.В.Колесник) включает преимущественно радиальные и параллельные плоскостные нуклеусы, а также отщепы, чешуйки и осколки. Пластины массивны и малочисленны. Более выразительны отщепы. Орудий мало. С технико-типологической точки зрения Звановку оправданно относить к мастерским по первичной обработке кремня — получение сколов, заготовок, вероятно, отщепов. В целом, похожа на Звановку индустрия Курдюмовки.

Весьма интересным и до конца неизученным является памятник Белокузьминовка, исследованный Д.С.Цвейбель. В его инвентаре выделены, главным образом, нуклеусы параллельного плоскостного и объемного способов расщепления. Необходимо упомянуть клиновидные нуклеусы. Индекс пластинчатых сколов, согласно Д.С.Цвейбель и В.В.Колеснику, довольно высокий. Отмеченные в инвентаре пластины имеют, в основном, параллельную огранку и похожи на позднепалеолитические сколы. Если проявить осторожность в выделении зубчатых и выемчатых форм, о чем давно говорил Н.Д.Праслов, то число орудий в Белокузьминовке может оказаться минимальным. Это мастерская по первичной обработке кремня.

Рассмотрим памятники иного функционального типа: Рожок 1 и Носово 1, раскопанные Н.Д.Прасловым, и Марьева гора — Н.Н.Ромашенко. В индустрии Рожка 1 больше всего выделено параллельных плоскостных и радиальных нуклеусов, отщепов и осколков. Пластины редки. Кроме типичных мустьерских форм орудий выделены скребки и проколки. Обращают на себя внимание небольшие размеры орудий, что связано, вероятнее всего, не только с размерами исходного сырья, его доступностью, но и переоформлением орудий.

В инвентаре стоянки Носово 1 отщепы явно преобладают над пластинами. Это основной тип заготовок. Стоит обратить внимание на сложный характер подправки ударных площадок у некоторых отщепов перед их снятием. Интерес вызывают мелкие гальки с насечками и вмятинами (возможно, ретушеры). Среди орудий преобладают остроконечники, ножи с обушками, скребла. Двусторонние орудия немногочисленны. Судя по характеру ретуши, отдельные орудия переоформлялись. Индустрия Носово 1 в определенной мере похожа на инвентарь Сухой Мечетки, где отмечено много скребел и двусторонних орудий, в том числе, асимметричной формы. Последний признак, скорее всего, свидетельство неоднократной подправки двусторонних орудий.

Кремневые изделия из Марьевой горы разнообразны и многочисленны: остроконечники, скребла, сколы и нуклеусы. Наблюдается общее сходство индустрии этого памятника с Носово 1.

Таким образом, рассмотренные выше памятники разделяются на мастерские двух типов, стоянки-мастерские и стоянки. Технотипологические характеристики индустрий основных групп памятников вполне согласуются с их функциональным типом. В случае с мастерскими в пределах каждой из двух групп важно учитывать их производственный тип и профиль. Так, у мастерских по первичной обработке задачи могут быть разные: получение отдельно отщепов, пластин, заготовок, нуклеусов и т.п. Показательно, что продукты параллельного объемного расщепления выявлены в инвентаре мастерских, а не стоянок. При объяснении этого факта вероятными представляются учет размеров, качества и доступности сырья, типа памятника и его профиля, образа жизни, характера переоформления орудий и др. Другими словами, материалы мастерских обладают важной ценной информацией для понимания сути технотипологических характеристик индустрий и ряда других вопросов, поскольку они даны как бы в «чистом», начальном виде. Индустрии поселений в этом плане, по нашему мнению, менее показательны, т. к. их облик осложнен эпизодами разноплановой и динамичной деятельности, протекавшей в их пределах.

Опираясь на типологические, но, прежде всего, технологические оценки индустрий мустьерских мастерских Юга Русской равнины и привлекая материалы памятников ранней поры позднего палеолита всей ее территории, логично ставить вопрос об их эволюционном значении. Нами было высказано мнение о возможной связи мустьерских индустрий Бирючьей Балки и позднепалеолитических индустрий стрелецкого типа. На общую связь с

поздним палеолитом указывают в равной мере такие индустрии как Белокузьминовка, Шлях и Калитвенские мастерские. Говорить о влиянии на этот процесс ориньякских популяций, об аккультурации ими мустье нет никаких оснований. На территории Восточной Европы практически нет раннеориньякских памятников. Последние открытия А.А.Синицына в Костенках 14 показывают, что индустрии, имеющие возраст около 36 тыс. лет, лишены выраженных ориньякских черт. Огромная территория Восточной и Центральной Европы в этот период была заселена иными культурными группами. Логично будет считать, что все индустрии ранней поры позднего палеолита Русской равнины имеют местное происхождение. Материалы Центральной и Западной Европы показывают, что практически всюду ориньякские индустрии залегают выше индустрий перигордьена и селета. С другой стороны, в индустриях селета, богунисьена, а в равной мере протоориньяка, например, Балкан и Германии, немало мустьерских форм орудий, пластины напоминают мустьерские аналогичные сколы, а типичные ориньякские формы редки. Это по сути дела переходные индустрии. Оправданно ставить вопрос о том, что на территории всей Европы происходил процесс перехода от мустье к позднему палеолиту. Ориньякские индустрии, по нашему мнению, также имеют местное происхождение. Наглядно на переход мустьерских индустрий в позднепалеолитические указывают индустрии памятников горного Алтая и Центральной Азии.

Индустрии Восточной, Центральной и, в определенной степени, Западной Европы (в частности, северной ее части) и, особенно, индустрии Ближнего Востока свидетельствуют о том, что пластинчатая технология появляется на ранних этапах среднего палеолита. Это не только сложные леваллуазские, но также позднепалеолитические приемы расщепления нуклеусов. Нередко в мустьерских индустриях Евразии, особенно, Ближнего Востока, встречаются позднепалеолитические типы орудий, в том числе и отдельные ориньякские формы. Речь идет не только о вызревании в среднем палеолите прогрессивных тенденций в технологии обработки камня, но и их реальном воплощении. Эти процессы происходили на огромной территории в течении длительного времени, но они носили повсеместный и регулярный характер. В одних районах Евразии эти процессы протекали замедленно, в других – не происходили вовсе. Это закономерное явление.

Согласно логике развития, процессы, протекающие глобально и показывающие непрерывное последовательное развитие независимо от

их темпов и особенностей обладают эволюционным потенциалом, имеют стратегический характер и не могут окончиться тупиком.

Кажущийся консерватизм многих мустьерских индустрий можно объяснить неполнотой археологических источников, а в равной мере характером процесса развития материальной культуры в среднем палеолите. Он, вероятно всего, происходил скачкообразно. Последнее касается и процесса перехода от мустье к позднему палеолиту. Это означает, что постоянное обновление мустье едва ли удастся когда-либо проследить на большом числе памятников. Важным в деле решения проблемы, в частности, перехода от мустье к позднему палеолиту, является отказ от использования упрощенных схем, простых аналогий и сопоставлений на уровне отдельных типов или индустрий из памятников или слоев, относящихся к упомянутым эпохам.

Средний палеолит – это самостоятельный период в развитии материальной культуры, в недрах которого не только зародились, но и уже существовали новые тенденции в технологии, культуре, образе жизни и поведении, получившие бурное развитие в позднем палеолите. Между двумя эпохами устанавливается внутренняя эволюционная связь, имевшая стратегический и, в целом, глобальный характер. Нельзя исключать и существование других процессов, например, аккультурации, диффузии и т.п. Ценные сведения о решении отмеченных проблем доставляют памятники среднего палеолита Восточной Европы и, в том числе, бассейна Дона.

КАМЕННЫЕ И КОСТЯНЫЕ ОСТРИЯ КОСТЕНОК 4 КАК КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

Форма каменных и костяных наконечников имела ключевое значение для выделения А.Н.Рогачевым локальных различий между восточноевропейским, средневропейским и западноевропейским регионами в эпоху верхнего палеолита (1957, с.130-131). Ранняя пора верхнего палеолита на территории Восточной Европы характеризовалась появлением простых веретенообразных наконечников или стержней, которые существовали здесь вплоть до самого конца верхнего палеолита. В Западной Европе быговали наконечники с рассеченным основанием, а в Средней Европе наконечники типа младеч. Проявление локального своеобразия каменной индустрии восточноевропейского региона А.Н.Рогачев видел в последовательности смены форм двусторонне обработанных наконечников: от наконечника стрелецкого типа через тельманские острия к двусторонне обработанным наконечникам верхнего слоя Костенок 4. В основе предложенной А.Н.Рогачевым схемы развития верхнего палеолита Восточной Европы лежали материалы памятников Костенковско-Борщевского региона. Разнообразие материальной культуры этих памятников стало главной причиной обращения А.Н.Рогачева к проблеме изучения «этнографических и этнических особенностей в развитии верхнепалеолитической культуры Европы» (1957, 133). Отправной точкой данных исследований и стали раскопки памятника Костенки 4. Раскопки, проводившиеся в течение 2-х лет (1937-1938гг.) велись на высоком уровне, с использованием всех возможных в то время видов фиксации. Помимо графических и фотографических изображений, планов и профилей, делались подробные описания культурного слоя на всей поверхности раскопа, сантиметр за сантиметром, описаны малейшие изменения окраски, мощности и состава многочисленных прослоек, локализовавшихся в разных частях поселения. Кроме того, словесные описания подкрепляются отобранными образцами грунта. Находки, казавшиеся менее важными, такие как камни и куски мергеля без следов обработки, были оставлены на месте, но предварительно сосчитаны и подробно описаны. Именно здесь А.Н.Рогачев впервые столкнулся с проблемой сосуществования нескольких жилых комплексов на территории одного поселения. Это поставило перед ним вопросы о синхронности и однокультурности этих комплексов. Ключом к их решению для

А.Н.Рогачева стало изучение каменного и костяного инвентаря стоянки, а позднее и переосмысление наблюдений микростратиграфии культурного слоя, сделанных в процессе раскопок (1940, с.36-41; 1955, с.14 и далее). В результате был выделен верхний слой с круглыми жилищами.

Костяной инвентарь Александровской стоянки полностью опубликован А.Н.Рогачевым (1955, с.78-88). Им были выделены следующие категории изделий: стержни-наконечники (15 экз.), шилья (24 экз.), иглы и игловидные острия (5 экз.), «застежки с перехватом» (135 экз.), лошила (10 экз.), рукояти кремневых орудий (2 экз.), диски (1 экз.), отжимник (1 экз.), роговой молоток (1 экз.), подвески в виде зубов животных (1 экз.), фибула (1 экз.), а также серия орнаментированных изделий с перехватом на одном конце (4 экз.). Последние автор интерпретировал как стилизованные антропоморфные изображения. Первоочередное внимание А.Н.Рогачев уделил планиграфическому контексту обнаружения костяных находок. Их приуроченность к площади западного и восточного круглых жилищ, а также полное отсутствие таковых на территории длинного жилища, были аргументом в пользу идеи о многослойности этого памятника.

Еще одним таким аргументом стало присутствие в каменном инвентаре специфических форм орудий — листовидных александровских острий-наконечников. Их описание было дано на уровне типа. Александровские наконечники — это острия симметричной, иволистной формы на прямых крупных массивных пластинах, перо которых обработано покрывающей ретушью на спинке, а основание оформлено в виде двугранного резца. Края орудия обработаны плоской ретушью по всей длине, за исключением участков, затронутых резцовыми сколами. Представление о том, что двугранный резец в основании орудия оформлялся для закрепления в древке, основывалось на результатах исследований С.А.Семенова серии двойных двугранных резцов этой же стоянки (1950, с.159-165). Дальнейшее изучение листовидных острий и некоторых других форм орудий подтвердило эту точку зрения.

А.Н.Рогачев полагал, что острия александровского типа занимали то же место в каменном инвентаре верхнего слоя Костенок 4, что и наконечники с боковой выемкой в материалах памятников костенковско-авдеевского типа.

Опираясь на геологические условия залегания культурного слоя и этнографические особенности культуры (форму жилищ и ряд общих элементов в костяной индустрии с Мезинской стоянкой), А.Н.Рогачев датировал Александровскую стоянку концом верхнепалеолитической

эпохи — «не древнее мадленского времени по западноевропейским масштабам» (1955, с.55, 156)

В настоящее время получены новые радиоуглеродные даты в 22800+120 (ГИН-7995) и 23000+300 (ГИН-7994), которые указывают на существование Александровского поселения в среднюю пору верхнего палеолита одновременно с Костенками 1,1, Костенками 8,1 и др.

Это побудило нас еще раз обратиться к вопросу о месте каменных и костяных наконечников Александровской стоянки при определении ее культурно-хронологической позиции среди стоянок Русской равнины.

Крупные костяные наконечники веретенообразной формы изготавливались на Александровской стоянке из бивня мамонта. В костяной индустрии стоянки обработка этого материала занимала особое место. На изделия из бивня приходится более половины всех известных категорий костяных поделок. Помимо наконечников, бивень был использован для изготовления фибулы, диска, одного из шильев, небольших лоцил и «стилизированных антропоморфных изображений». К сожалению, коллекция не содержит ни бивней со следами расчленения, ни продуктов, связанных с их расщеплением. Поэтому на материалах Костенок 4 могут быть установлены только отдельные приемы начального расщепления бивня. Антропоморфные поделки свидетельствуют о широком применении в Костенках 4 техники скалывания крупных бивневых отщепов. Скалывание осуществлялось в направлении длинной оси бивня. Целые поделки представляют собой крупные отщепы (23,5х6,2х2,0см; 28,0х4,5х2,0см) овальной формы, которые были отделены с наружной поверхности бивня очень большого диаметра. Превращение отщепа в поделку требовало лишь вырубания вблизи его проксимального конца, по всему периметру, неглубокого паза и нанесения на поверхность орнамента. Фрагменты стержней-наконечников так же позволяют получить общее представление о технике получения заготовок, использовавшихся для их изготовления. Размеры и пропорции этих изделий, особенности ориентации поверхности скалывания по отношению к наружной поверхности бивня, а так же форма их поперечного сечения указывают на возможность их получения только двумя способами. Во-первых, стержни могли вырезать из крупных продольных отщепов. Во-вторых, скалывать непосредственно с поверхности целого бивня, где их форму задавали два параллельных, глубоких и широких паза. Оба способа получения крупных стержней и наконечников были характерны для памятников средней поры верхнего палеолита. Они представлены на таких

памятниках Русской равнины, как Костенки 1, I, Костенки 8, I Гагарино, Авдеево. Иная традиция изготовления наконечников зафиксирована только в Хотылево 2. Здесь наконечники выделывали из трехгранных стержневидных заготовок, которые отделялись от края широкого продольного паза на бивне.

Культурное своеобразие Костенок 4 на фоне всех памятников Костенково-Борщевского региона обуславливается, прежде всего, спецификой кремневой индустрии, особое место в которой занимали листовидные острия. По подсчетам А.Н.Рогачева, учитывавшего проксимальные, медиальные и дистальные фрагменты, всего острий насчитывалось почти 200. Однако, поскольку само по себе это острие представляет собой вполне определенную совокупность морфологических элементов, мы отказались от рассмотрения проксимальных фрагментов, представляющих собой просто двугранный резец на сломанной заготовке и медиальных, неотличимых от сечений ретушированных пластин. С нашей точки зрения, имеет смысл рассматривать лишь 35 целых острий и дистальные фрагменты (всего 74), из которых далеко не все можно отнести к листовидным остриям, основываясь на изучении целых экземпляров. В свою очередь, целые экземпляры отнюдь не представляют собой серию однородных орудий. Острия различаются на разных уровнях классификации: по массивности заготовки и ее ориентации, по признаку совпадения или несовпадения оси симметрии заготовки и жальной части пера, по форме краев пера, по типу ретуши на краях пера, по форме выделенного жала и по оформлению проксимальной части. Всего, таким образом, насчитывается 11 подгрупп, из которых всего 4 могут быть отнесены к александровскому типу, согласно описанию А.Н.Рогачева.

Оформление основания орудия в виде двугранного (срединного) резца в Костенках 4 применялось не только для острий. Имеются скребки с таким основанием, серия резцов (в основном это т.н. двойные двугранные резцы), ножи (в т.ч. нож для работы по дереву, опубликованный А.Н.Рогачевым по рисунку С.А.Семенова и учтенный автором как листовидное острие). Кроме того, имеется немало количество «проксимальных» фрагментов, о которых говорилось выше. А.Н.Рогачев рассматривал их как обломки орудий, сломанных у конца рукояти. Не имея возможности подтвердить эту точку зрения или опровергнуть, мы просто помним, что они есть. Таким образом, нам представляется возможным говорить о срединных резцах не только как о необходимом морфологическом элементе листовидных острий александровского типа, но как о широко применявшемся своеобразном технологическом приеме, присущем индустрии Костенок 4. В пользу

этого говорит наличие большого количества резцовых сколов, снятых с ретушированных краев орудий для их подживления или переоформления.

Результаты трасологического изучения кремневых острий Александровской стоянки показали, что в большинстве своем они не являлись орудиями охоты, а использовались для обработки твердых материалов (дерево, кость) (1997, с.70-73). Вполне возможно, для вырезания пазов при изготовлении стержней из бивня.

Подводя итоги, следует сказать, что круг аналогий технике изготовления бивневых стержней-наконечников из Костенок 4 полностью соответствует современным данным о времени существования стоянки в период средней поры верхнего палеолита и не дает нам оснований выделить ее из общего контекста одновременных памятников Русской равнины. Культурное же своеобразие александровских острий-наконечников объясняется спецификой технологического приема вторичной обработки (оформления проксимальной части в виде симметричного срединного реза), присущего всей кремневой индустрии в целом.

Е.В. Булочникова

А.Н.РОГАЧЕВ И М.В.ВОЕВОДСКИЙ

В этом году мы отмечаем 90-летие А.Н.Рогачева, в следующем – 100-летие М.В.Воеводского. Это дает повод сравнить, с разных точек зрения, таких непохожих друг на друга исследователей. В истории изучения Авдеево имени М.В.Воеводского и А.Н.Рогачева соединились. Встречались ли они в жизни? Могли бы стать единомышленниками? Были ли столь важные для палеолита Русской равнины памятники Костенки 1\1 и Авдеево в той же мере значимыми и для их исследователей? Ответы на эти вопросы будут, на мой взгляд, скорее отрицательными. Хотя сейчас, в 2002 году приходится, главным образом, довольствоваться только опубликованными работами и архивными данными.

С одной стороны, разница в возрасте (в данном случае оказавшаяся значимой), с другой – личные судьбы (служба в армии А.Н.Рогачева с 1939 по 1947 гг., смерть М.В.Воеводского в 1948 г.)

развели этих отличных по социальному происхождению (воспитанию, образованию и мировоззрению) людей.

М.В.Воеводский рос в семье польских интеллигентов, получил среднее образование в гимназии, владел польским (в дальнейшем активно его использовал и пропагандировал достижения польских археологов) и немного – французским. Эти факторы лишь отчасти компенсировали отсутствие у него высшего образования. Научная карьера М.В.Воеводского началась в 20 лет. Не имея специального образования, он, благодаря активной деятельности в стенах Музея антропологии МГУ и участия, под началом Б.С.Жукова, в экспедиции (АКЭ по ЦЧО РСФСР) достаточно быстро становится квалифицированным специалистом. В 1927 году при раскопках Б.С.Жуковым Супонева М.В.Воеводский назначается «основным помощником по научной части». В рамках экспедиций Б.С.Жукова (см. Тимоновка), а затем и вне ее он производит самостоятельные разведки и раскопки. По довоенным заслугам М.В. Воеводский стал сотрудником МОГАИМКа (1933), зам. директора Музея и НИИ антропологии М.С.Плисецкого, доцентом кафедры археологии МГУ (1939), получил кандидатскую степень по совокупности трудов. К счастью, его сотрудничество с Б.С.Жуковым не повредило ему.

А.Н.Рогачев происходил из крестьянской семьи, попал сначала в педагогическое училище, оттуда – в Пединститут, затем – в Ленинградский университет, закончив его, а затем и аспирантуру под руководством Ф.М. Кипарисова. В студенческие годы А.Н.Рогачев бывал в разных экспедициях: в Новгороде (у А.В.Арциховского), в Казахстане (у И.В.Синицына), на Тамани (у А.А.Миллера), но, в конечном итоге, стал специалистом по палеолиту (сотрудником П.П.Ефименко, который учил его палеолиту в университете, а затем назначил его своим заместителем) «прорабом» в Костенковской экспедиции). Горячая вера в коммунистические идеалы очень рано приводит А.Н.Рогачева в партию. Он вступает в нее, еще живя в деревне, впечатленный убийством главы деревенской комсомольской ячейки. А.Н.Рогачев довольно долго, после ареста и расстрела руководителей ГАИМК, был единственным членом ВКПб в ГАИМКе. М.В.Воеводский же в партии не состоял: ввиду ли его социального происхождения или по идейным соображениям. В отличие от «палеолитчика» А.Н.Рогачева, М.В.Воеводский – археолог широкого профиля, проявляющий, кроме того, большой интерес к этнографии. Подобно своим учителям он исследует как городища, так и памятники палеолита, мезолита, неолита, бронзы (характерно, что большинство

участников его экспедиций – студенты и аспиранты – уже получили очень узкую специализацию).

В 1934 году А.Н.Рогачев впервые едет под началом П.П.Ефименко в Костенки, с которыми и связывает свою дальнейшую жизнь. М.В.Воеводский, в том же году, берет на себя руководство Окской экспедицией (1934-1936). Основная задача Окской экспедиции – «поиск и изучение палеолитических и эпипалеолитических стоянок» – последние давно являются предметом особого интереса М.В.Воеводского. В отличие от него, А.Н.Рогачев не проявляет к мезолиту никакого интереса (в свое время отказывается писать диссертацию на данную тему). Гораздо позже А.Н.Рогачев неожиданно возвращается к термину М.В.Воеводского – «эпипалеолит» и критикует термин «мезолит», связывая появление последнего с редактированием работ М.В.Воеводского А.А.Формозовым. Окская экспедиция, не успев дать значимых результатов, довольно быстро была свернута, в связи с открытием (инициатива исходила как со стороны М.В.Воеводского, так и с украинской стороны, лишившейся в годы репрессий многих своих специалистов) Деснинской экспедиции, в итоге ставшей важнейшей в недолгой жизни М.В.Воеводского. Несколько довоенных и послевоенных лет оказались чрезвычайно плодотворными. Памятники Десны должны были лечь в основу докторской диссертации М.В.Воеводского и, судя по статьям на данную тему, из этого многое могло проистечь для отечественного палеолитоведения. Кроме того, если бы не война, М.В.Воеводский заступил бы на должность зам. директора института археологии АН УССР, туда бы поступила в аспирантуру и М.Д.Гвоздовер.

Комплексность Костенковской экспедиции А.Н.Рогачева и Деснинской экспедиции М.В.Воеводского различна по существу (отличается все: задачи, традиции, личные качества руководителей).

Цель исследований М.В.Воеводского – сбор археологического материала на обширных территориях. Определение площади распространения культурного слоя на вновь или ранее открытых памятниках, посредством постановки многочисленных шурфов/траншей. Построение периодизации неолита и бронзы в Подесенье, «Установление четкого соотношения между стадиями развития палеолита и стадиями четвертичного периода, особенно с ледниковыми явлениями». Составление археологических карт было следствием планомерного исследования районов с изучением памятников любого времени, будь то Липинское городище или Авдеевская стоянка. Осуществление этих задач требовало специалистов разного профиля. Организаторские способности М.В.Воеводского здесь

проявились в полной мере. Мобильный, слаженный, пестрый по составу коллектив то объединялся для выполнения неотложных задач (аварийные раскопки Авдеево в 1948 году), то распадался на отдельные узкоспециализированные отряды.

Обнаружение многослойных палеолитических стоянок: Костенки I, Тельманская и Александровка в одном районе рано определило круг научных интересов А.Н.Рогачева. Он считал необходимым ограничиться полевыми работами в Костенках, разрабатывая стратиграфию памятников начала верхнего палеолита на костенковских материалах. Одержимость А.Н.Рогачева новыми идеями (геохронология и периодизация верхнего палеолита), идущими в разрез с общепринятой точкой зрения, сочетались у А.Н.Рогачева с категоричностью в оценках. Это не способствовало плодотворному взаимодействию с «инакомыслящими», хотя его выпады и были направлены, главным образом, против двух его ближайших коллег — учителя П.П.Ефименко и соратника П.И.Борисковского.

Мобильная перемещающаяся экспедиция М.В.Воеводского создавала необходимость в обучении студентов и аспирантов. Напротив, в стационарной экспедиции П.П.Ефименко/А.Н.Рогачева имело смысл повышать квалификацию местных рабочих, а не меняющихся из года в год студентов (студенты стали постоянным элементом экспедиции только в начале 70-х годов, когда для этого появились средства). Кроме того, А.Н.Рогачеву по душе больше были крестьяне, а не имеющие практических навыков — студенты и городские подростки.

Вопросы, связанные с геохронологией встали перед М.В.Воеводским и А.Н.Рогачевым одновременно (открытие многочисленных местонахождений в Пушкарях — 1937-1940 гг., совпало с установлением /с 1938 года/ многослойности ряда костенковских стоянок). Итоги работ Деснинской экспедиции демонстрировались членам Советской секции АИЧПЕ в 1939 году, а итоги Костенковской экспедиции (А.Н.Рогачева на это время вызывают из армии) — в мае 1941 года.

Экспедиция М.В.Воеводского, как ранее Б.С.Жукова, стремилась поддерживать контакты с геологами (Г.Ф.Мирчинк, В.И.Громов, А.И.Москвитин). Если М.В.Воеводский сотрудничал с самым «главным четвертичником» СССР, лауреатом Сталинской премии В.И. Громовым, то А.Н.Рогачев работал совместно с тогда еще аспирантами Г.И.Лазуковым и А.А.Величко. Позже, в 1955 г. вместе с А.Н.Величко, А.Н.Рогачев посетит Десну, главный район работ и В.И. Громова, и М.В.Воеводского. Известно, что А.Н.Рогачев любил

геологию (во многом благодаря воронежскому геологу Д.Д.Леонову), он охотно сотрудничал с М.Н.Грищенко, но позицию В.И.Громова отвергал еще по работам В.И.Громова в ГАИМКе, несмотря на положительное мнение П.П.Ефименко о нем. В.И.Громов был стадиялист: «геологически синхронные памятники-синстадиальные». Этот тезис В.И.Громова неминуемо ставил его в ряды оппозиционеров А.Н.Рогачева.

В распоряжении М.В.Воеводского еще не было материалов, позволявших поставить под сомнение существующую периодизацию верхнего палеолита (что не помешало ему создать геологическую шкалу палеолита Восточной Европы). Но были данные, на основе которых он значительно усложнил представления о мезолите (отказался от своей концепции о единой свидерской стадии и выделил в Восточной Европе культурные зоны, области и отдельные культуры). М.В.Воеводского трудно представить воинствующим стадиялистом, но и антистадиялистом он вряд ли бы стал.

Отношение А.Н.Рогачева к П.П.Ефименко и П.И.Борисковскому нетрудно понять по его публикациям. Но как относился М.В.Воеводский к главе советского палеолитоведения – нельзя извлечь из его работ. Оно известно лишь из рассказов современников. То же можно сказать и об отношении М.В.Воеводского к В.А.Городцову (ставшем знаменем для А.Н.Рогачева) взглядов которого, даже если бы он «не наступал на пятки» молодому М.В.Воеводскому, «жуковец» М.В.Воеводский не принимал.

В.Воеводский заметил первую статью А.Н.Рогачева об Александровской палеолитической стоянке (1940), А.Н.Рогачев практически не упоминал в своих работах М.В.Воеводского.

А.Н.Рогачев и М.В.Воеводский прекрасно знали кремень, но типология как метод (в отличие от А.Н.Рогачева) не была сильной стороной М.В.Воеводского. Методику раскопок М.В.Воеводский унаследовал от Б.С.Жукова. Также копал и П.П.Ефименко 20-е годы (см. раскопки Супонева 1926 г.). Лишь с начала 30-х годов, в попытке найти жилище/землянку в Костенках 111, П.П.Ефименко начал вскрывать значительные площади и уделять особое внимание ямам и землянкам. А.Н.Рогачев продолжил/развил эту манеру исследования. Он критически подошел к М.В.Воеводскому, применявшему «последовательно и полно уничтожается культурный слой». М.В.Воеводский стоял за натуральный разрез (против которого резко выступал А.Н.Рогачев), получаемый, правда, весьма своеобразным способом. Реальность же была такова, что большие площади вскрывал и М.В.Воеводский, а

А.Н.Рогачев копал и маленькие раскопы\шурфы. М.В.Воеводскому не была чужда проблема установления рельефа древней дневной поверхности или взаимосвязи предметов в культурном слое (см. статью «Рабочий Ров»). Здесь он был впереди других, поставив вопрос о ремонте раньше Запада.

Имена М.В.Воеводского и А.Н.Рогачева связало Авдеево, хотя, волею обстоятельств судьба памятника сложилась неудачно. Пытаясь заполнить хиатус, М.В.Воеводский искал в районе Сейма, месте «между днепровским и донским ледниковыми языками» памятники позднего мустье и раннего ориньяка, а нашел «классическое солютре», да еще, как казалось вначале, в переотложенном состоянии. Ошибка была понята, но раскопки 1948 года уже осуществлялись специалистами разного профиля при отсутствии общего руководства (М.В.Воеводский болен, М.Д.Гвоздовер отсутствует). В 1949 году А.Н.Рогачев был направлен ИИМК(ом) на исследование стоянки. Выполнив задание добросовестно и по возможности быстро, А.Н.Рогачев устремился к волнующим его многослойным памятникам Костенок.

Внешние обстоятельства, идеологический прессинг, мнение большинства или влиятельного меньшинства подчас определяют нашу позицию в том или ином вопросе. Сравнение двух крупных и совершенно разных фигур – М.В.Воеводского и А.Н.Рогачева показывает, что в любых условиях остается возможность выбора своего собственного пути. М.В.Воеводский не был услышан, его достижения были подхвачены и развиты уже другими авторами. Борца, новатора – А.Н.Рогачева трудно было не заметить. На многие годы он стал неформальным лидером отечественного палеолитоведения.

В.В. Попов

ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11

Многослойная верхнепалеолитическая стоянка Костенки 11 (Аносовка 2) расположена на оконечности срединного мыса Аносова лога. Она является типичным памятником Костенковско-Борщевского района как по геоморфологии местонахождения, так и по стратиграфии залегания культурных остатков в склоновых отложениях второй террасы балки, сопряженной с аналогичной террасой Дона. Под современной почвой, в толще суглинка серо-коричневого залегают 16,

Ia, II и III культурные слои. В верхней гумусированной толще находятся культурные остатки IV и V слоев. В нижнем гумусе под прослойками вулканического пепла найдены отдельные культурные остатки. В отложениях северного склона мыса, в суглинке гумусированном, залегает культурный слой – Северный пункт.

Памятник открыт А.Н.Рогачевым в 1951 г. Тогда расчистили современную хозяйственную яму, разрушившую культурный слой. Рядом с ней заложили шурф 4x2 м, где «... обнаружено большое скопление костей в основании которого плотным рядом залегают десять нижних челюстей мамонта, при этом все зубами вниз ... Нет сомнения в том, что здесь имеются остатки какого-то искусственного сооружения» (Рогачев, 1953, с.15). В 10 м к югу в двух шурфах открыт второй культурный слой.

Материалы исследований 1951 года позволили А.Н.Рогачеву высказать предположение о существовании здесь двух различных по культуре остатков поселений: на северном склоне мыса – пункт «а»; на гребне и южном склоне – пункт «б». Первый, по составу кремневого инвентаря и скоплению костей мамонта, близок к стоянке Костенки 2; культурные остатки второго, по мнению А.Н.Рогачева, близки к заполнению длинных жилищ Костенок 4 (Рогачев, 1957, с.97).

Так была открыта пятая в Костенках многослойная стоянка. Материалы, собранные здесь, явились дополнительными аргументами в пользу предположений А.Н.Рогачева о необходимости положить в основу археологической периодизации геологическую стратиграфию. Оба слоя заняли свое место в схеме относительной древности стоянок Костенковско-Борщевского района (Рогачев, 1953, с.53; 1955, с.158).

В 1956, 1960 годах на южном склоне мыса исследовались, залегающие один над другим в толще суглинка лессовидного, Iб II, III культурные слои, а также IV слой в верхней гумусированной толще. Второй слой был представлен остатками жилища аносовско-гмелинского типа (южное). В 1960-1966 годах на северном склоне изучались остатки первого жилища Ia слоя, аносовско-мезинского типа и подстилающее его северное жилище II слоя. В 1970 году вскрыт сегмент второго жилища Ia слоя. В 1968 – 1970 годах на этом же склоне, вблизи от дна балки, исследовались культурные остатки Северного пункта памятника.

В разные годы на территории стоянки вскрыто 48 шурфов. В двух из них, в северо-восточной части мыса, в основании верхнего гумуса, обнаружены культурные остатки V слоя. Всего за 16 полевых сезонов вскрыта площадь 625 кв.м.

В 1960 году, во время исследования костно-земляного жилища Ia слоя, у А.Н.Рогачева возникла идея строительства музея, в котором бы сохранялись и экспонировались в расчищенном виде остатки жилища. Над раскопом построили павильон из досок. Одновременно это явилось началом эксперимента по его сохранению в качестве археологического документа. В 1967 году было начато, а в 1979 закончено строительство здания музея.

Характерные особенности многослойной стоянки: стратиграфия и планиграфия, коллекции каменного инвентаря, остатки поселений с жилищами, музеефикация и строительство здания музея определило методику исследований Костенок 11. Несмотря на то, что изучено менее 10% предполагаемой площади памятника, все же есть достаточно ясное представление о двух жилых комплексах поселения Ia культурного слоя, его основных структурных элементах. То же самое можно сказать и об остатках поселения, состоящего из двух жилищ аносовско-гмелинского типа второго культурного слоя.

Исследование остатков жилищ Ia слоя позволило А.Н.Рогачеву убедительно обосновать наличие в их конструкции значительного количества насыпной земли, определить роль костей мамонта в постройке, распознать конструктивные группы костей, ввести в археологию термин «жилища аносовско-мезинского типа».

Коллекции каменного инвентаря I и V слоев, содержащих треугольные наконечники, послужили основанием для предположения о длительном времени существования традиций стрелецкой культуры.

Музеефикация памятника и строительство здания музея определило некоторые особенности методики исследований. Основная проблема заключалась в соотношении между стремлением к максимальной изученности объекта и его сохранением в качестве музейного экспоната. В соответствии с этим производились исследования первого костно-земляного жилища: сохранение всей конструкции и каждой отдельной кости *in situ*, при максимальной их расчистке; изучение внутреннего заполнения жилища только на участках свободных от костей конструкции и т. д. Раскопки второго жилища производились лишь в той мере, которая дала возможность убедиться в аналогичности построек и в то же время сохранить объект для будущего.

В пределах раскопа в здании музея оставлена нерасчищенной юго-западная часть северного жилища II слоя. Расчистка этого сектора и экспонирование, залегающих друг над другом остатков жилищ разных типов, позволит реально представить хронологический промежуток между их существованием и разнообразие форм выражения

материальной культуры. С этой же целью в южной половине здания музея сохраняются нерасчищенные остатки Iб, II и III культурных слоев, залегающих друг над другом. В соответствии с расположением объектов, предполагаемых к экспонированию, было составлено плановое задание при проектировании здания музея.

В.И. Беляева

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ ПУШКАРЕЙ I

Каменная индустрия Пушкарей I представлена на пяти самостоятельных участках стоянки (ПІЗ-Б,II,V; ПІЗ-М,V; ПІЦ-Г,VII; ПІЦ-Р,I,III,VI; ПІВ-IV).

Единство индустриального набора памятника выражено в особенностях расщепления, в общем категориальном списке изделий, основных типологических группах и приемах вторичной обработки. Общим можно назвать и способы отношения к материалу — использование сырья, сколов, заготовок, орудий. Эти традиции были здесь совершенно иными, чем, например, в памятниках костенковского круга. Содержание основных категориальных групп Пушкарей I чрезвычайно разнообразно. Их морфологическая мозаика выстраивается не в дискретные типологические группы, а в цепочки разнонаправленных связей, некоторые из которых уходят за рамки исходных категорий.

Контекстом индустрии Пушкарей I является собственная сырьевая база стоянки. Выходы мелового кремня широко распространены в меловых толщах деснинского правобережья. Неоднородность кремневых стяжений, выраженная пятнистостью поверхности скола, делает его уязвимым при перепадах температур. Естественное расщепление отдельностей кремня начиналось со времени их попадания в культурный слой и продолжается до сегодняшнего дня.

Собственная сырьевая база не являлась внешним фактором для окружающих ее обитателей. В том случае, когда культура формировалась в ином естественном окружении, близость сырья не создавала традицию, но влияла на нее. Такова, вероятно, природа особенностей индустрии Зарайской стоянки. Ее кремень имеет яркие костенковские традиции, но выражены они своеобразно. В Пушкарях, входящих в круг Деснинских памятников богатых сырьем, близость их

источников могла сыграть значительную роль в формировании самой традиции расщепления и формообразования.

Кремень присутствовал на стоянке в двух основных разновидностях – желвачной и плитчатой. На западных участках ((ПІЗ-Б,II,V; ПІЗ-М,V) количественно значительно преобладал желвачный кремень, на центральных (ПІЦ-Г,VII; ПІЦ-Р,I,III,VI) – плитчатый. Доказательством тому являются не только желваки, нуклеусы, технические сколы, но в некоторых случаях и заготовки и орудия.

Плитчатый кремень имел хорошую фактуру, его размеры достигали 30 см, обычная толщина торца около 2 см. Подготовка плитки давала немного технических сколов и они хорошо определены – это укороченные очень широкие отщепы с параллельными корочными кромками дистального и проксимального концов. Взаимное расположение корочных кромок определяет угол разворота фронтальной поверхности нуклеуса при его формировании на плитке.

Желвачный кремень был более сложным сырьем. Желваки неправильной формы с кавернами и выростами зачастую имели «скрытые» дефекты и были оставлены в крупных отдельностях и сколах. Тщательная начальная обработка желвака оставляла массу первичных сколов более грубых, чем отщепы. Остатками такого расщепления заполнены площадки участка с малым жилищем (ПІЦ-Г,VII). Обработка желвака велась очень скупно, только со стороны ударной площадки и фронтальной поверхности.

Морфологическое разнообразие большей части нуклеусов основывалось на простом приеме разворота исходной поверхности скалывания. Этот прием свойственен как желвачным, так и плиточным нуклеусам. Рабочий торец плитки скашивали относительно боковых корочных поверхностей широкими короткими, но массивными ребристыми сколами. Угол скоса был не менее 60 градусов. Пластины, снятые с торца переходили на боковую поверхность плитки, таким образом, их ширина и массивность не лимитировались размерами ее торца. Собственно торцовых пластин единицы, они массивны, их края захватывают корочные поверхности плитки. Такие пластины скорее могут быть названы фронтальными сколами. Крупные пластины (6-8см) снятые с плитчатых нуклеусов часто имели подпрямоугольные очертания с характерной линейной кромкой дистального и проксимального концов. В коллекции из раскопа М.Я.Рудинского (ПІЦ-Р,I) пластины такого вида представлены сериями.

По мере раскалывания плиточный нуклеус увеличивал количество торцовых поверхностей и площадок. Они были параллельны, реже конвергентны друг другу.

Желвачный нуклеус развивался также – от распространения поверхности снятий к увеличению числа ударных площадок и изменению направлений новых рабочих поверхностей. В процессе расщепления не происходили кардинальные перестройки нуклеуса. Расширение поверхности расщепления делали с помощью одностороннего ребристого скола. В некоторых случаях построение торцевой поверхности на желваке создавалось с помощью уплощения обеих боковых сторон нуклеуса. Тыльная сторона нуклеуса не обрабатывалась вовсе, чаще всего она была покрыта желвачной коркой. В некоторых случаях, сложная форма желвака предопределяла создание двух, сходящихся друг к другу под углом рабочих поверхностей. Вероятно, успех этой формы состоял во взаимном формировании соприкасающихся дистальных кромок.

Работы последних лет на центральном участке стоянки (раскол VII) дали группу «радомышльских» нуклеусов. Они образованы на крупных желваках правильной удлиненно-овальной формы. Нуклеусы сформованы широкими негативами рабочих сколов, которые создают уплощенную поверхность расщепления.

Основным сколом-заготовкой в Пушкарях I являлась пластина. К заготовкам мы относим тот серийный материал, который дает расщепление нуклеусов. Таким образом, большая часть заготовок не имела вторичной обработки, а орудие могло быть сделано на техническом сколе, отщепе, нуклеусе и т. д. Заготовки Пушкарей включают две не равные группы – крупные пластины от 8 см и более см и, пластины от 5 и менее см., которые обычно называют пластинками.

Крупные пластины представлены двумя разновидностями – большей частью это узкие, относительно массивные т.н. деснинские пластины. Другие, более широкие и плоские пластины были хорошо представлены в группе т.н. симметричных острий. Узкие пластины имеют серийный облик за счет четких пропорций, правильности форм и повторения линейного контура концов. При вторичной обработке они изменяли конфигурацию концов, не меняя всего рельефа поверхности. Широкие пластины большей частью известны среди крупных острий. Они претерпевают значительные изменения рельефа и контура.

Группа мелких пластин (от 5 см) многочисленна и разнообразна. Она засорена тонкими уплощенными сколами, имеющими пластинчатый контур. Это обычное явление для многих стоянок с пластинчатой индустрией. Такие сколы имели облик пластин, но не получались в процессе расщепления нуклеуса, скорее, всего они были результатом его подправки. Вся группа мелких пластин служила основой для массового орудийного набора. Здесь почти нет

прямоугольных форм, напротив, точечные проксимальные концы соответствовали приостренным дистальным. Многочисленные мелкие острия требовали минимальной вторичной подправки. Мы, вслед за П.И.Борисковским, предполагаем, что заострение дистального конца этих пластин, зачастую, специально создавалось на нуклеусе.

Вторичная обработка изделий не отличалась особенной спецификой. Представление о том, что в Пушкарях широко представлена притупливающая ретушь не верно. Ошибка построена на замене слова «затупливающая», примененным П.И.Борисковским, на «притупливающую». «Затупливающая» ретушь соответствует современному определению «крутая». Крутой ретушью (70-50°) создана большая часть орудий. Для мелких форм это крутая ретушь кромок, для крупных – формирование острижных и скребковых лезвий. Острия, крупнее 5 см создавались смешанной техникой ретуширования. Перо, как правило, имело более крутую ретушь, чем край. Одна из самых распространенных форм острия – с усеченным концом, создавалась крутой ретушью. Плоская ретушь, формирующая поверхность орудия, применялась на отдельных предметах и не характеризует традицию обработки. Тоже можно сказать о вентральном ретушировании, которое использовалось только при формировании овального основания острий. Техника резцового скола присутствует, но резец составляет менее 5% от всех орудий. Такая ситуация противоречит традициям всего деснинского верхнего палеолита, но вполне объяснима с позиции фракционной типологии.

Техника плоских пластинчатых снятий, известных на костенковских орудиях, присутствует здесь не более чем на двух десятках предметов. Эти скупые неразвитые формы не имеют ничего общего с костенковскими ножами.

Орудийный набор Пушкарей I, представлен тремя основными ипостасями – орудиями на крупных пластинчатых формах, – миром мелких и морфологически простых пластинчатых изделий, – орудиями, выходящими за пределы пластинчатых традиций, т.е. изделиями на крупных желвачных отдельностях, первичных сколах, нуклеусах, отщепах.

Основу первой группы орудий составляют крупные острия, являющиеся типологическим лицом памятника. Морфологическое разнообразие группы основано на нескольких базовых формах: 1-острия на сколах и пластинах имеющих естественный острижный конец. Форма орудия полностью зависит от формы скола и не изменяется вторичной обработкой. Небольшое приострение делается на самом кончике орудия; 2-острия созданные приемом усечения конца. Это самая

массовая форма орудий. Усечение осложняется и дополняется другими морфологическими элементами – вогнутостью и выделением кончика острия, увеличением угла скошенности, краевой ретушью одного из краев. Усечение острия является, вероятно, не только морфологическим, но и функционально возникающим элементом. Кромка косо́го усечения намечается, зачастую, как вторичное, функциональное проявление на остриях других морфологических групп; 3-острия краевые созданы ретушью края без контурного отделения кончика острия. Ретушированный край может иметь разную степень выпуклости, захватывать весь край или только его острийную часть. Ретушь может быть крутой (~70°) и пологой (~30-40°). Именно такие острия дополняются овальной, скребковой обводкой основания. Группа мелких орудий такого рода обычно называются азильскими остриями; 4-симметричные острия. Симметричность их номинальна, она традиционно связана с обработкой острия по двум краям. Самую известную разновидность острий составляют двухконечные орудия на крупных пластинах. Особенность их формы основана на отраженной асимметрии изгибов краев. Именно в этой группе проявляется переход от острийного конца к стрельчатому, с возрастающей овальностью кончика. Двухконечные острия дают сочетание острого и стрельчатого, острого и скребковидного концов.

Грубость представленной группировки, ее ограниченность дает представление об основных тенденциях образования формы острий. Разнообразие проявлений и незначительность их динамических изменений выражает, вероятно, традицию, основанную на кремневом изобилии.

Крупные скребковые формы являются столь же показательными, как и острия. Два вида скребков имеют, возможно, разное морфологическое начало и объединяются искусственно. Стрельчатые скребки, часто высокие, являются яркой типологической группой индустрии. Особенность их формы в заведомом сужении скребкового конца. Обычные скребковые лезвия располагаются в самой широкой области заготовки, на дистальном ее конце. Здесь все наоборот.

Вторая группа скребков является чрезвычайно упрощенной – это скорее создание ретушью овала на конце пластины или выпуклости усечения конца. Такие скребковые формы редко бывают самостоятельными, они оформляют основание пластинок и острий. Именно они свойственны группе орудий на мелких заготовках.

Группа орудий мелких форм включает разновидности уже перечисленных. В ней лишь нет симметричных острий с уплощенной

ретушью и высоких стрельчатых скребков. Ведущими орудиями группы являются азильские остря, наконечники с выемкой и микропластинки с притупленным краем. Наконечники с выемкой, не более 10 экземпляров, составляют с острями стоянки Погон типологически выраженную группу, которая далека от костенковско-гагаринских аналогий. Микропластинки являются типичными прямоугольниками, однако ретушь края и концов скорее крутая, чем притупливающая.

Группа изделий на не стандартных заготовках состоит из орудий на крупных отщепах, т.н. «бритв», желваков и сколов с элементами формообразования, массивных клювовидных орудий на нуклеусах и скребел на нуклеусах и крупных сколах. Эта группа орудий основана на предметах первичного расщепления, что придает ей архаический облик.

Культурная оценка индустрии Пушкарей не может лежать вне пространства памятников Днепровского бассейна. В ней нет граветтийских или костенковских традиций. Ближайшие аналогии составляют стоянки Клюссы, Погон, Радомышь. Общий типологический облик кремневого инвентаря памятника напоминает начальную стадию мадлена Западной Европы.

L. Iakovleva, F. Djindjian

LES NOUVELLES RECHERCHES SUR LE SITE DE GINSY (GONTSY) DANS LE CONTEXTE DES RECHERCHES ANCIENNES ET ACTUELLES SUR DES HABITATS DU BASSIN DU DNIÉPR SUPERIEUR ET MOYEN DEPUIS PLUS D'UN SIECLE

Introduction

Le bassin du Dniepr supérieur et moyen, avec ces grands et petits affluents, est l'un des territoires européens de la grande plaine, où ont été révélés des habitats avec une structure complexe bien connue, construite avec un grand nombre d'os de mammoths. Les recherches, qui ont été menées dans ce territoire depuis déjà plus d'un siècle, nous rappellent, à l'occasion du centrentième anniversaire du commencement des fouilles paléolithiques en Europe orientale, toute la complexité et la particularité des recherches menées sur le terrain dans ce type d'habitat. Plusieurs hypothèses bien connues, qui sont toujours en cours de discussions, ont confirmé l'importance des fouilles programmées de longue durée actuellement en

cours dans ce type d'habitat avec toute l'importance apportée à l'enregistrement des bases de données, d'études diverses sur la culture matérielle, avec les dernières méthodes modernes, mais aussi de la comparaison et de la cohérence possible des données des fouilles anciennes avec les données des nouvelles fouilles. L'importance particulière des fouilles modernes est soulignée également par la nécessité de compléter les bases de données ^{14}C AMS à partir d'échantillons prélevés pendant les fouilles suivant une procédure stricte, dans un endroit bien localisé et dans un contexte archéologique précis.

1. La détermination chronologique des habitats en os de mammoths du bassin du Dniepr d'après les données ^{14}C AMS

Il existe actuellement une grande série des datations ^{14}C conventionnelles, qui ont été réalisées à l'occasion des fouilles de plusieurs sites et qui ont été complétées avec des échantillons d'objets des fouilles anciennes, qui ont été sélectionnées dans les collections des dépôts de fouilles et des musées. Cette base de données de dates ^{14}C conventionnelles a été complétée plus récemment avec des dates ^{14}C AMS, qui ont été agrégées en un seul corpus. En conséquence, la fourchette de la série de ces datations des sites du bassin du Dniepr est trop large, entre 21 000 BP et 12 000 BP, et ne traduit probablement pas réellement l'installation de peuplements dans ce territoire pendant une période du temps aussi vaste, mais plutôt l'existence de méthodes variées de prélèvement des échantillons, de traitements chimiques et de techniques de mesure conventionnelles du ^{14}C selon les laboratoires. Ce corpus de datations compris entre 21 000 BP et 12 000 BP a été discuté sous différents points de vue méthodologique, géologique, géomorphologique, climatique et surtout archéologique par plusieurs chercheurs (Abramova, 1995; Abramova et Grigorieva 1997; Djindjian, 1998; Iakovleva 1998; Iakovleva et Djindjian, 2001; Kozlowski, 1999; Sinitsyn, Praslov & al., 1999; Velitchko & alii, 1999). La constitution d'un corpus de datations ^{14}C AMS, qui doit toujours être complété par de nouveaux échantillons, révèle que l'installation des peuplements dans le bassin du Dniepr supérieur et moyen avec des habitats en os de mammoths est concentrée entre 15 000 BP et 13 500 BP ce qui correspond bien à la période du Magdalénien moyen localisé d'Europe occidentale jusqu'en Pologne.

La réalisation d'une série des datations ^{14}C AMS dans le même site, faite de façon systématique après chaque saison de fouilles dans les différentes zones fouillées, permet de fournir une séquence de dates de référence qui permet de discuter la validité et la précision de dates anciennes et en nombre insuffisant réalisées sur d'autres sites de la même période. A

Gontsy, les nouvelles fouilles effectuées sans interruption depuis 1993 ont permis d'effectuer les prélèvements d'échantillons pour les datations, choisis suivant un procédé systématique d'échantillonnage dans les différentes structures spatiales fouillées du site. Les échantillons ont été pris dans les principales éléments de la structure d'habitat : cabane, fosse, zone de vidange et aussi dans les zones d'activités dans les paléoravines. Ce choix des échantillons a permis de dater l'ensemble du gisement excavé jusqu'à ce jour. Pour un site occupé à deux reprises, d'après les données microstratigraphiques, la série des 11 datations ^{14}C AMS réalisées par le laboratoire d'Oxford, a mis en évidence une datation du site entre 14 670 BP et 14 110 BP (Iakovleva & Djindjian, 2001). Cette chronologie peut être comparée avec celle des cinq datations d'objets des fouilles V. I. Sergin des années 70, qui ont été faites dans la zone de la cabane et de ses fosses adjacentes, entre 13 200 BP et 14 600 BP, dont une seule date AMS à 14 600 BP. En conclusion, les datations récentes ^{14}C AMS du site de Gontsy montrent que la plupart des dates des sites du bassin du Dniepr moyen sont probablement situées autour de 14 500 BP, ce qui permet de considérer Gontsy comme un site de référence pour la chronologie des sites du Paléolithique supérieur récent d'Europe orientale.

2. Les structures d'habitat en os de mammoths de type Anosovka-Mezine du bassin du Dniepr supérieur et moyen

Dans les habitats construits en os de mammoths du bassin du Dniepr, l'existence d'une structure d'habitat a été découverte et reconnue pour la première fois à Mezine et à Mejrliche, par I.G. Chovkopllass et I.G. Pidoplitchko. C'est A. N. Rogatchev qui a révélé pour la première fois la ressemblance avec les structures d'habitat du bassin du Don moyen des sites de Kostienki 11-Anosovka, niveau Ia et de Kostienki 2 et proposé l'existence d'un type d'habitat qu'il a appelé dite « Anosovka-Mezine » (Rogatchev, 1962; Rogatchev et Popov, 1982; Rogatchev et Anikovitch, 1984; Boriskovski et Dmitrieva, 1982).

Cette structure d'habitat connue dans le bassin du Dniepr, notamment à Mezine, Dobranichivka, Gonsy, Ioudinovo et Mejrliche, a été mise en lumière de façon détaillée grâce à des fouilles de longue durée, qui ont permis de montrer néanmoins certaines particularités propres à chaque site (Abramova, 1995; Abramova et Grigorieva, 1997; Gladkich & Kornietz, 1979; Chovkopllass, 1965; Iakovleva & Djindjian 2000, 2001; Iakovleva, 2000; Pidoplitchko, 1969, 1976; Levitskii, 1947; Sergin, 1981).

La structure d'habitat de type Anosovka-Mezine est organisée autour d'une cabane circulaire ou ovale, construit en os de mammoths, avec ou sans foyer intérieur. La reconstitution de ce type d'habitation,

comme architecture monumentale avec ses procédés répétitifs et ses éléments architecturaux majeurs, laisse beaucoup de questions, en suspens; qui ne peuvent être résolues qu'avec des méthodes sophistiquées de reconstitution en trois dimensions.

Ces cabanes sont entourées de grandes fosses essentiellement remplies d'ossements de mammouths et d'autres animaux. A proximité de chaque cabane, se trouvent également des zones cendreusees mélangées avec des artefacts en silex taillé, dont l'origine est liée à l'habitation (vidanges d'activités à l'intérieur ou à coté de la cabane).

En plus de ces structures communes, certaines variations existent, qui se traduisent par des éléments architecturaux propres à chaque cabane, la localisation et le nombre de foyers à l'intérieur de la cabane, le nombre et la position des fosses et des zones cendreusees autour de la cabane.

Ce type de structure d'habitat est connu avec un maximum de quatre cabanes à Ioudinovo, Mejiriche et Dobranichivka. Néanmoins, il faut préciser, que ce nombre maximum d'habitation en os de mammouths dans un site ne peut pas être considéré comme définitif, puisque le site Dobranichivka est perdu en partie à cause de travaux routiers et que les sites de Ioudinovo et de Mejiriche sont toujours en cours d'étude. Cependant, l'interprétation du site de Mezine, comme habitat de cinq cabanes en os de mammouths (Chovkopllass, 1965) mais aussi celle avec deux cabanes (Sergin, 1987) peuvent être toujours discutées, du fait de l'insuffisance et de la contradiction des données des documents des fouilles du début du XXe siècle comme cela a été signalé à plusieurs reprises. En fait, seule l'habitation n°1, qui a été fouillée dans les années 50-60, a révélé de façon précise une partie de la structure d'habitat de Mezine (Chovkopllass, 1965). Ce type de sites a révélé également des vestiges d'autres constructions réalisées en os de mammouths, comme la construction murale mise à jour à Mezine par I.G. Chovkopllass et plus récemment des constructions de taille plus petite, à Gontsy, en cours d'études.

3. Le site de Gontsy (Ginsy) dans le contexte de son environnement

Le site du paléolithique supérieur de Gontsy est situé dans la région de Poltava, près de Lubny, sur la rive droite de la rivière Udaï, près des villages de Ginsy et de Douhové. Le site est situé sur un versant de l'Udaï, sous une ancienne terrasse, sur un promontoire découpé par les lits de deux ravines qui descendent du plateau, à 1200 mètres de distance et à une douzaine de mètres environ au-dessus du lit actuel de la rivière.

Le site est connu dans la littérature par l'existence d'une cabane de type Anosovka-Mezine, semblable à celles Dobranichivka, Mezine et

Mejiriche dans le Dniepr moyen, Découverte par V.M. Scherbakivski et laissée partiellement in situ, la cabane a été retrouvée et relevée par I.F. Levitskii et ensuite encore une fois a été retrouvée, démontée et publiée avec des précisions apportées dans le processus de démontage de la cabane et aussi complétées par les fouilles des fosses entourant la cabane par V.I. Sergin (Sergin, 1981, 1983). Mais le site a révélé bien d'autres zones, telles que celles découvertes au cours des fouilles dirigées par I.F. Levitskii en 1935. Celles-ci ont reçu des interprétations différentes et contradictoires dans les articles publiés d'une part par I.F. Levitskii (Levitskii, 1947) et d'autre part par A. I. Brussov (Brussov, 1940).

La nécessité de fouiller les différentes zones, en suivant la géomorphologie du versant pour une reconstitution et une validation complète du site, est bien démontrée par les résultats des fouilles programmées de longue durée menées depuis 1993 sur le site de Gontsy (Iakovleva et Djindjian, 2001). Pour la première fois, grâce à des décapages micro-stratigraphiques successifs des différentes zones du site, les structures d'habitat ont été mises en relation avec les différentes zones d'occupation de l'ensemble du site, son environnement et la géomorphologie du versant de la vallée.

L'existence deux niveaux d'occupations, bien conservés et faciles à suivre parce qu'encadrés dans un système de varves sableuses, montre l'intensité et la périodicité de l'occupation des sites de ce territoire.

Les fouilles, que nous menons, dans les différentes parties de ce vaste site en suivant avec précision la géomorphologie du terrain, ont permis de mettre en évidence, qu'autour des structures d'habitat et occupant totalement le promontoire se situent des zones de rejets et de vidanges caractéristiques bordant les zones d'activités autour des structures d'habitat. Sur les bords et les pentes des ravines largement évasées à ce niveau, se trouve une nappe d'ossements très riche composée d'ossements de mammoths, de rennes, de bisons, de petits carnivores avec une dominance nette pour les ossements de jeunes mammoths dans les zones actuellement fouillées. Une caractéristique importante des niveaux de cette nappe d'ossements est la présence de foyers et d'artefacts lithiques, associés avec les ossements. Ces nappes d'ossements sont encore en cours d'études, mais on peut mentionner, que sans les fouilles actuelles couvrant la globalité du site, aucune reconstitution globale du site de Gontsy ne pourrait être effectuée. Les découvertes des ces zones à Gontsy montrent l'importance de connaître les environs immédiats des habitats de type Anosovka-Mezine, qui sont encore à établir. Celles-ci rappellent l'importance des découvertes faites dans les zones voisines des deux habitations en os de mammoths de Ioudinovo (Abramova et Grigorieva, 1997, Grigorieva, 1997) et aussi dans

les larges zones fouillées au fond de la paléoravine à Mezine (Chovkoplass, 1965).

4. Distribution spatiale de l'outillage lithique dans les différentes zones du site de Gontsy et principales caractéristiques de l'industrie lithique d'après les fouilles récentes.

La répartition spatiale des distributions des artefacts lithiques peut s'observer dans les zones de vidanges et de dépotoirs situées à l'est de la cabane. Un premier rejet peut être mis en évidence sur une zone d'environ 10 m². Un second rejet semble apparaître sur une zone de 1 m². Un micro-amas d'esquilles de façonnage trouvé là l'ouest de la cabane traduit également le geste spectaculaire d'un rejet de façonnage effectué sur une peau à l'intérieur d'une cabane. Dans la couche supérieure, a été découvert en 1995 un amas groupé de 66 éclats, lamelles et esquilles, résultant du débitage d'un seul nucleus, dont le résidu n'était pas présent. Dans la zone située au nord de la cabane, des structures de concentrations d'artefacts en silex ont été trouvées : amas d'esquilles de retouche, concentrations d'outils liées à une activité particulière du niveau inférieur, rejets de taille de silex mélangés à des vidanges de foyers du niveau supérieur.

La matière première de l'outillage lithique est constituée principalement d'un silex translucide noir, d'origine locale, qui représente 80% du silex utilisé sur le site et 65 % des outils. Les autres matières premières sont d'origine allochtone : un silex noir mat avec des inclusions chocolat, qui représente 3 % du débitage total et 12% de l'outillage total. Il existe également, mais beaucoup plus rares, d'autres matières premières d'origine allochtone et des calcaires silicifiés d'origine locale. Le cristal de roche est exceptionnellement présent. Dans le niveau supérieur, seuls le silex noir et le silex noir chocolat sont présents.

Dans le niveau inférieur, des différences apparaissent dans la répartition des artefacts selon les zones considérées. Les activités de débitage génèrent environ 80% de déchets, représentés par des esquilles, cassons, petits éclats, microlamelles, chutes de burins, et des intermédiaires de débitage comme des lames et lamelles à crête, des tablettes de ravivage, des éclats d'épannelage, des résidus ou fragments de nucleus. Lames, lamelles et éclats laminaires ne représentent que 20 % des artefacts. Cette répartition statistique s'observe à Gontsy dans l'amas du niveau supérieur. Dans la zone d'activités et dans la zone de rejets qui ont des structures statistiques voisines, cette répartition s'observe également mais avec en outre 5% d'outils ce qui traduit simplement le fait que dans la zone d'activités sont présents des activités de débitage et des activités autres utilisant des outils en silex et en os. Dans la zone des bords et des versants de la ravine, par contre,

supports laminaires (lames, lamelles, éclats laminaires) et outils représentent 70% des artefacts montrant que dans cette zone d'activité particulière, les outils et les supports laminaires à bord tranchant ont servi de couteaux à découper la viande et les peaux.

Le débitage est un débitage plus lamellaire que laminaire avec 2,5 fois plus de lamelles que de lames. Il semble cependant n'exister qu'une seule catégorie de séquence de débitage de supports laminaires, dont la taille diminue au fur et à mesure de l'exhaustion du nucleus. La séquence de débitage est variable selon la matière première. Pour le silex noir, dominant, d'origine locale, la séquence de débitage est complète du rognon aux outils. Pour le silex noir-chocolat, d'origine allochtone, les chasseurs sont arrivés avec des outils et des supports laminaires déjà taillés.

Plus d'une centaine d'outils façonnés ont été découverts entre 1993 et 2000. Les grattoirs en bout de lame, les burins, les pièces retouchées et les lamelles à dos sont les principales caractéristiques de l'outillage. Il n'apparaît pas de différences significatives entre le matériel de la couche supérieure et celui de la couche inférieure. Les burins dominent l'outillage, principalement sur cassure et sur troncature. Les grattoirs sont des grattoirs simples en bout de lame. Les lames et lamelles retouchées et troncatures, les becs, les pièces à dos, et les fléchettes complètent l'inventaire. Les outils multiples et composites représentent le chiffre élevé de 20 % du total de l'outillage, montrant le ravivage important des outils, lié à l'insuffisance de la matière première locale.

К.Н. Гаврилов

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХОТЫЛЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

В 1969 г. Ф.М.Заверняев приступил к планомерным полевым исследованиям стоянки Хотылево II, открытой им годом раньше (Заверняев, 1974). Особенности каменного и костяного инвентаря этого поселения сразу привлекли к памятнику пристальное внимание специалистов. Интерес был вызван тем, что материальная культура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки имела явные аналогии с памятниками костенковско-виллендорфского единства, прежде всего в изделиях из бивня и кости (Заверняев, 1978). Однако особенности

кремневого инвентаря не укладывались в сложившуюся к тому времени шкалу критериев, применявшихся при характеристике стоянок единства на Русской равнине. После открытия Хотылево II характеристика единства потеряла свою стройность. Однако вопрос о культурной принадлежности Хотылевской стоянки оставался открытым.

Осмысление хотылевских материалов совпало с попытками модернизации теории археологических культур, которые были предприняты советскими исследователями в 1980-е годы. После публикации монографического исследования Гагаринской стоянки (Тарасов, 1979) и получения новых дат по ней своеобразие Хотылево II на фоне опорных памятников средней поры верхнего палеолита Русской равнины не вызывало сомнений. Проблема состояла в том, что в 1980-е годы не было разработанной терминологии для характеристики индивидуальных черт материальной культуры стоянок (Григорьев, 1998), которые, по общему мнению, являлись частью одного культурно-исторического явления.

Определения культурного своеобразия Хотылево II, которые были сформулированы Г.П.Григорьевым и М.В.Аниковичем в 1990-е гг., связаны с попытками дать характеристику Восточного Граветта в целом. Несмотря на внешние отличия, в построениях Г.П.Григорьева и М.В.Аниковича оценка специфики Хотылевской стоянки имеет одну общую принципиальную черту. Она заключается в том, что оба исследователя в своих построениях исходили из представления о Восточном Граветте как явлении с довольно жесткой иерархической структурой.

В конце 1990-х годов была предпринята новая, наиболее радикальная переоценка характеристики восточнограветтских памятников Русской равнины (Амирханов, 1998; Амирханов, 2000). Весь Восточный Граветт рассматривается Х.А.Амирхановым как некая культурная непрерывность, а не структурированная многоуровневая система (Амирханов, 2000, с. 216).

В связи с этими исследованиями вновь встает вопрос о том уровне сходства кремневого инвентаря памятников, который достаточен для выделения археологической культуры. Например, Хотылевская и Гагаринская стоянки не имеют такой типологической близости, как Костенки I/1, Авдеево или Зарайск.

Географически Хотылево II расположено между Бердыжем и Авдеево, так что искушение признать правомерность гипотезы о «влиянии» костенковско-авдеевской культуры на хотылевцев кажется непреодолимым. Однако это может случиться при двух условиях. Первое из них состоит в согласии с тем, что памятники, входящие в

костенковско-авдеевскую культуру, составляют «ядро» Восточного Граветта. Второе – в том, что павловская и костенковско-авдеевская культуры (или, по М.В. Аниковичу, павловский и виллендорфский варианты костенковско-виллендорфской культуры) имеют равный таксономический статус. В последнем случае даже не важно, входит Хотылево II в павловьен или нет, поскольку это никак не влияет на гипотезу о «влиянии», которое прослеживается его сторонниками не в кремневом инвентаре, а в изделиях из кости. Между тем ключ к решению и вопроса о «ядре» Восточного Граветта, и вопроса о его «влиянии» на окружающие памятники лежит среди предметов со вторичной обработкой Хотылевской стоянки.

Комплекс кремневых орудий Хотылевской стоянки обладает ярко выраженными особенностями, которые проявляются как в приемах вторичной обработки, так и в типологическом составе кремневого инвентаря. Для Хотылево II характерно очень широкое использование техники резцового скола, притупливающей ретуши, в том числе – встречной, а также плоской вентральной ретуши, наносившейся на предметы, как правило, с краев заготовки. Подтеска, а также техника снятия краевых сколов применялась, но значительно реже. Применение крупной плоской вентральной ретуши не зафиксировано вовсе.

Использование крупной широкой пластины в качестве заготовки отмечается в основном для категорий резцов и скребков и реже – для ножей костенковского типа, а также острий на пластинах. При изготовлении категорий орудий с притупленным краем преобладающими заготовками были узкие пластины и микропластины.

Типологическое «лицо» Хотылевской стоянки определяется, прежде всего, комплексом изделий с притупленным ретушью краем: острий микрограветт и вашон, а также ППК/МППК, среди которых выделяются «пилки», широкие ППК с симметрично ретушированными концами, МППК с заостренными концами и вентральной ретушью на них.

Не менее своеобразен набор наконечников с боковой выемкой. Среди предметов этой категории встречены изделия, аналогичные наконечникам в составе инвентаря таких памятников как Гагарино, Костенки 21 (III слой), Молодово V (7 слой). Среди хотылевских наконечников выделяется еще одна группа, которая может рассматриваться в качестве специфической, характеризующей особенности кремневого инвентаря прежде всего Хотылево II. Она состоит из пяти предметов, главной отличительной чертой которых является использование встречной ретуши. Для них характерна также подработка пера у острия при помощи плоской вентральной ретуши,

нанесенной со стороны одного или двух краев.

Немногочисленная категория наконечников с боковой выемкой, имеющих в инвентаре Хотылевской стоянки, позволяет нам выстроить целый ряд разноуровневых аналогий, начиная с самых общих и завершая особенностями, характерными только для Хотылево II. Весьма симптоматично, что среди наконечников с боковой выемкой имеются типы, которые раньше были зафиксированы в инвентаре отдельных стоянок, но не встречались вместе. В хотылевском инвентаре нет наконечников с боковой выемкой костенковского типа, изготовленных на крупных пластинах. Однако другие разновидности, которые до этого были выделены по материалам восточнограветийских памятников, в нем присутствуют.

Развитой микроинвентарь сближает Хотылево II с памятниками Центральной Европы, традиционно относимыми к павловьену. Это прежде всего Дольни Вестоницы и Павлов. Практически все формы пластин и микропластин с притупленным краем, которые имеются в инвентаре Хотылевской стоянки, встречены и в названных памятниках. Но в инвентаре Павлова микроинвентарь богаче, чем в Хотылево II (Klíma, 1997). Среди хотылевских изделий отсутствуют треугольники и МППК со скошенными ретушированными концами. Нет среди них и острий павловского типа. Граветийские острия Дольних Вестониц имеют более крупные размеры, для них не характерна подработка концов и оснований вентральной плоской ретушью (Klíma, 1963).

В большей степени индивидуальный характер орудийного набора Хотылево II подчеркивают острия микрограветт и острия типа вашон, а также сочетание различных типов наконечников с боковой выемкой, не встречавшихся прежде в таком виде.

В целом же, своеобразие хотылевского кремневого комплекса проявляется в оригинальном сочетании приемов вторичной обработки и типов орудий, характерных для павловьена. Однако отнесение Хотылево II к павловьену (павловской культуре, по Г.П. Григорьеву, или павловскому варианту костенковско-виллендорфской культуры, по М.В. Аниковичу) не отвечает исчерпывающим образом на вопрос о культурной принадлежности этого памятника. Учитывая характер кремневого инвентаря и возраст хотылевской стоянки, павловьен не может рассматриваться, как это делает И.Свобода, в качестве ранней стадии Граветта на территории Центральной Европы, которая предшествует поздним граветийским памятникам с наконечниками с боковой выемкой и листовидными остриями (Svoboda, 1996). К тому же наконечники с боковой выемкой, изготовленные на крупных широких пластинах, известны не только на памятниках костенковско-авдеевской

культуры. Противопоставление павловьена и костенковско-авдеевской культуры как равных в таксономическом отношении единиц также не является корректным. Стоянки, относимые к павловьену, не обладают такой степенью типологического сходства кремневого инвентаря, какая наблюдается для костенковско-авдеевских памятников. Таксономически, индивидуальный характер «павловских» стоянок имеет тот же ранг, какой имеет уникальность типологической характеристики костенковско-авдеевской культуры.

Однако этот вывод не обязательно должен вести к признанию правильности представления о костенковско-авдеевской культуре как «ядре» Восточного Граветта, поскольку костенковско-авдеевская культура не включает в себе всего типологического разнообразия Восточного Граветта. В этой связи очень показательно совпадение в степени сходства между памятниками костенковско-авдеевской культуры по кремневому инвентарю и пространственной структуре поселений. Если сравнить по этому признаку стоянки павловьена, то выяснится, что и в данном случае мы имеем дело с индивидуальным характером каждого поселения при сходстве отдельных структурных элементов. Скорее всего, это совпадение свидетельствует в пользу того факта, что в рамках Восточного Граветта мы имеем дело каждый раз с индивидуальным типом поселений и только один тип – костенковско-авдеевский, распространен более широко, по крайней мере, на территории Русской равнины.

Исходя из этих соображений, стоянка Хотылево II может рассматриваться как самостоятельный тип памятника Восточного Граветта. Отнесение ее к павловьену означает лишь то, что Хотылевское поселение не является поселением костенковско-авдеевского типа.

Г.В. Григорьева

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮДИНОВСКОГО ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Приднепровье относится к особой области развития верхнего палеолита. Культурная принадлежность памятников определяется, прежде всего, характером каменного и костяного инвентаря. В этом

отношении специального внимания заслуживает Юдиновское поселение, где сохранились остатки жилищ из костей мамонтов и другие конструкции различного хозяйственного назначения. В фаунистических остатках Юдинова преобладают кости мамонтов и песцов. Памятник существовал в период Валдайского позднеледникового – 14-13 тыс. л.н.

Юдиново выделяется обилием костяных предметов разного назначения, которые близки к изделиям мадленской культуры.

О мадленской культуре и ее особенностях. Еще в XIX в. Л.Нидерле отмечал, что для мадлена характерны изделия из кости и рога. Из костей изготавливали в больших количествах стрелы, иглы, кинжалы, гарпуны, «жезлы». Украшения были представлены просверленными зубами животных, раковинами, подвесками из кости и камня и др. (Л.Нидерле, 1898, с. 32). Уже в начале XX в. Г.Обермайер относил мадлен к заключительной ступени новейшего палеолитического периода, совпадавшей с последним сильным похолоданием, или как он писал, «возвращением холода». Мадлен, по Г.Обермайеру, – время высочайшего искусства обработки изделий из кости и рога, время изготовления гарпунов. Совершенства достигло производство игл. Многочисленными были наконечники копий, шилья, долота. Развитие получило искусство. Украшали орудия и инструменты, нанося на поверхность рисунки. Появились просверленные изделия. Изготавливали украшения из раковин, подвески из кости и камня. Типичными орудиями мадлена являлись гарпуны и «жезлы». Каменные орудия – скребки, резцы, ножи, микролитические пластинки, пилки, имели скорее вспомогательное значение и служили для обработки костяных изделий. Выделены камни с естественными и искусственными впадинами, которые могли служить для растирания краски. «Одним словом, мы находимся на стадии развития, которая соответствует высшему расцвету культуры ледникового периода – это был кульминационный пункт культуры кочевых народностей четвертичного периода» – писал Г.Обермайер о мадлене (Г.Обермайер, 1913, с. 225). П.П.Ефименко подчеркивал – мадлен отличается развитой обработкой кости, рога и бивня, употреблявшихся для разных хозяйственных целей. Кремень и другие породы камня служили для отделки кости, рога, дерева и кожи (П.Ефименко, 1938, с. 469-477). К особенностям мадлена П.П. Ефименко относил: 1. развитую обработку кости, рога, бивня; 2. расцвет палеолитического «искусства»; 3. преобладание полярных животных. Несмотря на подвижный образ жизни, у мадленцев были долговременные стоянки и поселения. Мамонт, фактически

исчезнувший к концу мадлена, в Восточной Европе и Северной Азии дожил до поздней поры этой эпохи. В хозяйственной деятельности мадленцев преобладали охота и рыболовство.

Что касается Среднего Приднепровья, то В.А.Городцов в 1923 г. выделил мезинскую культуру, как своеобразный вариант восточноевропейской культуры мадленского времени (В.Городцов, 1923). В приледниковой Европе В. Городцов установил три локальных варианта мадленской культуры: 1. приатлантический или западноевропейский; 2. придунайский или среднеевропейский; 3. восточноевропейский. А.Н.Рогачев поддержал В.А. Городцова (Рогачев 1961, с. 41). Признавая отличие памятников Среднего Приднепровья от памятников других регионов развития культуры верхнего палеолита, А.Н. Рогачев при этом замечал, что «...наш мадлен может называться мадленом только по времени». Позже И.Г.Шовкопляс отнес приднепровские памятники к среднеднепровскому локальному варианту культуры мадленского времени Восточной Европы (Шовкопляс, 1965, с. 300).

Учитывая общие характерные особенности мадлена, обратимся к Юдинову. Каменный инвентарь поселения отличается устойчивым однообразием групп: резцы, скребки, пластинки. Среди резцов преобладают ретушные, боковые и двойные. Скребки в основном концевые, есть двойные, полуокруглые, округлые. Пластинки с притупляющей и мелкой краевой ретушью по краям и на концах, со стороны спинки и брюшка; немногочисленны прямоугольники и сегментовидные формы, единичны пластинки и с выемками и зубчатыми краями. Небольшими сериями представлены комбинированные и долотовидные орудия, остря, проколки, отбойники. Встречаются отдельные скребла. Отсутствуют руководящие формы, диагностичные для культуры. В целом, это довольно устойчивый набор орудий, использовавшийся главным образом для обработки бивня и кости (Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997).

Богата и разнообразна коллекция костяных изделий. Сырьем для обработки служили бивень и кость, в меньшей степени рог. Выразительную серию составляют наконечники копий, дротиков и стрел. Многие из них орнаментированы. Стрелы длиной от 1,5 до 7 см. Много тонких удлиненных стержней, использовавшихся, возможно, как наконечники. Значительным количеством представлены орудия труда, среди них: иглы из костей песка и редко из бивня, шилья из костей песка, остря из трубчатых костей и бивня, ложила из бивня и ребер. Найдено много землекопных орудий из ребер. Обнаружены ножи из крупных пластин бивня, «лопаточки», «игольники», молотки из рогов

северного оленя, рукоятки из рогов. Обильны украшения: бусы-нашивки, подвески, возможно, браслеты и диадемы, фибулы. Наиболее характерны для Юдиново бусы-нашивки, тонкие миниатюрные изделия, разнообразной формы, насчитывающие вместе с заготовками около 10 тыс. экземпляров. Многообразны подвески с просверленным отверстием. Интересны 2 фибулы, одна из которых орнаментирована. От браслетов и диадем сохранились только фрагменты. Единичные произведения искусства представлены гравированными изображениями, орнаментированными бивнями и головкой птицы, упоминаемой В.Д.Будько в его публикациях. Собраны пластинки и обломки, орнаментированные с одной, реже с обеих сторон. Нет в Юдинове гарпунов и «жезлов», но в целом набор костяных изделий типичен для мадленских памятников.

Собрана богатая коллекция раковин, у многих специально сделаны отверстия. По определению Я.И.Старобогатова, преобладают черноморские раковины. Найден небольшой кусочек янтаря округлой формы и отдельные белемниты, три из них расколоты вдоль.

Многие костяные изделия украшены геометрическим орнаментом. Наиболее распространенная фигура орнамента – ромб. Простые элементы орнамента: линии, прямые и волнистые, штрихи и насечки; сложные элементы: зигзаги, шевроны. Имеются сложные композиции, состоящие из нескольких элементов.

В целом, для Юдиново типичны: довольно однообразный набор каменных орудий; богатая коллекция костяных изделий, развитая обработка бивня и кости, включая сверление; геометрический орнамент, широко распространенный в мадленских памятниках Западной и Центральной Европы. Но в Юдиново нет гарпунов, типичных для мадлена. Экономика Юдиново и мадленских памятников основана на разной охотничьей добыче. При этом следует иметь в виду разновидности региональных различий в мадлене, где, наряду со сходством, существовали свои особые локальные отличия.

Учитывая вышесказанное, мы полагаем, что Юдиново является мадленским памятником не только по времени, а и по культуре.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ ПАЛЕОЛИТА

(по поводу замечаний А.Н.Рогачева)

В 1962 году в Своде по палеолитическому искусству была помещена статья А.Н.Рогачева, посвященная описанию скульптуры животных из второго слоя Костенок 11 (Аносовка 2), в которой автор предложил рассмотреть достаточно существенные для изучения анималистических изображений вопросы. Сейчас их можно сформулировать следующим образом: профильное восприятие изображений животных при доминирующей значимости контурного воспроизведения, согласованность отдельных форм статуэток в обобщенной передаче образа, возможность использования «перспективы» при переходе от восприятия к представлению.

Среди костенковских стоянок выделены три поселения, где серийно были найдены скульптуры животных из мергеля: верхние слои Костенок 1 и Александровки, второй слой Костенок 11. Это, как правило, силуэтные скульптурные изображения крупных животных (мамонт, носорог, бизон, лошадь) и скульптурные головки (медведь, лев, редко лошадь), отличающиеся от предыдущих условных форм большей степенью детализации или абстрактности (стилизация).

Профильный абрис скульптурных композиций даже с использованием принципа редуцирования дает представление о виде животного. В Костенках 1 встречены фигурки животных, имеющие обобщенные очертания и лишённые головы, но конкретные приемы пластической разработки формы торса (преувеличенные бока, массивные, попарно расположенные конечности, короткий углоподобный хвост) в согласованности с контуром спины показывают образ носорога. С одной стороны, их можно рассматривать в качестве использованных целых статуэток с намеренно отбитыми головами, с другой, как некое обозначение животного посредством передачи целого через какую-либо его часть. Этот способ служит важнейшим средством формообразования и определяется в искусствоведении как «синекдоха» (Королькова, 1996, с. 46).

Скульптурные головки животных, особенно в Костенках 1, также служат примером преимущественно профильного восприятия изображенных или же в несколько измененном ракурсе. Об этом свидетельствует асимметрия в показе деталей головы (левостороннее и правостороннее соотношение относительно линии носа), различная

техника и приемы воспроизведения глаз, ушей, иногда формы нижней челюсти. В данном случае интерпретация возможна только при согласованности контура лобно-носовой части головки с характером нижней челюсти и наиболее типичными для определенного зоологического вида признаками.

А.Н.Рогачев справедливо замечал, что «острая наблюдательность первобытного скульптора и способность точно схватить общий контур животного ... придавали особую выразительность и живость образу» (Рогачев, 1962, с. 79). Миниатюрные фигурки мамонтов и носорогов из Аносовки 2, достаточно подробно рассмотренные в статьях А.Н.Рогачева, лишь отчасти находят аналогии по композиционному построению с изображениями животных из Костенок 1 и Александровки. Общим может являться только уплощенное основание без обозначения конечностей и подразделение фигурок на две условные формы: «голова» и «туловище». Статуэтки мамонта из Аносовки 2 отличаются не только своей миниатюрностью и использованием для их изготовления относительно объемных полушаровидных заготовок, но и большей вариабельностью даже в своей группе. Соотношение объемов головы и туловища не дает устойчивой соразмерности, что обычно находит объяснение в изображении различной позы животных. А.Н.Рогачев впервые обратил внимание на различную степень схематизации фигурок и присутствие совсем миниатюрных скульптурок (до 1 см), что позволило ему предположить о возможности использования статуэток для демонстрации стада с детальным воспроизведением только ближайших животных, остальные по мере удаления представляются обобщенно и в значительно уменьшенном виде. Таким образом, был поставлен вопрос о «чувстве перспективы» и ее «выражении на плоскости в соответствующей расстановке фигурок» (пространственная перспектива). При переходе от восприятия к представлению структура образа изменяется в сторону обобщения, при этом утрачиваются детали формы. Условно обобщенная трактовка образа крупных животных в искусстве костенковских поселений (несмотря на миниатюрность изображений фигуры животных представлены целиком, в полный рост), видимо, является результатом скорее особенностей восприятия человеком этих животных в так называемой «перспективе».

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ТЕХНОКОМПЛЕКСА БРОММЕ

В настоящее время началом мезолита принято считать чисто условную границу, начало пребореала, когда 10 тыс. лет назад плейстоценовый перигляциальный фаунистический комплекс резко сменяется голоценовой лесной фауной. Верхняя граница палеолита проводится на уровне аллереда – дриаса младшего. В это время на территории севера Европы получает распространение круг специфических культур с черешковыми наконечниками стрел, наиболее ранняя из которых представлена технокомплексом бромме.

Благодаря открытию новых местонахождений с наконечниками этого типа, ареал бромме значительно расширен по сравнению с традиционными представлениями, и охватывает территорию от Великобритании на западе до Верхней Волги на востоке. Хотя сам технокомплекс выделяется на основе целого ряда типологических, технологических, хозяйственных и экологических особенностей, в основе его идентификации лежит присутствие черешкового наконечника со строго определенными техническими, формальными и параметрическими показателями.

Основной ареал распространения бромме ограничивается территорией Дании и Южной Скандинавии, где технокомплекс представлен большим числом памятников. На территории Германии, Польши, Литвы, Белоруссии, Украины относимые к нему стоянки значительно менее многочисленны и включают ряд специфических особенностей, не характерных для «классического» ареала бромме, но характерных для соседних, местных, культурных традиций. Морфология же самих наконечников типа бромме от Великобритании до Валдая, практически идентична. Ситуация следующая: принадлежность к одному технокомплексу определяется сходством черешковых наконечников; принадлежность к одному из почти десятка выделенных локальных вариантов – специфическим сочетанием нескольких компонентов, имеющих более узкий ареал распространения, но встречающихся и в комплексах без наконечников бромме, то есть за пределами его формальных рамок.

Хронологическая позиция технокомплекса на рубеже плейстоцена и голоцена определяет существование вопроса о его положении в системе периодизации каменного века Европы: к палеолитическому или пост-палеолитическому (мезолитическому) миру или этапу общей периодизации он относится? Конкретная задача

традиционна: является ли морфологическая идентичность наконечников, при наличии локальных вариантов, свидетельством непосредственного распространения населения (миграции), носителя этой культурной традиции, или свидетельством заимствования (диффузии) одного типа метательного вооружения?

Раскрытие первого предполагает определение различий между «мирами» или этапами периодизации. Решение второго может быть связано с конкретным контекстуальным анализом каждого из выделяемых локальных вариантов.

1. Локальные варианты технокомплекса бромме.

Картографирование памятников культурной традиции бромме позволяет полагать наличие 8 локальных групп, проблема одновременности существования которых составляет отдельный вопрос, здесь не рассматриваемый.

1. Основным ареалом распространения культуры бромме является территория Дании и Южной Швеции, где в настоящее время известно более 50 стоянок и местонахождений. Стоянки расположены, как правило, на песчаных холмах и на приустьевых участках впадения мелких речек или ручьев в озера, предположительно близ мест переправы животных. Экономика населения базировалась на охоте на северного оленя при наличии на стоянках остатков представителей лесной фауны: лося, гигантского оленя, бобра, россомахи, косули. Площадь стоянок варьирует в пределах 50 кв. м. Жилища культуры бромме – легкого наземного типа с очагами. Радиоуглеродные и термолюминисцентные даты, а также заключения спорово-пыльцевого анализа позволяют связать первые проявления культуры бромме с аллередским потеплением.

Типологический набор инвентаря бромме относительно прост и определяется тремя основными видами орудий: наконечниками стрел, резцами и скребками, изготовленными на грубых толстых пластинах, полученных в технике расщепления твердым отбойником с одноплощадочных нуклеусов.

2. До недавнего времени указывалось только на южное и восточное направления распространения этой культурной традиции. Сейчас можно считать установленным, что западным пределом распространения наконечника бромме является Южная Англия. Выявленные в собраниях музейных коллекций, наконечники, бесспорно и по всем показателям относятся к этому специфическому типу. Характер поселений и типологический контекст наконечников остается неизвестным.

3. Северогерманская группа памятников культуры бромме была отделена от классической (Дания, юг Швеции, Шлезвиг-Гольштейн) В.Тауте. Отличительной ее особенностью является сосуществование с культурой федермессер, что рассматривается как прямое свидетельство южного направления распространения (миграции) населения культуры бромме в аллередское время с территории, сплошь занятой ее носителями, на территории, ранее заселенные населением иной, автохтонной, культурной традиции.

4. На территории Польши найдены стоянки, датируемые аллередом и младшим дриасом, культурная принадлежность которых определяется как бромме-лингби. Специфика наконечников этой группы состоит в меньших размерах заготовки (наконечники ст. Цалование — радиоуглеродная дата сл.Va, раскоп III, аллередского времени), на которой они были изготовлены, но пропорции остаются в пределах, установленных для наконечников Дании. Для наконечника типа бромме со стоянки Рыдно специфика проявляется в уменьшении толщины заготовки. Эта черта — уменьшение толщины заготовки — является отличительной особенностью для групп бромме Понеманья и Поднепровья. Не исключено, что уменьшение толщины заготовки наконечников этой группы является хронологическим показателем,

5,6. На специфику черешковых наконечников Понеманья и сходство их с формами бромме впервые обратила внимание Р.К.Римантене, но определяла их принадлежащими «прибалтийскому мадлену». Пропорции наконечников Понеманья и Поднепровья отличны от Западных аналогов: так же как и в Польше, в большинстве своем массивность заготовок колеблется около 5 мм. Несмотря на различия в деталях, памятники группы 4,5,6 представляют собой единую культурную провинцию внутри ареала бромме. Ее специфика скорее всего связывается как с влиянием свидера, так и с более поздней хронологической позицией.

7. Южная граница распространения технокомплекса проходит по территории Украины, где с бромме связывается генезис красносельской культуры. Черешковые наконечники стрел стоянок этой группы по морфологии более близки датским эталонам, чем центрально-европейским аналогам.

8. Восточная граница бромме проходит по территории Волговерховья, где, выявлены те же самые закономерности эволюции инвентаря, что и для всего круга культур с черешковыми наконечниками стрел: в самом общем виде — уменьшение размера заготовок и увеличение разнообразия форм орудий. На основе комплекса естественнонаучных данных для этой группы оказалось

возможным определить этапы эволюции и наметить существование более мелких локальных вариантов.

Учитывая то, что сложившиеся представления о структуре, распространении и дифференциации технокомплекса бромме базируются, в основном, на типологическом анализе, при большом дефиците естественнонаучных обоснований, и, учитывая различную степень изученности территорий, включенных в ареал его распространения, можно предположить, что уже в аллередское время технокомплекс бромме получает распространение на очень широкой территории и, скорее всего, его распространение было связано с миграцией населения.

В пользу этого объяснения говорит прерывистый характер выделенных локальных групп, что не свойственно диффузионным процессам, и значительно большее единообразие их материальной культуры на раннем (аллередском) этапе, чем на более поздних.

II. Периодизационная позиция технокомплекса бромме.

Плейстоценовый возраст стоянок бромме для большинства современных исследователей является бесспорным основанием для определения его верхнепалеолитической атрибуции. Тем не менее, по ряду качественных показателей, бромме имеет сходство с археологическими культурами последующей, мезолитической эпохи.

Три момента лежат в основе определения места бромме в рамках периодизации каменного века Европы: 1) экологическая привязка стоянок, 2) общий состав и характер материальной культуры, и 3) характер ее изменчивости и эволюции.

II.1. Экологическая привязка.

Распространение традиции бромме имеет четко выраженную широтную зональность. По этому показателю бромме отличается от основных технокомплексов верхнего палеолита, ориньяка, граветта и мадлена, не имеющих однозначной привязки к географическим зонам, и сближается с культурными образованиями мезолита и неолита с их отчетливой связью с ландшафтно-географической зональностью.

II.2. Структура материальной культуры.

Редуцированный, обедненный по сравнению с предшествующим и частично одновременным мадленским технокомплексом, типологический состав бромме отличает его от классических культурных образований верхнего палеолита, и, также, сближает с культурами мезолита. Традиционно, этот признак связывается с увеличением мобильности населения, уменьшением групп, ведущих совместное хозяйство и пр. Это признаки социально-экономической организации более поздних эпох каменного века, внутри

которых локальные группы бромме выглядят как качественно однопорядковые явления.

II.3. Характер изменчивости и эволюции.

Проблема генезиса технокомплекса бромме настолько расплывчата и лишена фактических оснований, что ее существование объясняется исключительно существующей научной традицией. На современном уровне изученности бромме проблема генезиса не имеет нужной фактической базы. Очевидно, технокомплекс бромме не является ни наследником, ни производным предшествующих ему как западной, мадленской традиции, так и восточной, федермессер-тарновского круга. Это качественно новое, спонтанно возникшее в одном месте, явление в силу каких-то причин получившее быстрое и широкое распространение.

На всех освоенных территориях эволюция бромме имеет, в принципе, однородный характер: от унифицированного и однородного облика материальной культуры на раннем этапе – к усилению различий и разнообразия на поздних. Во всех выделяемых локальных вариантах, эволюция сопровождается или связывается с усилением влияния местного компонента, в отдельных случаях, вплоть до полного слияния местных линий развития с инородной, представленной бромме.

Вместе с тем, это не развитие местных традиций под влиянием пришлого населения, а именно эволюция бромме, и не как культуры носителей особенного метательного наконечника, а как специфического технокомплекса, включающего в себя набор технико-типологических и стилистических черт, и охотничьим хозяйством, специализированным на эксплуатации ресурсов строго определенной экологии. Вдобавок к этому, эволюция бромме внутри всех локальных вариантов имеет одинаковую направленность, и, скорее всего, идет с одинаковыми темпами.

III. Финальный палеолит: эпоха или переходный период..

Из трех возможных вариантов: отнесения бромме к верхнему палеолиту, мезолиту или выделения в отдельную единицу периодизации – финальный палеолит, предпочтительным и наиболее широко распространенным на настоящий момент, является третий. Практически, он является единственным, но признаки, по которым бромме, наряду с однопорядковыми и одновременными культурными образованиями Северной Европы: свидером и аренсбургом, объединяется в финальный палеолит, не являются альтернативными, а решение, следовательно, не может быть признано однозначным.

По широте распространения, сопоставимому с ареалами распространения граветта или мадлена, бромме принадлежит

верхнепалеолитическому миру. По редуцированному типологическому набору бромме сближается с составом мезолитических индустрий, и резко отличается от предельно развитого и дифференцированного типологического состава мадленских коллекций. Бромме имеет четко выраженную привязку к определенному типу природной зональности, что отсутствует в граветте или мадлене. Сближается бромме с постпалеолитическим миром по наличию и количеству локальных вариантов, и этим же отличается от значительно более сильно унифицированного мадленского технокомплекса. Вместе с тем, это и не мозаика мезолитических культур.

Наиболее приемлемым решением проблемы эпохальной атрибуции бромме, на сегодняшнем уровне знания, остается традиционное (практически, общепринятое) выделение финального палеолита в отдельную стадию периодизации каменного века Европы. В российской археологии авторство этого решения следует связывать с именем П.И.Борисковского, в системе представлений которого этот момент имел существенное значение и являлся одним из основных аспектов отличия его концепции от построений П.П.Ефименко.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 02-06-80497

Н.К. Анисюткин

ОТКРЫТИЕ ПАЛЕОЛИТА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

1. **Введение.** В 2001 году разведками Алексинского палеолитического отряда ИИМК РАН (руководитель Н.К.Анисюткин) была открыта новая стоянка каменного века, которая была датирована верхним палеолитом. Основанием для такой датировки явились условия залегания прекрасно сохранившегося культурного слоя, обнаруженного на глубине 3,5 м от современной дневной поверхности, в основании нижней (третьей) ископаемой почвы. Дополнительным подтверждением плейстоценового возраста отложений стоянки явились остатки фауны, где преобладали фрагменты костей северного оленя и бизона. К тому же четвертичный возраст отложений с культурным слоем был подтвержден тульскими геологами. Правда, этим данным не соответствовали чрезвычайно пластинчатый комплекс каменных орудий, а также, полученная по древесному углю, радиоуглеродная дата – всего 10 тысячам лет тому назад, указывая на эпипалеолит. Эта дата, которая по

ряду обстоятельств представляется омоложенной, требует дальнейшего подтверждения и призывает нас к осторожности при определении возраста стоянки. И, тем не менее, данная стоянка, в любом случае, вызывает у специалистов исключительный интерес не только хорошей сохранностью культурного слоя, но и особенностями уникальной стратиграфии.

2. **Топография и геоморфология стоянки.** Стоянка, которая получила название «Вашана», расположена в Алексинском районе Тульской области примерно в 1 км от села Соломасово, на правом берегу реки Вашаны, которая является правым притоком реки Оки. Фрагмент низкой террасы со стоянкой расположен в местности, которая известна у местного населения под названием «Лысая гора», находясь на правом берегу реки Вашаны приблизительно в 400-450 м ниже по течению реки от моста на автотрассе Алексин-Заокский, примерно в 1 км от села Соломасово. Здесь высокий правый берег представляет из себя мощный и крутой известняковый массив (цоколь высокой террасы) высотой 40-45 м от уреза реки Вашаны, рассеченный глубокими и, видимо, древними оврагами с водотоками. В устье второго из них (ниже по течению от моста) и находится стоянка. Мыс, на котором расположена стоянка, представляет из себя фрагмент низкой террасы, чья высота над современным уровнем реки равна 5-6 м, соответствуя гипсометрически, по мнению тульских геологов, первой надпойменной террасе. Она прислонена к более высокой террасе (известняковому массиву), цоколем которой являются известняки карбонового времени. Стоянка, которая расположена у тылового шва террасы, имеет южную экспозицию и защищена от северных ветров поверхностью высокой террасы.

Небольшие раскопки были проведены в 2001 и 2002 годах. За это время вскрыто всего 3 кв. м. Это объясняется недостатком средств, представленных алексинским спонсором-предпринимателем В.Н. Капитоновым, которому я выражаю свою признательность.

3. **Стратиграфия стоянки.** Общий пятиметровый стратиграфический разрез, полученный в результате наших раскопок, можно продемонстрировать на примере восточной стенки раскопа (описание ведется сверху вниз).

Слой 1. Современная почва темно-серого, почти черного цвета, однородная, комковатая (горизонт А). Общая мощность варьирует от 20 до 26 см. В основании слоя прослеживается тонкий горизонт из мелкого щебня, включая единичные осколки кремня, толщина которого увеличивается от 3 до 10 см на участке крайнего южного квадрата.

Слой 2. Суглинок коричневато-темносерого цвета однородный толщиной 10-12 см.

Слой 3. Суглинок коричневый, однородный, глинистый, мощность которого варьирует от 52 до 60 см.

Слой 3а. Суглинок коричневый со слабо выраженными гумусированными прослойками и пятнами темного цвета. Мощность – 40-45 см.

Слой 4. Слой из обломков известняка, осколков кремня и дресвы, мощность которого резко возрастает вниз по склону, но незначительна на верхнем (северном) квадрате. Толщина слоя увеличивается от 3 см до 15 см. Здесь встречаются единичные переотложенные кремневые отщепы.

Слой 5. Ископаемая почва черного цвета с включениями редких осколков известняка. Слой лежит на тонком горизонте из обломков известнякового щебня. Общая мощность почвы -20-35 см. Здесь встречаются единичные артефакты и древесные угольки.

Слой 6. Суглинок светло-коричневого цвета, разделенный в средней части двумя очень тонкими прослойками из дресвы и мелкого щебня. Толщина слоя от 90 до 92 см.

Слой 7. Суглинок темно-серого цвета, плотный (ископаемая почва) с включениями слабо окатанных обломков известняка крупных и средних размеров, лежащих горизонтами (до 7 см) вместе с тонкими прослойками песка и дресвы в кровле и основании почвы. Мощность слоя равна 20 см.

Слой 8. Суглинок коричневый, однородный, в кровле которого найден крупный кремневый отщеп. Толщина слоя 27-30 см.

Слой 9. Суглинок темно-серого цвета, гумусированный, однородный, комковатый (ископаемая почва). В нижней части слоя выявлено скопление древесных и костных угольков, обломков костей животных и кремневые изделия, которое простирается горизонтом в 20-15 см на всей вскрытой раскопками площади (культурный слой). Общая мощность ископаемой почвы достигает 60-70 см.

Слой 10. Суглинок коричневый, слабо известковистый толщина его варьирует от 30 до 35 см. В основании этого слоя (глубина -390) выявлено углистое скопление, но без костей животных и артефактов, хотя на соседнем квадрате, (шурфе 2001 года), выявлено 3 кремневых изделия, включая гигантолит (пренуклеус), вторичное ядрище и пластинчатый отщеп. Однако, выделять на этом основании нижний культурный слой рано.

Слой 11. Толща мощностью 65-70 см, представленная прослойками желтого песка и глинистой супеси с окатанными

крупными и средними обломками плит известняка, галек и осколков кремня. Слой можно воспринимать как русловую фацию аллювия реки Вашаны.

Слой 12. Слабоокатанные плиты известняка, лежащие горизонтально, сцементированы тяжелым суглинком светло-коричневого цвета; на поверхности верхнего горизонта плит (на контакте с подошвой аллювия) найдено архаичное орудие (острие типа Quinson). Это орудие по морфологии созвучно изделиям, найденным в галечниках на скальном цоколе соседнего мыса. Слой прокопан в пределах шурфа 2001 (квадрат 1) на глубину 40 см.

Таким образом, общий разрез, сформированный отложениями пролювиально-делювиального типа, имеет глубину около 5 м, вскрыв не только культурный и аллювиальный слой, но и, как можно предположить, основание террасы, представленное типично склоновыми отложениями.

Прослеживаются три горизонта ископаемых почв и несколько горизонтов эрозии, которые (кроме самого верхнего) соответствуют, по мнению группы тульских геологов, ознакомившихся с разрезом в 2002 году, четвертичному периоду.

4. **Описание культурного слоя.** Культурный слой обнаружен на глубине 3,4 м от условного нуля, в качестве которого принят северо-восточный угол шурфа 2001 года (квадрат 1). Культурный слой состоял, как это мною наблюдалось и ранее на других стоянках с хорошо сохранившимися культурными слоями, из двух горизонтов: верхнего и нижнего. Первый, толщина которого не превышала 5-6 см, характеризовался отдельными древесными угольками, крошечными фрагментами костей, единичными кремневыми изделиями, прежде всего чешуйками или мелкими обломками пластинок. Второй имел значительную насыщенность разнообразными находками, включая скопления древесных и костных углей, большинство обломков костей, а также основную массу кремневых изделий. Здесь отмечаются вместе с углистыми пятнами и распыленными частичками углистой массы включения комочков и пятен оранжево-рыжей охры, приуроченной именно к этому горизонту. Последняя начисто отсутствует в верхнем горизонте, а также в остальных литологических слоях. Толщина культурного слоя, если судить по глубинным отметкам, была примерно 15 см. Заметно некоторое увеличение мощности на кв. 3 (вниз по склону) до 23 см, где самая верхняя глубинная отметка (чешуйки) соответствовала -336, а нижняя (для отщепа) -359. Кстати, все орудия встречены только в нижнем горизонте (перепад глубинных отметок от -349 до -356). В

северо-восточном углу кв. 1 (в стенке разреза) обнаружена часть небольшой ямки с тремя определенными косточками. К сожалению, основная часть данной ямки уходит на нераскопанную площадь стоянки, а поэтому нет возможности дать ее исчерпывающие характеристики. На кв. 1 выявлено скопление древесного и костного угля размерами 35 x 45 см при мощности 5 см, который можно описать как очаг. Кремневые изделия залегали четко горизонтально и имели хорошую сохранность.

5. **Остатки фауны.** В слое было обнаружено большое количество осколков и обломков костей животных хорошей сохранности, многие из которых были сильно обожжены. Все они имели очень мелкие размеры. Преобладали фрагменты менее 1 см. Обломки свыше 6 см единичны. На многих имеются следы погрызов. Общее количество костей, которое трудно установить по причине их размеров, около 1000. Палеозоологом Н.Д. Буровой предварительно определены следующие млекопитающие (раскопки 2001 г.): Северный олень (*Rangifer tarandus*)-5/1, бизон (*Bison priscus*)-13/1, заяц (*Lepus sp.*)-2/1, неопределимое копытное животное-представлено 5 осколками.

6. **Каменный инвентарь.** Общее количество кремневых изделий равно 330 предметам, включая 3 скребка, 3 резца, 3 пластинки с ретушью. Все скребки изготовлены на отщепе, а среди резцов представлены 2 срединных и 1 на углу сломанной пластинки. Преобладают чешуйки и осколки, которых около 60%. Многочисленны пластинки и микропластинки, а также их сечения. Изделия имеют преимущественно мелкие размеры и все изготовлены из местного кремня. Они лишены патины и имеют естественно острые грани. Многие обожжены. Нуклеусов нет, но 3 отщепа с ныряющими окончаниями, сохранившими основания нуклеусов, позволяют констатировать присутствие призматических ядрищ с коническими основаниями. В целом, речь идет об индустрии с весьма совершенной техникой расщепления, с многочисленными пластинчатыми и микропластинчатыми заготовками. Находка фрагмента крупного отщепа с ныряющим окончанием, сколотого с края бифаса, дает основание для предположения о присутствии в коллекции бифасиальных наконечников листовидных форм.

7. **Заключене.** Стоянка Вашана имеет очень хорошо сохранившийся культурный слой, который встречен на относительно большой глубине с выразительной стратиграфией. Это обстоятельство дает надежду на то, что здесь будут весьма продуктивными междисциплинарные исследования. Относительно особенностей каменной индустрии сказать сегодня что-либо однозначное трудно.

Раскопки только начались и вскрыта ничтожно малая площадь. Радиоуглеродная датировка пока одна, но она будет дополнена новыми образцами древесного угля, которые отобраны как из культурного слоя, так и из лежащих ниже отложений. Дополнительные сведения дадут возможность более уверенно оценить возраст стоянки, позволив тем самым отнести ее либо к эпипалеолиту, либо к верхнему палеолиту, нацелив (в зависимости от этого) исследования на решение ряда общих и специфических проблем доистории.

Сушественно указать на переотложенные находки каменных изделий среднепалеолитического облика, выявленных как в щебнисто-галечниковом слое соседнего мыса, так и в отложениях нашего раскопа 2002 года. Это позволит поставить интересную проблему присутствия среднего палеолита на данной территории. Первые подъемные находки кремневых изделий ашело-мустьерского облика были здесь сделаны ранее местным краеведом-любителем С.В. Зверевым и позднее дополнены нашими исследованиями 2001 года, когда аналогичные переотложенные артефакты извлечены непосредственно из древних отложений, исключив, тем самым, их связь с архаичными топоробразными изделиями неолитического времени.

Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков

ГОРА МАЯК – НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

(предварительные результаты исследования)

В 2002 году экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина были продолжены охранно-спасательные работы на раннесредневековом памятнике «Гора Маяк» близ с.Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области. «Гора» – местное название, представляет собой выступ высокого коренного берега – отрога Бузулукско-Белебейской возвышенности. Высота его превосходит 40 м над урезом реки Большой Черемшан (левый приток р.Волга). Выступ в виде языка спускается к пойме реки, имеющей в этом месте ширину до 5 км.

В 1960-х гг. казанскими археологами на вершине «Горы Маяк» было открыто селище именьковской культуры (Старостин П.Н.,1967). С конца 1980-х годов здесь интенсивно разрабатывался карьер, который

уничтожил значительную часть холма. В 1991 г. в северо-восточной части горы был обнаружен и исследовался раннесредневековый могильник.

В 2001 году экскаваторщик, работающий в карьере, обнаружил торчащие из стенки обнажения человеческие кости, которые залежали ниже гумусного слоя.

В 2002 году в месте обнаружения человеческих останков был разбит раскоп, который позволил исследовать здесь несколько захоронений и остатки поселений нескольких археологических эпох. К сожалению, карьерные разработки затронули и уничтожили как культурный слой поселений, так и древние погребения. Кроме того, удачное господствующее положение выступа холма над окружающей равнинной местностью, с большим радиусом обзора, привлекало сюда людей неоднократно, а каждое последующее поселение нарушало культурный слой предыдущего.

Самое древнее из исследованных здесь поселений относится к эпохе каменного века. По предварительному анализу каменного инвентаря – это скорее всего эпоха рубежа мезолита-неолита. На памятнике обнаружено более пятисот артефактов, изготовленных, как правило, из кремневого сырья разного качества, а возможно и происхождения. Основной заготовкой служила кремневая пластина отжимной техники с правильной огранкой спинки, параллельными краями и прямоосной в профиль. По самым предварительным подсчетам, можно уловить некий стандарт заготовки на памятнике. Это небольшие ножевидные пластины, имеющие ширину 7-8 мм и толщину 3-4 мм. Как правило, они не имеют вторичной обработки, фрагментированы и имеют следы износа по одному острому краю. Они количественно преобладают над другим инвентарем. Среди них отсутствуют геометрические формы. Орудийный набор включает наконечники стрел поствидерского типа, небольшое количество атипичных резцов, концевые скребки, несколько обломков бифасиальных орудий. Нуклеусы представлены, в основном, обломками со следами снятия микропластин.

Исследование культурного слоя поселения не закончено до конца. Раскоп вскрыт на глубину около 60 см. Вслед за гумусным слоем, имеющим мощность до 50 см, частично расчищен нижележащий слой щебнистого желтоватого суглинка. Во многих квадратах обнажился слой щебня, представленного как мягким белесым материалом, так и твердыми плитчатыми окаменелостями. На поверхности камней локализуется скопление обожженных костей животных.

Материал каменного века залегает в тех же горизонтах, что и средневековая керамика, поэтому затруднительно отнести эти скопления к какой-то конкретной эпохе. Дальнейшие исследования поселения были законсервированы до будущего полевого сезона.

В раскопе было исследовано три погребения, одно из которых оказалось парным. Могильные ямы были вырыты в материковом слое – каменистом щебне или цветных линзах глины. Очертания их не просматривались с уровня гумусного слоя поселения, поэтому о глубине могил можно судить только по их заполнению в материковом слое.

Погребение 1 было значительно повреждено карьером. Оно было срезано до уровня грудной клетки человека. Голова отсутствовала. Погребенный – взрослый мужчина лежал на спине с максимально подогнутыми в коленях ногами, так, что пятки его находились под тазовыми костями. Общая ориентировка костяка головой на Ю-ЮЗ. Правая рука была вытянута и положена поверх туловища, а левая рука, также вытянутая – под тазом. В районе колен погребенного были обнаружены костяные подвески из резца лося (оленья?) и пястных костей (куницы?). На левой половине таза – обломок ножевидной пластины и осколок кремня с морозобойными (?) кратерами на поверхности, а также три клыка куницы (песца?).

Погребение 2. Погребение мужчины прорезало и значительно разрушило более раннее погребение, которое принадлежало ребенку 5-7 лет. От него сохранился череп и фрагменты костей верхних конечностей. Глубина детского погребения была на 10 см. выше погребения 1. Судя по положению головы, тело ребенка лежало в положении на левом боку. Темечком на С-СВ.

Погребение 3 оказалось парным. Оно принадлежало женщине и младенцу. Женское погребение также пострадало от карьерных работ. У него отсутствовали ноги и кисти рук. Оно было совершено в вытянутом на спине положении, головой на север, лицо обращено на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. В районе левой руки погребенной обнаружены фрагменты черепа младенца.

По предварительному определению самарского антрополога А.А.Хохлова, женщина имела возраст около 25 лет, лицо в целом европеоидное, долихокранное. Однако четко фиксируется «уралоидность» (на черепе имеются как европеоидные, так и монголоидные признаки, доминируют европеоидные черты).

Могилы расположены на близком расстоянии друг от друга, на глубине 30-40 см в материковом слое. Имеются характерные очертания других могильных ям рядом с уже исследованными. Это позволяет

осторожно предположить, что мы имеем дело не с отдельными разнокультурными захоронениями, а с могильником, скорее всего оставленным одним населением. Окончательный вывод можно будет сделать при дальнейших исследованиях.

В лаборатории Геологического института РАН был выполнен радиоуглеродный анализа костного материала из погребения 1 и получена дата для данного захоронения (GIN-11528: 10030 ± 50 BP). Калибровка даты, выполненная по Оксфордской программе, удревняет дату до 12 тысяч лет. Кроме того, взяты образцы на палинологический анализ. Он еще не закончен в полном объеме. Однако известны некоторые показатели, указывающие на суровые условия перигляциальной степи: карликовая береза, полынь и маревые.

Таковы самые предварительные результаты исследования поселения и могильника «Гора Маяк», исследование которого будет продолжено.

СОДЕРЖАНИЕ

Г.П. Григорьев. Периодизация европейского верхнего палеолита.....	5
Г. Бозинский. Верхний палеолит Германии в структуре палеолита Европы.....	8
F. Djindjian. Peuplements & adaptations au paléolithique supérieur en Europe Occidentale.....	20
Н.Д. Праслов. А.Н.Рогачев и костенковская модель развития верхнего палеолита.....	26
H. Plisson, J.P. Chadelle, J.M. Geneste, S. Maury. Comment identifier les pointes de projectile? Modelisation experimentale et realite archeologique: l'exemple des pointes a cran solutreennes.....	30
А.А. Сеницын. Конкретно-исторический подход А.Н.Рогачева. Современное состояние.....	33
Л.Б. Вишняцкий. Опыт ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий: предварительные результаты.....	42
С.А. Васильев. Верхний палеолит Южной Сибири и Европы: сравнительная характеристика развития каменных индустрий.....	45
Н.Б. Леонова. Динамика изменений природного окружения и структур верхнепалеолитических памятников в Приазовье (на юге России).....	50
Л.Д. Сулержицкий. Время существования некоторых верхнепалеолитических стоянок по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны.....	58
Н.П. Герасименко. Природная среда обитания палеолитического человека Западного Крыма и Донбасса в последнем ледниковом периоде.....	63
М.В. Аникович, Дж.Ф. Хоффекер, Ст. Форман, В.В. Попов. Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы.....	68
Л.М. Тарасов. Поселение второго слоя Тельманской стоянки.....	73
С.Н. Лисицын. Многослойная стоянка Борщево 5 в контексте геоморфологии Костенковско-Борщевского района.....	77
Х.А. Амирханов. Восточногравецкие технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья.....	83
Е.Ю. Гиря. О возможностях выпрямления стержней из бивня мамонта.....	87
Ю.Н. Грибченко., Е.И. Куренкова, С.Н. Тимирева, Е.В. Воскресенская. Литолого-стратиграфические особенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины.....	89

Е.А. Спиридонова. Палинология и стратиграфия Костенок 14 в контексте палеоклиматических реконструкций Костенковско-Боршевского района.....	94
П.Ю. Павлов, А.А. Величко, Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова, Л.Д. Сулержицкий, С.Н. Тимирева. Стоянка Заозерье – памятник раннего верхнего палеолита на северо-востоке Европы (предварительные результаты исследований 2001 года).....	98
И.Е. Кузьмина. Результаты совместных археологических и зоологических исследований в Костенках за последние 50 лет.....	102
М.В. Саблин. Палеозоология стоянок Верхней Десны: новые данные.....	107
П.Е. Нехорошев. Развитие каменной индустрии финала среднего палеолита на Русской равнине (по материалам стоянки Шлях).....	109
А.Е. Матюхин. Мустьерские индустрии бассейна Дона в свете проблем среднего палеолита.....	114
М.Н. Желтова, Г.А. Хлопачев. Каменные и костяные острья Костенок 4 как культурно-хронологические индикаторы.....	120
Е.В. Булочникова. А.Н.Рогачев и М.В.Воеводский.....	124
В.В. Попов. Исследования и музеефикация стоянки Костенки 11.....	129
В.И. Беляева. Кремневая индустрия Пушкарей I.....	132
L. Iakovleva, F. Djindjian. Les nouvelles recherches sur le site de Ginty (Gontsy) dans le contexte des recherches anciennes et actuelles sur des habitats du bassin du Dniepr superieur et moyen depuis plus d'un siecle.....	137
К.Н. Гаврилов. О культурной принадлежности Хотылевской верхнепалеолитической стоянки.....	143
Г.В. Григорьева. О культурной принадлежности Юдиновского верхнепалеолитического поселения.....	147
С.А. Демещенко. Некоторые особенности зооморфной скульптуры палеолита (по поводу замечаний А.Н.Рогачева).....	151
Г.В. Синицына, А.А. Синицын. Локальные варианты технокомплекса бромме.....	153
Н.К. Анисюткин. Открытие палеолита в Тульской области.....	158
Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков. Гора Маяк – новый памятник каменного века в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования).....	163

CONTENTS

G.P. Grigoriev. Periodization of the European Upper Paleolithic.....	5
G. Bosinski. The Upper Paleolithic of Germany in the system the Paleolithic of Europe.....	8
F. Djindjian. Peuplements & adaptations au paléolithique supérieur en Europe Occidentale.....	20
N.D. Praslov, A.N.Rogachev and Kostenki model of the Upper Paleolithic development.....	26
H. Plisson, J.P. Chadelle, J.M. Geneste, S. Maury. Comment identifier les pointes de projectile? Modelisation experimentale et realite archeologique: l'exemple des pointes a cran solutreennes.....	30
A.A. Sinitsyn. Concrete-historical approach of A.N.Rogachev. Present state.....	33
L.B. Vishniatsky. A trial of rating of transitional and initial upperpaleolithic industries: preliminary results.....	42
S.A. Vasilyev. The Upper Paleolithic of South Siberia and Europe: comparative characterization of stone industries development.....	45
N.B. Leonova. Dynamics of natural environment changes and structures of the upperpaleolithic sites in Azov region (South of Russia).....	50
L.D. Sulerzhitsky. Time of existence of some upperpaleolithic sites according to the radiocarbon dating of megafauna bones.....	58
N.P. Gerasimenko. Natural environment of the Paleolithic man habitation in the West of Crimea and Donbass during the last glacial period.....	63
M.V. Anikovich, J.F. Hoffecker, S. Formann, V.V. Popov. New data on the multiplayer site Kostenki 12 (Volkovskaya) in th light of problems of the Upper Paleolithic of Eastern Europe.....	68
L.M. Tarasov. Habitation of the second layer of Telmanskaya site.....	73
S.N. Lisitsyn. Multilayer site Borshevo 5 in the context of geomorphology of Kostenki-Borshevo region.....	77
H.A. Amirkhanov. Eastgravettian technological elements in the materials of the late stage of the Upper Paleolithic of Oka basin.....	83
E.U. Giria. On the possibility of the mammoth ivory rods straightening.....	87
U.N Gribchenko, E.I Kurenkova, S.N. Timireva, E.V. Voskresenskaya. Litho-stratigraphic features of the upperpaleolithic sites of theEast European Plain.....	89
E.A. Spiridonova. Palinology and stratigraphy of Kostenki 14 in the context of paleoclimatic reconstructions in the Kostenki-Borshevo region.....	94
P.U. Pavlov, A.A. Velichko, U.N. Gribchenko, E.I. Kurenkova, L.D. Sulerzhitsky, S.N. Timireva. Site Zaozer'e – settlement of the	

initial Upper Paleolithic in the North-East of Europe (preliminary results of the investigations of 2001).....	98
I.E. Kuzmina. Results of cooperative archaeological and zoological investigations in Kostenki for the last 50 years.....	102
M.V. Sablin. Paleozoology of the Upper Desna sites: new data.....	107
P.E. Nehoroshev. Development of the stone industry of the finale of the Middle Paleolithic in the Russian plain (based on the site Shlyakh materials).....	109
A.E. Matiukhin. Mousterian industries of the Don basin in the light of problems of the Middle Paleolithic.....	114
M.N. Zheltova, Г.А. Khlopochev. Stone and bone points of Kostenki 4 as cultural-chronological indicators.....	120
E.V. Bulochnikova, A.N.Rogachev and M.V.Voevodskiy	124
V.V. Popov. Research and museum conservation on the site Kostenki 11.....	129
V.I. Belyaeva. Flint industry of Pushkari I.....	132
L. Iakovleva, F. Djindjian. Les nouvelles recherches sur le site de Ginsy (Gontsy) dans le contexte des recherches anciennes et actuelles sur des habitats du bassin du Dniepr superieur et moyen depuis plus d'un siecle.....	137
K.N. Gavrilov. On the cultural attribution of the Upper Paleolithic site Khotylevo	143
G.V. Grigorieva. On the cultural attribution of the Upper Paleolithic settlement Yudinovo.....	147
S.A. Demeshenko. Some peculiarities of the zoomorphic sculpture of the Paleolithic (on remarks of A.N.Rogachev).....	151
G.V. Sinitsyna, A.A. Sinitsyn. The local variants of Bromme technocomplex.....	153
N.K. Anisiutkin. Discovery of the Paleolithic in Tula region.....	158
L.V. Kuznetsova, D.A. Stashenkov. Gora Mayak – new site of the Stone Age in Samara region (preliminary results and investigations).....	163